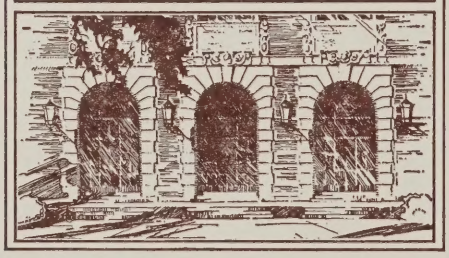
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

q B
G2832c



Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/pamiatialeksandr00unse

З 1047 104

ПАМЯТИ

Александра Павловича

ГАВРИЛЕНКО

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

МОСКВА—1915.

6/8944
11
56197

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

ГАВРИЛЕНКО

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

МОСКВА,—1915 г.

Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла.
Москва, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.

9 B
G2832c

Часть I.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

СОВѢТЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

извѣщаетъ о безвременной кончинѣ

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ О-ВА ПРОФЕССОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

ГАВРИЛЕНКО,

послѣдовавшей въ ночь на 10-е мая с. г. Панихида отъ О-ва—въ понедѣльникъ, въ 8 час. вечера, въ актовомъ залѣ Императ. Технич. училища. Отпѣваніе—во вторникъ, 13-го мая, въ церкви И. Т. У. Погребеніе—въ Донскомъ монастырѣ.

„Русск. Вѣд." № 108 11/V, 1914 г.

Habrmecky

Александръ Павловичъ Гавриленко принадлежалъ къ дворянской семьѣ. Его отецъ Павелъ Антоновичъ, дворянинъ Екатеринославской губерніи, въ чинѣ прапорщика принималъ участіе въ войнѣ противъ турокъ въ 1853 и 1854 годахъ.

Послѣ войны, выйдя въ отставку, Павелъ Антоновичъ вернулся домой въ свое имѣніе въ Екатеринославской губерніи и занялся хозяйствомъ. Въ это время, когда Павелъ Антоновичъ вмѣстѣ съ семьей былъ въ городѣ Александровскѣ, 1 марта 1861 года у него родился сынъ, которому дали имя Александръ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія своего сына, Павелъ Антоновичъ переѣхалъ на Кавказъ, гдѣ занялся овцеводствомъ.

Не имѣя достаточно знаній въ новомъ для него дѣлѣ, Павелъ Антоновичъ скоро разорился, имѣніе пришлось продать, и онъ переѣхалъ въ Москву, думая какъ-нибудь просуществовать на жалкія крохи, какія у него остались.

Началъ свое обученіе А. П. въ дѣтскомъ саду Ильинской. Въ это время дѣтскіе сады только еще начинали входить въ употребленіе, однако дѣтскій садъ Ильинской стоялъ на достаточной высотѣ.

Переѣхавъ въ Москву, Павелъ Антоновичъ отдалъ своего сына въ реальное училище Воскресенскаго, а потомъ, въ 1873 году перевелъ его въ подготовительные классы Техническаго Училища, которое впослѣдствіи было преобразовано въ высшую школу, гдѣ А. П. и закончилъ свое образованіе.

Все это время матеріальныя условія Павла Антоновича были очень затруднительны.

Между прочимъ, онъ купилъ въ 1879 году библіотеку, но она давала лишь небольшой доходъ, который годъ отъ году становился все меньше и меньше. Послѣднее время Павелъ Антоновичъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Однако онъ находилъ средства, чтобы помогать своему сыну, и когда А. П. жилъ въ Америкѣ, Павелъ Антоновичъ нашелъ возможнымъ еще ограничить себя, чтобы поддержать сына. Только когда А. П. окончательно сталъ на ноги и взялъ отца къ себѣ, старикъ могъ, наконецъ, покойно провести послѣдніе дни въ уютной и комфортабельной обстановкѣ.

Окончивъ въ 1882 году курсъ наукъ въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ, Александръ Павловичъ прослужилъ три мѣсяца вольноопредѣляющимся въ артиллеріи (въ селѣ Клементьевѣ, подъ Москвой), а по отбытіи военной службы, уѣхалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами въ октябрѣ 1882 года для усовершенствованія въ дѣлѣ машиностроенія въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Здѣсь А. П. поступилъ на заводъ Гуго Билграма, въ Филадельфіи и въ теченіе полугода занимался изученіемъ массоваго способа изготовленія спеціальныхъ зуборѣзныхъ машинъ системы Билграмъ. Затѣмъ А. П. поступилъ рабочимъ на извѣстный машиностроительный заводъ Биментъ и Майльсъ, въ Филадельфіи, гдѣ работалъ полтора года. Въ началѣ 1884 г. А. П. поступилъ рабочимъ на инструментальное отдѣленіе всемірно-извѣстнаго завода Браунъ и Шарпъ, въ Провиденсѣ. Далѣе А. П. опять переселился въ Филадельфію и поступилъ на заводъ Шютце и Герингъ. Затѣмъ Александръ Павловичъ подробно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ изучаетъ всемірную выставку въ Новомъ Орлеанѣ, а осенью 1885 года осматриваетъ выставку въ Антверпенѣ.

По возвращеніи въ Россію А. П. поступаетъ помощникомъ директора на заводъ Московскаго Товарищества Металлическихъ Издѣлій, потомъ приглашается конструкторомъ на механическій заводъ Доброва и Набгольцъ въ Москвѣ, наконецъ, при началѣ постройки новаго водопровода въ Москвѣ, А. П. былъ приглашенъ Московской Городской Управой завѣдывать городской сѣтью московскаго водопровода.

Въ 1888 году начинается дѣятельность А. П. въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ, въ которомъ онъ занялъ съ 27-го августа должность репетитора по каѳедрѣ построенія машинъ.

4 іюня 1889 года Александръ Павловичъ женился на дочери

А. П. Гавриленко въ 1865 году.

1047 24.8.77

Государственная библиотека СССР имени В.И.Ленина
Отдел международного книгообмена

Место хранения М 56197
Автор Памяти Александра Павловича Гавриленко
Название Политехническое общество. М.,1915.
242с. с илл.

сост.хорошее 7р.

Просьба карточку обязательно вернуть.
(Смотрите на обороте)

Состояние: хорошое, удовлетворительное, плохое.
Роскошное издание.
Издание частично разброшюровано.
Переплет, титульный лист, верхняя, нижняя обложка отсутствует, поврежден/а/, отпадает, подклеен/а/.
На титульном листе печати.
Пометки в тексте чернилами, карандашом.
Страницы пожелтели, в пятнах.
Обрез ветхий.

3602
4144

генералъ-майора Петра Васильевича Залѣсскаго, Софіи Петровнѣ. Однако, не пробывъ съ семьей и двухъ мѣсяцевъ, уже къ концу лѣта онъ покидаетъ Москву и отправляется въ Парижъ на всемірную выставку. Одновременно онъ успѣваетъ осмотрѣть цѣлый рядъ извѣстныхъ европейскихъ заводовъ. Вернувшись съ выставки, А. П., въ компаніи съ А. Г. Розенблюмомъ, открываетъ въ Москвѣ чугунно-литейный заводъ, при чемъ завѣдываніе этимъ заводомъ всецѣло ложится на А. П.

Въ 1890 году А. П. былъ приглашенъ Правленіемъ Московскаго университета завѣдывать техническими сооруженіями клиникъ, которыя въ это время строились. Онъ занималъ эту должность въ теченіе 6 лѣтъ.

Въ 1893 году А. П. становится преподавателемъ по предмету технологіи металловъ и дерева въ Техническомъ Училищѣ, а лѣтомъ этого же года онъ опять ѣдетъ въ Америку, посѣщаетъ выставку въ Чикаго и много машиностроительныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

Вернувшись въ Россію, онъ приступаетъ къ своимъ работамъ по составленію курса технологіи металловъ (часть этого курса была напечатана имъ въ 1897 году.)

Въ 1894 году педагогическимъ совѣтомъ Техническаго Училища А. П. было поручено чтеніе предмета о построеніи паровыхъ котловъ. Вслѣдъ за этимъ, въ скоромъ времени А. П. настолько основательно и удачно разработалъ свой курсъ паровыхъ котловъ, что не только могъ издать его въ печатномъ видѣ, но даже получилъ за него премію Княжевича.

Въ 1895 году Александръ Павловичъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Техническаго Училища.

Такимъ образомъ, въ періодъ 1893—1895 гг. опредѣлился весь кругъ преподаванія Александра Павловича въ Училищѣ, съ тѣхъ поръ остававшійся почти безъ измѣненій въ теченіе 20 лѣтъ. Въ этомъ преподаваніи, охватывавшемъ рядъ очень важныхъ техническихъ предметовъ, Александръ Павловичъ широко использовалъ свой громадный техническій опытъ, данный ему какъ прежней технической дѣятельностью, такъ и послѣдующими работами въ качествѣ консультанта и эксперта по очень разнообразнымъ и сложнымъ техническимъ вопросамъ въ промышленности, на рядѣ выставокъ и т. д. Эти условія позволили Александру Павловичу чрезвычайно оживить и приблизить къ жизни преподаваніе своихъ предметовъ по сравненію

съ прежней ихъ постановкой. Большая работоспособность помогла ему быстро написать и издать руководства по технологіи металловъ и паровымъ котламъ, изъ коихъ первое появилось въ печати впервые въ 1897 г., а второе въ 1900 г. Эти руководства выдержали три изданія, подвергаясь переработкѣ и дополненіямъ и заняли одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ нашей технической литературѣ, привлекая читателей богатствомъ и свѣжестью собраннаго матеріала. Въ этотъ періодъ преподавательская работа Александра Павловича сформировалась на долгіе годы и далѣе развивалось преимущественно его руководство проектированіемъ, охватывая болѣе сложные типы проектовъ и привлекая массу студентовъ, желавшихъ работать подъ его руководствомъ. Съ 27 сентября 1898 г. А. П. былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ технологіи металловъ и дерева, которую и занималъ до своей кончины.

Несмотря на такое количество разнообразныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, А. П. имѣлъ еще возможность удѣлить значительное количество времени на участіе въ дѣлахъ Политехническаго Общества, въ которомъ онъ несъ съ 1898 г. обязанности вицепредсѣдателя, а съ 1905 г. — предсѣдателя и все это время редактировалъ его печатный органъ, положивъ не мало труда и духовныхъ силъ на оживленіе дѣятельности Общества и на развитіе русской технической литературы.

Когда, съ 22 августа, 1905 г. высшія школы получили право избирать своихъ руководителей, Учебный Комитетъ 7-го сентября почти единогласно избралъ его директоромъ и повторялъ это избраніе неизмѣнно еще 4 раза.

Александръ Павловичъ сталъ во главѣ Училища въ самое тревожное и тяжелое для высшей школы время. Тогда внѣшній авторитетъ учебнаго начальства и моральный авторитетъ профессорской коллегіи были всей предшествовавшей академической политикой совершенно разрушены въ представленіяхъ студентовъ. Между тѣмъ ВЫСОЧАЙШІЙ Указъ 27 августа 1905 г. возлагалъ все направленіе академической жизни и всю отвѣтственность за нее на Совѣты высшихъ школъ. „Студенчество въ это время было охвачено острымъ политическимъ броженіемъ; оно было раздѣлено на группы, чуждыя и иногда враждовавшія, а по своимъ стремленіямъ часто очень далекія отъ какихъ-либо академическихъ интересовъ. Политическое броженіе

А. П. Гавриленко во время пребыванія въ Америкѣ.

осени 1905 г. ввело, несмотря на все противодѣйствіе Совѣтовъ высшихъ школъ, въ ихъ стѣны чуждую имъ толпу. Въ это крайне тяжелое для высшей школы время, когда она, можно сказать, перестала существовать, какъ таковая, Александръ Павловичъ долженъ былъ взять на себя руководство Училищемъ. Пользуясь дружной поддержкой всей преподавательской коллегіи и дѣйствуя всегда съ одобренія Учебнаго Комитета, Александръ Павловичъ долженъ былъ положить много усилій на устраненіе различныхъ столкновеній и на освобожденіе Училища отъ посторонняго элемента. Этого удалось ему достигнуть мирнымъ путемъ, не прибѣгая къ содѣйствію общей администраціи и не роняя, но, наоборотъ, укрѣпляя свой авторитетъ въ студенческой средѣ стойкой защитой академическихъ началъ противъ всякихъ постороннихъ вліяній*)". Съ ноября 1905 г. жизнь въ Училищѣ замерла, за исключеніемъ коллегіальной работы преподавателей и Учебнаго Комитета надъ вопросами преподаванія и общей организаціи, а также урегулированія чрезвычайно тяжелаго финансоваго положенія Училища. Въ этомъ направленіи практическій опытъ Александра Павловича и его умѣнье прямо подходить къ разрѣшенію жизненныхъ вопросовъ оказали Училищу чрезвычайную помощь.

Къ этому же времени относится и дѣятельное участіе А. П. въ качествѣ консультанта и члена правленія въ Московскомъ Союзѣ владѣльцевъ паровыхъ котловъ, представляющемъ весьма широкую и важную промышленную организацію, въ 1911 г. превратившуюся въ Московское Общество по надзору за паровыми котлами.

Въ „Обществѣ Содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій имени Х. С. Леденцова" Александръ Павловичъ принималъ дѣятельное участіе, съ самаго основанія Общества, — былъ членомъ-учредителемъ, непремѣннымъ членомъ Совѣта по своей должности директора Училища и почетнымъ членомъ Совѣта по избранію и предсѣдателемъ одной изъ экспертныхъ комиссій.

Кромѣ того, Александръ Павловичъ принялъ участіе въ развитіи новой высшей школы,—Московскаго Коммерческаго Института, былъ тамъ сперва преподавателемъ, а съ 1912 г. — сверхштатнымъ профессоромъ.

На ряду съ этимъ Александръ Павловичъ не прерывалъ своихъ связей и съ технической практикой, ибо со стороны промышлен-

---

*) Изъ Отчета И. Т. У. за 1914 г.

ности его огромный техническій опытъ, практичность и широта взглядовъ при разрѣшеніи техническихъ вопросовъ находили постоянное признаніе.

Всецѣло отдаваясь Техническому Училищу, А. П., конечно, болѣлъ всѣми несчастіями, и испытаніями, какія жизнь воздвигала на пути развитія этого Училища. Особенно болѣзненно отражались на немъ студенческіе безпорядки, эпидемія которыхъ одно время съ такой силой охватила Россію. А. П. вполнѣ понималъ трагическую психологію русскаго студента былого времени, котораго заставляли „бунтовать“ уродливыя условія нашей русской жизни. Эта жизнь съ какой-то удивительной ироніей создавала антагонизмъ между исканіемъ знаній и желаніемъ сохранить уваженіе къ себѣ, какъ этической личности. А. П. понималъ эту „иронію россійскаго уклада“ и, ставя во главу угла благополучное развитіе Техническаго Училища, прилагалъ всѣ свои силы, чтобы провести жизнь дорогой для него высшей школы между Сциллой и Харибдой русской дѣйствительности.

Иногда всѣ эти заботы такъ тяжело ложились на душу Александра Павловича, что онъ не могъ подавить дурное настроеніе и обезпокоенный и хмурый упорно хранилъ молчаніе въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Такъ въ непрерывномъ упорномъ трудѣ, твердо слѣдуя разъ принятому направленію, молча перенося невзгоды, прошелъ А. П. свой жизненный путь.

А. П. Гавриленко въ 1910 году.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ДИРЕКТОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ТЕХНИЧЕСК. УЧИЛИЩА.

Неразрывная 26-лѣтняя связь Александра Павловича Гавриленко съ Училищемъ особенно укрѣпилась въ послѣдній девятилѣтній періодъ его жизни; этотъ періодъ потребовалъ отъ него наибольшаго напряженія силъ и затраты энергіи въ роли директора Училища и, въ то же время, далъ возможность проявиться въ полномъ блескѣ всѣмъ лучшимъ сторонамъ его высокаго ума и богато одаренной души.

Съ 1905 года, съ самаго начала автономной жизни высшей школы, выборъ Учебнаго Комитета остановился на Александрѣ Павловичѣ, какъ на руководителѣ высшей школы, способномъ возстановить нормальный ходъ занятій, учебную жизнь ввести въ новыя формы, и своимъ непререкаемымъ личнымъ авторитетомъ поддержать достоинство самоуправляющейся высшей школы. Съ тѣхъ поръ четырехкратное повтореніе избранія Александра Павловича директоромъ Училища служило подтвержденіемъ, что Учебный Комитетъ не ошибся въ своемъ выборѣ. Но на самого избранника съ этихъ поръ и до самаго послѣдняго дня его жизни легло тяжелое бремя крупныхъ и мелкихъ заботъ, нелегкой отвѣтственности за учебную жизнь школы въ цѣломъ; въ то же время условія переживаемаго момента въ русской жизни предъявляли исключительныя требованія къ авторитетности и моральной стойкости лица, стоящаго во главѣ высшей школы. Сама по себѣ достаточно сложная и отвѣтственная дѣятельность директора Училища осложнялась въ этотъ періодъ цѣлымъ рядомъ особыхъ задачъ и трудностей, въ числѣ которыхъ можно указать на слѣдующія: 1) уже упомянутыя внѣшнія вліянія окружающей русской жизни, переживавшей въ это время общій политическій кризисъ и далеко не

способствовавшей укрѣпленію въ школѣ надлежащихъ академическихъ интересовъ; 2) начатая учебной коллегіей въ этотъ періодъ коренная реформа учебной системы (со введеніемъ предметной системы и спеціализаціи преподаванія), связанная въ то же время съ необходимыми измѣненіями въ деталяхъ управленія учебнымъ дѣломъ; 3) финансовыя средства Училища, которыя уже давно не соотвѣтствовали выраставшимъ потребностямъ учебнаго дѣла и хозяйства Училища, что вело къ неизбѣжнымъ дефицитамъ; и 4) отношеніе учебнаго начальства къ дѣятельности учебныхъ коллегій высшихъ школъ, которое проявлялось въ цѣломъ рядѣ запросовъ, циркуляровъ, указаній и предписаній, ставившихъ препятствія развитію школы въ намѣченномъ учебной коллегіей направленіи; въ этихъ запросахъ и указаніяхъ можно было усмотрѣть опредѣленное выраженіе недовѣрія къ предпринятымъ измѣненіямъ, тѣмъ болѣе, что завершеніемъ ихъ явилось двукратное назначеніе ревизіи. Несмотря, однако, на всѣ трудности, съ которыми было сопряжено руководство высшей школой, благодаря указаннымъ условіямъ, избранникъ Учебнаго Комитета, Александръ Павловичъ Гавриленко съ честью вышелъ изъ всѣхъ тяжелыхъ испытаній, не поступившись ни своими убѣжденіями, ни достоинствомъ школы.

Обращаясь къ каждому изъ четырехъ упомянутыхъ видовъ задачъ и трудностей каждой изъ нихъ въ отдѣльности, приходится констатировать, что едва ли не самую легкую — по сравненію, впрочемъ, лишь съ остальными задачами — представляла задача регулированія внутренней учебной жизни Училища въ отношеніи студентовъ и постепенное привлеченіе ихъ къ нормальной учебной работѣ. Относительная легкость, съ которою Александръ Павловичъ, при поддержкѣ всей учебной коллегіи, справился съ задачей возстановленія нормальнаго теченія жизни въ школѣ, должна быть приписана исключительнымъ чертамъ его характера и его выдающейся авторитетности для студенческой массы. Офиціальный отчетъ Училища за 1914 г. освѣщаетъ эту сторону дѣятельности Александра Павловича слѣдующимъ образомъ:

„Студенчество въ это время было охвачено острымъ политическимъ броженіемъ, раздѣлено на группы между собой, чуждыя и, иногда, враждовавшія и по своимъ стремленіямъ часто очень далекія отъ какихъ-либо академическихъ интересовъ. Политическое броженіе осени 1905 г. ввело, несмотря на все противодѣйствіе Совѣтовъ высшихъ школъ, въ ихъ стѣны чуждую имъ толпу. Въ это крайне тя-

желое для высшей школы время, когда она, можно сказать, перестала существовать, какъ таковая, Александръ Павловичъ долженъ былъ взять на себя руководство Училищемъ. Пользуясь дружной поддержкой всей преподавательской коллегіи и дѣйствуя всегда съ одобренія Учебнаго Комитета, Александръ Павловичъ долженъ былъ положить много усилій на устраненія различныхъ столкновеній и на освобожденіе Училища отъ посторонняго элемента. Этого удалось ему достигнуть мирнымъ путемъ, не прибѣгая къ содѣйствію общей администраціи и не роняя, но, наоборотъ, укрѣпляя свой авторитетъ въ студенческой средѣ стойкой защитой академическихъ началъ противъ всякихъ постороннихъ вліяній".

„Съ весны 1906 г. въ студенчествѣ Училища, частью оставшемся въ Москвѣ и не терявшемъ соприкосновенія съ нимъ, обозначились признаки возможности возобновленія учебныхъ занятій. По полученіи разрѣшенія Министерства, занятія были возобновлены 17-го апрѣля и безъ малѣйшаго перерыва велись до 20-го іюня довольно значительной частью студентовъ при вполнѣ академическомъ настроеніи; такимъ образомъ, Училище оказалось одной изъ первыхъ высшихъ школъ, которымъ удалось возстановить послѣ почти $1^1/_2$ лѣтъ перерыва академическую жизнь. Съ сентября 1906 г. это возстановленіе получилось въ полномъ объемѣ, уже на новыхъ началахъ предметной системы и развитія спеціализаціи. Послѣ долгаго перерыва и измѣненія учебнаго строя значительная масса студентовъ набросилась на занятія съ захватывающимъ интересомъ, но большая часть была еще вышиблена изъ колеи или охвачена политическими стремленіями. Постоянно въ студенчествѣ и извнѣ возникали попытки внести въ академическую жизнь постороннія теченія, и политическое броженіе шло въ теченіе всего 1906/7 уч. г.; Александру Павловичу, Учебному Комитету и всей преподавательской коллегіи пришлось потратить массу усилій на воспитаніе въ студенчествѣ сознанія самоцѣнности школы. Нѣкоторые эксцессы и увлеченія ликвидировались мирнымъ путемъ, и несмотря на остроту положенія, Александру Павловичу удавалось всегда достигать желательнаго результата путемъ убѣжденія, заставляя студенчество подчиняться моральному авторитету. Въ томъ интенсивномъ общеніи на академической почвѣ, которое за періодъ 1906—1908 г. пришлось вести преподавателямъ и студентамъ, можно было констатировать постепенное проникновеніе студенчества академическими интересами и

утвержденіе весьма бережнаго отношенія къ высшей школѣ, какого совершенно не замѣчалось до 1906 г., не только въ бурное время 1905 г., но и гораздо ранѣе, въ періодъ студенческихъ волненій 1899—1902 гг.“

„Въ это время наладилась и организованная студенческая жизнь; общестуденческая организація, — Исполнительная Комиссія, въ которой вначалѣ ярко чувствовались политическія вліянія извнѣ, постепенно прониклась сознаніемъ академическихъ задачъ и оказала большую помощь Училищу по урегулированію самыхъ животрепещущихъ и острыхъ академическихъ вопросовъ, привыкая дѣйствовать въ духѣ академическихъ началъ и вліяя въ томъ же направленіи на все студенчество. Съ развитіемъ этого органа постепенно ослаблялось вліяніе политическихъ группъ студенчества и воздѣйствій извнѣ на академическую жизнь и начали развиваться организаціи экономическія и научныя. Студенческія собранія и даже общія сходки утратили постепенно свое захватывающее вліяніе на массы студенчества, и его политическимъ группировкамъ часто не удавалось уже устраивать желательныя имъ сходки. Послѣ бурнаго періода 1905—1906 г., академическая жизнь въ 1907—1908 уч. г. и далѣе стала входить въ спокойное русло, при чемъ Училище не испытало въ это время никакихъ потрясеній, не имѣло никакихъ столкновеній группъ студенчества между собой и съ администраціей. Этимъ Училище, кромѣ твердой и опредѣленной политики Учебнаго Комитета, обязано болѣе всего Александру Павловичу, выносившему на своихъ плечахъ все непосредственное регулированіе студенческой жизни. Уваженіе къ авторитету руководителей академической жизни, признаніе самоцѣнности высшей школы, сознаніе необходимости бережнаго отношенія къ академическимъ интересамъ товарищей и убѣжденіе въ недопустимости насилій одной части студенчества надъ другой и въ отношеніи къ нормамъ учебной жизни — всѣ эти необходимыя начала здороваго развитія академической жизни, отсутствовавшія въ прошломъ нашей высшей школы, упрочились за сравнительно короткій срокъ въ студенчествѣ Училища. Эти начала выдержали первую трудную пробу во время студенческой забастовки, охватившей осенью 1908 г. русскія высшія школы и распространившейся также на Училище; за это время не было ни одного насилія, и всякія попытки къ таковому встрѣчали серьезное осужденіе студенчества. Вторую пробу студенчество Училища выдержало

весной 1911 г., когда академическая жизнь замерла въ немъ почти до экзаменовъ и занятія велись лишь частично. Въ это время, когда обостренное настроеніе студенчества въ другихъ школахъ нерѣдко выливалось въ печальныхъ для академической жизни насиліяхъ и столкновеніяхъ, разлагающе дѣйствовавшихъ на школьную атмосферу и на отношеніе студентовъ къ преподавателямъ, Училище представляло совершенно мирную картину. Занятія немногихъ студентовъ протекали безпрепятственно, и постепенно безъ всякихъ потрясеній и противодѣйствій эта группа увеличивалась, пока занятія не возстановились въ полномъ объемѣ".

„Этими благотворными результатами Училище обязано главнѣйше Александру Павловичу, и трудно назвать въ современной жизни русской высшей школы другого руководителя, которому удавалось бы въ такой степени мирно и безъ потрясеній вести академическую жизнь школы, не поступаясь ни своимъ авторитетомъ, ни достоинствомъ профессорской коллегіи, но, наоборотъ, утверждая эти начала здоровой академической жизни въ представленіяхъ студенчества. Этотъ результатъ доставался, однако, Александру Павловичу далеко не даромъ, много тяжелыхъ моментовъ и нервныхъ напряженій пришлось ему пережить и даже на немъ, несмотря на всю мощь его организма и чрезвычайную душевную уравновѣшенность, стали сказываться тяжелые годы налаживанія академической жизни. Большая трата силъ ослабляла его организмъ, и несомнѣнно содѣйствовала печальному исходу его послѣдней болѣзни".

„Кромѣ всей тяжести руководства академической жизнью Училища, Александру Павловичу приходилось удѣлять очень много силъ и времени урегулированію ея деталей. Среди этихъ деталей едва ли не главную составляли хлопоты и ходатайства за многихъ студентовъ, попадавшихъ въ тяжелое положеніе относительно общей администраціи, много труда и вниманія требовало и удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ отдѣльныхъ студентовъ. Студенчество глубоко оцѣнило эту отзывчивость директора къ своимъ иногда мелкимъ, но въ отдѣльности для каждаго важнымъ, нуждамъ, и это ярко сказалось послѣ смерти Александра Павловича".

Нельзя не упомянуть также о той готовности выслушивать всякія студенческія просьбы, которую неизмѣнно проявлялъ А. П. при всѣхъ своихъ многочисленныхъ обязанностяхъ. Александръ Па-

вловичъ въ сущности не имѣлъ своего времени въ Училищѣ, такъ какъ его время цѣликомъ принадлежало всѣмъ имѣвшимъ къ нему какую-либо просьбу лицамъ и въ особенности — студентамъ. Не имѣя опредѣленныхъ часовъ для выслушиванія студенческихъ просьбъ, онъ выслушивалъ ихъ всюду: на ходу по коридорамъ училища, въ директорскомъ кабинетѣ, въ канцеляріи при подписываніи бумагъ. Короче говоря, Александръ Павловичъ, въ ущербъ себѣ, отдавалъ свое время въ первую очередь студентамъ, какъ бы ни были малы по своему значенію ихъ просьбы, и надо было удивляться, какъ онъ могъ при постоянномъ отвлеченіи своего вниманія отъ другихъ очередныхъ дѣлъ по дѣлами управленію Училищемъ, не теряя ни на минуту ни обычнаго своего равновѣсія, ни нити въ дѣлахъ, возвращаться къ нимъ и продолжать съ неослабѣвающимъ вниманіемъ и терпѣніемъ свою прерванную работу.

Далѣе, основываясь на всѣмъ памятныхъ чертахъ характера А. П., не любившаго внѣшняго представительства и всякаго рода офиціальности и являвшагося въ своемъ отношеніи ко всѣмъ безъ исключенія лицамъ образцомъ простоты и доступности, сравнительно бо́льшую тяготу представляло для него несеніе на себѣ обязанностей чисто-административныхъ, требовавшихъ по обычнымъ представленіямъ нѣкоторой „начальственной твердости и строгости“ къ персоналу служащихъ. Какъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ, такъ и „въ отношеніяхъ къ преподавателямъ Александръ Павловичъ всегда сохранялъ простоту и доступность, далеко выходившія изъ рамокъ офиціальныхъ условностей и своей прямотой всегда содѣйствовалъ правильному рѣшенію вопросовъ, касавшихся иногда щекотливыхъ и сложныхъ отношеній. Въ отношеніи канцелярскихъ и низшихъ служащихъ Александръ Павловичъ, твердо требуя исполненія обязанностей, обнаруживалъ полную отзывчивость къ нуждамъ и интересамъ ихъ и за время его директорства положеніе служащихъ значительно облегчилось, несмотря на постоянно тяжелое матеріальное положеніе Училища, вызываемое полной недостаточностью штатныхъ ассигнованій“.

Жизненный опытъ и знаніе людей съ ихъ слабостями и недостатками, въ соединеніи съ исключительной добротой сердца опредѣляли отношеніе А. П. къ подчиненнымъ ему людямъ, полное снисходительности и требовательное, главнымъ образомъ, лишь по отно-

шенію къ себѣ самому; легкій скептицизмъ въ отношеніи къ людямъ, основанный на знаніи людскихъ слабостей, смягчался присущей ему добродушной ироніей.

Отчасти эти же черты характера, а главнымъ образомъ то глубокое уваженіе и непререкаемый авторитетъ, которыми А. П. по праву пользовался среди преподавательской коллегіи, облегчали ему также и руководство учебной коллегіей въ теченіе ряда лѣтъ съ момента начала разработки новаго строя и программы Училища, болѣе отвѣчавшихъ новымъ требованіямъ жизни, т.-е. съ весны 1905 г. Задача руководства усложнялась прежде всего молодостью новыхъ коллегій, или такъ называемыхъ 2-хъ „Собраній Отдѣленій", объединенныхъ подъ общимъ управленіемъ Учебнаго Комитета, но самостоятельныхъ въ учебномъ отношеніи; сюда присоединялось также отсутствіе традицій, столь благотворно регулирующихъ правильный ходъ работъ всякой старой коллегіи. Молодость учебныхъ коллегій въ цѣломъ и въ лицѣ ихъ отдѣльныхъ представителей неизбѣжно должны были сказываться въ нѣкоторой излишней прямолинейности, непримиримости сужденій и при разномъ объемѣ жизненнаго и педагогическаго опыта приводить къ нерѣдкимъ принципіальнымъ несогласіямъ во взглядахъ среди коллегій. Въ этой работѣ преподавательскаго персонала, Александръ Павловичъ долженъ былъ согласовать и примирять различные, частью противоположные, взгляды на задачи учебнаго дѣла среди преподавателей. При этомъ онъ всегда умѣлъ отыскивать примиряющую позицію, направляя въ то же время рѣшеніе въ смыслѣ лучшаго удовлетворенія жизненныхъ требованій.

Не даромъ доставались эти труды мягкой натурѣ А. П., которому въ роли предсѣдателя старшей и отвѣтственной коллегіи и дѣятельнаго члена одной изъ младшихъ приходилось нерѣдко испытывать всѣ трудности по согласованію мнѣній, притомъ въ положеніи фактически отвѣтственнаго предъ Учебнымъ начальствомъ руководителя всего учебнаго дѣла. Въ отношеніи къ Учебному Комитету А. П. всегда стремился быть выразителемъ воли автономной коллегіи и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ образецъ идеальнаго пониманія принципа автономіи въ учебной коллегіи. Слѣдуя опять офиціальному отчету, мы видимъ, что „послѣдовательная въ духѣ академическихъ началъ дѣятельность Александра Павловича и его всегдашнее пред-

почтеніе сущности дѣла формальной внѣшности дважды вызывали ревизію его дѣятельности со стороны высшаго начальства. При этомъ Александру Павловичу приходилось брать на себя отвѣтственность нерѣдко за рѣшенія, принятыя Учебнымъ Комитетомъ и за мѣры, одобрявшіяся ранѣе начальствомъ. Окружавшимъ Александра Павловича было ясно видно, какъ тяжело давалось ему директорство въ послѣдніе годы и въ эти періоды непосредственнаго вмѣшательства начальства въ детали жизни Училища, ибо едва ли кто-нибудь яснѣе, чѣмъ онъ, могъ видѣть и тверже, чѣмъ онъ, по опыту могъ знать, сколько противорѣчій наросло между застывшей формой и непрестанно развивающейся сущностью академической жизни".

Непрекращающаяся забота о средствахъ для удовлетворенія всѣхъ многочисленныхъ нуждъ Училища доставляла А. П. въ его роли предсѣдателя Хозяйственнаго Комитета безчисленное количество затрудненій по „сведенію концовъ съ концами". Недостаточная обезпеченность штатами всѣхъ сторонъ учебнаго дѣла приводила къ необходимости ряда ходатайствъ со стороны Учебнаго Комитета о покрытіи дефицитовъ или о дополнительныхъ ассигнованіяхъ. Эти ходатайства нерѣдко приходилось поддерживать личными представленіями А. П. предъ высшимъ начальствомъ, которыя по большей части увѣнчивались успѣхомъ, чего нельзя не приписать обаянію личности А. П. и тому рѣдкому благопріятному впечатлѣнію, которое онъ лично производилъ на соприкасавшихся съ нимъ людей. Нелишнимъ будетъ также замѣтить, что въ самое послѣднее время дѣятельность А. П. получила, наконецъ, признаніе начальства, (что и выразилось въ сравнительно запоздаломъ его производствѣ въ чинъ дѣйств. ст. совѣтника). Здѣсь можно, пожалуй, лишь сказать: „лучше поздно, чѣмъ никогда".

Было бы большой смѣлостью не только подводить въ этой статьѣ итоги обширной и богатой результатами дѣятельности А. П., но и пытаться съ возможной полнотой отмѣтить все необыкновенное сочетаніе качествъ ума и характера, проявленныхъ имъ въ роли директора высшей технической школы. Ограничимся, поэтому, лишь той краткой оцѣнкой, которую находимъ въ заключеніи статьи офиціальнаго отчета, и которую близко знавшіе А. П. его сотрудники безъ сомнѣнія дополнятъ позднѣе всѣмъ тѣмъ, что подскажетъ имъ благодарная память о почившемъ.

„Девять послѣднихъ лѣтъ своей жизни Александръ Павловичъ отдалъ Училищу, стоя на тяжеломъ и отвѣтственномъ посту директора. Первый выборный директоръ, онъ всегда дѣйствовалъ въ согласіи съ Учебнымъ Комитетомъ и въ духѣ академическихъ началъ и, оставаясь вѣрнымъ долгу, всегда ставилъ моральный авторитетъ и убѣжденіе впереди принужденія и формальныхъ требованій. Память о немъ неразрывно связана съ развитіемъ Училища въ техническую школу большого масштаба и современнаго типа и должна остаться навсегда дорогой всѣмъ, кому близко ИМПЕРАТОРСКОЕ Техническое Училище и кто цѣнитъ здоровое развитіе академическихъ началъ въ русской высшей школѣ“.

Н. Чарновскій.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ.

Почти въ одинъ и тотъ же день, въ началѣ сентября 1888 года, мы поступили съ покойнымъ А. П. въ Императорское Техническое Училище—я въ качествѣ студента, а А. П. въ качествѣ преподавателя. Съ этого времени и до дня поразившей насъ всѣхъ безвременной кончины дорогого Александра Павловича мнѣ пришлось работать вмѣстѣ съ покойнымъ, сперва какъ его ученику, а съ 1891 года, какъ его сослуживцу по преподаванію въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ. Преподавательская дѣятельность моя и А. П. соприкасались весьма тѣсно, такъ какъ мы преподавали однородные предметы, репетировали по нимъ и проектировали, и такъ какъ постепенно нѣкоторыя занятія отъ А. П. переходили ко мнѣ. Такимъ образомъ я, можетъ-быть, ближе чѣмъ кто-либо знакомъ съ развитіемъ дѣятельности покойнаго, какъ преподавателя, и, поэтому, я съ особенной охотой принялъ предложеніе Совѣта Политехническаго Общества — посвятить дорогому товарищу, столь преждевременно насъ покинувшему въ полномъ расцвѣтѣ силъ и дѣятельности, нѣсколько строкъ, характеризующихъ его преподавательскую дѣятельность.

Александръ Павловичъ поступилъ въ Училище преподавателемъ въ очень горячее время. Конецъ восьмидесятыхъ и начало девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка были въ исторіи развитія машиностроенія періодомъ, когда вопросы, касающіеся изученія машинъ съ кинематической и динамической сторонъ, были уже достаточно подробно разработаны, но когда, за то, приходилось усиленно заниматься вопросами о совершенствованіи машинъ съ конструктивной точки зрѣнія. Все возрастающая конкуренція странъ и заводовъ, новыя и болѣе труд-

А. П. Гавриленко среди студентовъ И. Т. У. во время посѣщенія Петроградскаго Института Инженеровъ Путей Сообщенія, 18 декабря, 1890 года.

ныя условія работы машинъ, появленіе совершенно новыхъ типовъ машинъ, новыхъ матеріаловъ и способовъ обработки — всѣ эти обстоятельства ставили для вновь выпускаемыхъ на житейскую арену инженеровъ все болѣе строгія требованія, въ смыслѣ подготовки ихъ къ конструированію такихъ машинъ и къ обращенію съ ними. Къ чести нашего дорогого Училища надо сказать, что оно не застыло въ старыхъ формахъ, а своевременно отозвалось на эти измѣнившіяся условія въ дѣлѣ машиностроенія и принимало всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы своимъ питомцамъ привить это новое, конструктивное направленіе, получившее за послѣднія 25—30 лѣтъ такое важное значеніе. Почти одновременный уходъ изъ числа преподавателей училища професора Эшлимана и доцента Мальцева возложилъ значительную долю этой работы на А. П. Гавриленко и потомъ на меня.

Главный починъ въ дѣлѣ приданія преподаванію машиностроенія въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ такого, необходимаго по условіямъ времени, конструктивнаго направленія принадлежалъ, какъ намъ всѣмъ извѣстно, нашему глубокоуважаемому учителю, почетному члену Политехническаго Общества, профессору Петру Кондратьевичу Худякову. Изучивъ за границей дѣло преподаванія современнаго машиностроенія въ высшихъ техническихъ школахъ Франціи, Германіи и Великобританіи, а также и постановку машиностроенія на многочисленныхъ заводахъ этихъ странъ, П. К. первое время совершенно одинъ несъ весь трудъ по проведенію въ жизнь, въ дѣлѣ преподаванія, новыхъ идей и взглядовъ, стремясь поставить дѣло сообразно требованіямъ современной техники.

Въ 1888 году П. К. пригласилъ къ себѣ помощникомъ по веденію проектированія деталей машинъ недавно вернувшагося изъ-за границы, изъ-за Океана, изъ Америки, молодого, талантливаго и энергичнаго инженера. Инженеръ этотъ былъ Александръ Павловичъ Гавриленко. Въ первые же годы его службы въ Училищѣ ему поручены были также репетиціи по нѣкоторымъ предметамъ (сопротивленіе матеріаловъ, детали машинъ и др.), а также веденіе проектированія по подъемнымъ машинамъ, паровымъ машинамъ, паровымъ котламъ и водянымъ турбинамъ. Затѣмъ къ А. П. перешло также чтеніе курса паровыхъ котловъ и курса технологіи металловъ и дерева. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ огромная доля тяжелой работы по преподаванію машиностроенія лежала на

П. К. Худяковѣ и А. П. Гавриленко. Начиная съ 1893 года, постепенно пришлось принимать все большее и большее участіе въ этой работѣ и мнѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ намъ много пришлось работать рука объ руку, руководить группами по проектированію однихъ и тѣхъ же предметовъ, производить по нимъ репетиціи и экзамены, составлять руководства и совмѣстно же принимать, путемъ чтенія докладовъ и обработки статей, оригинальныхъ и переводныхъ, все большее участіе въ нарождающейся и развивающейся литературно-технической дѣятельности Политехническаго Общества, созданной и налаженной трудами того же неутомимаго Петра Кондратьевича, и не менѣе успѣшно продолжаемой и развиваемой затѣмъ его достойнымъ преемникомъ — не менѣе неутомимымъ Александромъ Павловичемъ. И лишь черезъ много лѣтъ, съ постепеннымъ дальнѣйшимъ развитіемъ техники и расширеніемъ преподаванія, были привлечены къ этой работѣ и новыя силы, преимущественно изъ нашихъ же учениковъ, инженеръ-механиковъ Императорскаго Техническаго Училища, и, благодаря имъ, Училище теперь вполнѣ обезпечено контингентомъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ профессоровъ, преподавателей и лаборантовъ, который ставитъ Училище въ области преподаванія машиностроенія въ ряды лучшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, я бы сказалъ, не Россіи только, а даже Европы *).

Послѣ этой исторической справки, которая имѣетъ цѣлью напомнить—въ какое горячее и отвѣтственное время пришлось начать и вести свою работу въ Училищѣ дорогому покойнику, я перехожу къ оцѣнкѣ того, какъ эта работа была Александромъ Павловичемъ производима.

Говорить о талантливости, энергичности и трудолюбіи покойнаго я не стану,—слишкомъ хорошо всѣмъ намъ извѣстны эти качества его, слишкомъ часто каждый изъ насъ имѣлъ дѣло съ Александромъ Павловичемъ, слишкомъ много онъ сдѣлалъ и для Училища, какъ препо-

---

*) Что мое мнѣніе о достоинствахъ нашего Училища не является пристрастнымъ и субъективнымъ, можно заключить хотя бы изъ того, что Экспертной Комиссіей по высшимъ учебнымъ заведеніямъ, работавшей при „Третьемъ Съѣздѣ по Техническому и Профессіональному Образованію“ въ Петроградѣ въ 1903 году, въ которой пришлось принять участіе и мнѣ, Императорское Техническое Училище единогласно было признано (при отсутствіи въ это время въ Комиссіи заинтересованныхъ лицъ, членовъ учебной коллегіи нашего Училища: меня, В. И. Гриневецкаго и другихъ) лучшимъ изъ всѣхъ Русскихъ Высшихъ Техническихъ Учебныхъ Заведеній по постановкѣ преподаванія машиностроенія.

А. П. Гавриленко въ 1897 году.

даватель, и для всѣхъ окончившихъ его, какъ товарищъ, для того, чтобы еще разъ нужно было говорить объ этихъ его качествахъ: они знакомы всѣмъ намъ. Всѣ многочисленные ученики А. П. хорошо чувствовали, какъ много получаютъ они отъ этого преподавателя, и я здѣсь хочу только формулировать основное качество Александра Павловича, какъ преподавателя. Качество это обнаружилось уже съ первыхъ же лѣтъ дѣятельности А. П., въ особенности какъ преподавателя проектированія. Это — здоровая практичность и, я бы сказалъ нѣсколько поэтически,— непосредственная свѣжесть его техническаго чувства и настроенія. Здоровую практичность я понимаю здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ ее формулировалъ еще Леупольдъ 200 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ „Theatrum Machinarium", т.-е. какъ способность гармонически сочетать знаніе основныхъ научныхъ законовъ съ умѣніемъ примѣнять ихъ къ дѣлу, пользуясь и всѣми результатами опыта или практики въ тѣхъ сложныхъ случаяхъ, гдѣ одной отвлеченной теоріи недостаточно. Свѣжесть же техническаго чувства Александра Павловича обусловливалась его искренней любовью къ своему дѣлу, его непосредственной, простой и прямой натурой и, наконецъ, свѣжестью впечатлѣній отъ знакомства его съ заморской, столь оригинальной сама по себѣ, страной. Многіе свѣжіе и оригинальные взгляды и свѣдѣнія, принесенные А. П. изъ за-Океана, выгодно отличались иногда среди нашихъ, Европейскихъ, часто слишкомъ онѣмеченныхъ, взглядовъ и представленій по многимъ вопросамъ техники.

Александръ Павловичъ держался того взгляда, что проектированіе должно подготовлять студента работать въ той обстановкѣ, въ которой ему придется работать впослѣдствіи на заводѣ. Что можетъ быть и должно быть расчитано на заводѣ, то должно быть расчитано и въ студенческой работѣ; то, что не поддается простому расчету, и что на практикѣ приходится брать на основаніи опыта конструктора и данныхъ, уже выработанныхъ практикой, то и студентъ, при помощи руководителя, долженъ пріучаться выбирать самъ, развивая свой глазъ и конструкторское чутье. Положеніе это, правда, сознается большинствомъ преподавателей, но, тѣмъ не менѣе, нерѣдко многіе изъ нихъ заставляютъ учащихся продѣлывать массу расчетовъ такихъ деталей, которыя на практикѣ совершенно не расчитываются или въ виду сложности условій работы, или въ виду того, что расчетъ можетъ оцѣнить вліяніе только нѣкоторыхъ силъ и не можетъ оцѣнить въ

числахъ многихъ неопредѣленныхъ силъ, благодаря которымъ приходится иногда дѣлать вещь втрое толще противъ того, что даетъ „расчетъ". А. П., съ полнымъ основаніемъ, вооружался противъ такихъ схоластическихъ расчетовъ и не придавалъ имъ значенія, что нерѣдко даже смущало начинающихъ студентовъ при первомъ знакомствѣ съ нимъ. Многіе студенты имѣютъ вообще наклонность—желать „все" расчитать. А. П., просмотрѣвъ основные пункты предварительнаго расчета, говорилъ всегда студенту: — „Вы теперь берите бумагу и чертите; только на чертежѣ вы выясните все, что нужно". Проектированіе безъ чертежей, при которомъ стараются сперва сразу „все" расчитать, а потомъ сразу же все начертить — невозможно. Только надлежащимъ согласованіемъ расчитываемаго съ тѣмъ, что выясняется на чертежѣ, можно достигнуть окончательнаго выясненія всѣхъ размѣровъ и формъ проектируемаго устройства. Такова была программа, которой держался А. П. съ самаго начала своей дѣятельности въ роли руководителя проектированія. Сначала программа эта смущала лицъ, имѣвшихъ наклонность къ излишнему теоретизированію, переходящему иногда въ схоластичность, и жаловавшихся иногда по неопытности на то, что А. П. будто бы совсѣмъ не признаетъ расчетовъ, не смотритъ ихъ, а сразу заставляетъ чертить. Такое смущеніе начинающихъ, для которыхъ первоначальные расчеты, даже сложные, представляются дѣломъ несравненно болѣе легкимъ, нежели задача конструированія, при которой приходится на глазъ принимать во вниманіе и оцѣнивать вліяніе очень сложныхъ условій и обстоятельствъ, было вполнѣ понятно и естественно, и скоро, по мѣрѣ того, какъ при умѣломъ, незамѣтномъ и непрерывномъ руководствѣ студентъ постепенно входилъ въ кругъ техническихъ представленій, замѣнялось сознаніемъ все большей и большей успѣшности въ исполненіи работы. Успѣшность эту вполнѣ ясно видѣли, конечно, только мы, руководители проектированія, работавшіе вмѣстѣ съ покойнымъ. При совмѣстныхъ осмотрахъ исполненныхъ проектовъ можно было видѣть, какихъ успѣховъ, въ смыслѣ сознательнаго проектированія, достигали студенты подъ руководствомъ А. П., въ особенности начинающіе проектировать впервые, исполнявшіе проекты по деталямъ машинъ. Александръ Павловичъ нисколько не отрицалъ расчета, но онъ и не переоцѣнивалъ его значенія и силъ современнаго теоретическаго машиностроенія, всегда особенно подчеркивая, что результаты расчетовъ приходится постоянно

На экскурсіи въ Коломнѣ, 11 ноября 1898 года.

пополнять данными практики и чутья. Благодаря своей широкой заводской подготовкѣ, А. П. всегда необыкновенно ясно и интересно объяснялъ студентамъ всѣ такіе случаи, когда теорію приходится пополнять опытомъ и практикою, развивая у нихъ конструктивное мышленіе и чутье, благодаря чему занятія проектированіемъ шли у него всегда необыкновенно живо и интересно. Обширное знакомство съ американскими машинами, американскими пріемами обработки, съ американской литературой и взглядами, придавали такимъ объясненіямъ отпечатокъ оригинальности и новизны, и оказали также вліяніе и на сотоварищей А. П., возбуждая у нихъ интересъ и уваженіе къ американскимъ конструкціямъ и американской технической литературѣ, на которыя мы, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ взглядовъ, привыкли смотрѣть слишкомъ пренебрежительно и свысока, что совершенно несправедливо [1]).

Можно даже сказать болѣе. Именно благодаря тому, что А. П. такъ остро чувствовалъ неполноту нашихъ свѣдѣній въ области теоретическаго машиностроенія, онъ всю жизнь усиленно искалъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы пополнить этотъ недостатокъ и извлечь что-нибудь новое, полезное для курса или для проектированія. Только лица, работавшія, въ особенности въ первые годы, рука объ руку съ нимъ, какъ, напримѣръ, Н. Е. Жуковскій, П. К. Худяковъ, я и др., могутъ засвидѣтельствовать, какъ А. П. съ самымъ напря-

---

[1]) Я лично обязанъ Александру Павловичу въ этомъ смыслѣ многимъ. Подъ его вліяніемъ я усиленно занялся американской технической литературой съ величайшей пользой, извлекши изъ нея для себя и для своихъ трудовъ многое, чего совершенно нельзя найти въ европейской литературѣ. Между прочимъ, появленіемъ моего сочиненія „Плоскіе регуляторы быстроходныхъ машинъ“ я всецѣло обязанъ А. П. Еще въ бытность мою студентомъ мнѣ пришлось вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ М. Н. Корфомъ и Александромъ Павловичемъ осматривать только что устроенную Александромъ Павловичемъ въ домѣ Дервизъ, у Красныхъ воротъ, освѣтительную электрическую станцію; на ней была А. П. поставлена паровая машина Вестингауза, по тому времени новинка. И вотъ для того, чтобы показать намъ быстроту и совершенство регулированія въ этой машинѣ, А. П. подходитъ къ паропускному вентилю, быстро дѣлаетъ три или четыре оборота, почти закрывая его — и мы съ изумленіемъ видимъ, что ни одна лампочка не дрогнула, свѣтъ свѣтитъ какъ-будто бы ничего не было, совершенно ровно. Я былъ такъ пораженъ тогда могуществомъ дѣйствующаго въ машинѣ Вестингауза плоскаго регулятора, о которомъ при этомъ случаѣ и услыхалъ впервые, что этотъ регуляторъ потомъ пять лѣтъ не давалъ мнѣ покоя, въ особенности потому, что въ литературѣ не было ничего, разъясняющаго его дѣйствіе и могущество. Кончилось дѣло тѣмъ, что, найдя въ американской литературѣ нѣсколько замѣтокъ о сущности такихъ регуляторовъ, я рѣшилъ заняться этимъ вопросомъ, результатомъ чего и явилась моя книга о плоскихъ регуляторахъ.

женнымъ вниманіемъ искалъ вездѣ новыхъ теоретическихъ изслѣдованій, новыхъ расчетовъ; какъ онъ нерѣдко обращался къ Н. Е. Жуковскому съ какими-нибудь тонкими вопросами изъ теоретической механики, совѣтовался съ Петромъ Кондратьевичемъ, со мною и съ другими товарищами, по поводу различныхъ вопросовъ изъ области расчетовъ деталей и т. д. Но въ курсъ А. П. считалъ полезнымъ вводить только то, что уже установилось, выработалось и приняло удобную и простую для изложенія форму. Онъ не переоцѣнивалъ значенія теоріи, а требовалъ гармоническаго сочетанія теоріи съ опытомъ. И именно благодаря тому, что онъ такъ ясно сознавалъ всю важную роль этого опыта и изслѣдованія, А. П. съ такимъ жаромъ взялся за устройство при Императорскомъ Техническомъ Училищѣ механическихъ лабораторій для испытанія матеріаловъ и машинъ.

Когда, послѣ долгихъ ожиданій явилась, наконецъ, возможность основать при Училищѣ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, механическія лабораторіи, то вести всѣ предварительныя работы по разработкѣ проектовъ этихъ учрежденій, выпискѣ машинъ и пр. изъявили полную готовность Д. С. Зерновъ и А. П. Гавриленко. Но Д. С. Зерновъ вскорѣ перешелъ въ Харьковскій Технологическій Институтъ и вся огромная организаціонная работа легла цѣликомъ на плечи одного Александра Павловича. Съ своей обычной энергіей А. П. вошелъ въ сношенія съ американскими заводами и, благодаря этому, были куплены паровая машина тройного расширенія Аллиса и разрывная машина Риле для испытанія матеріаловъ, по цѣнамъ вдвое меньшимъ противъ смѣтъ европейскихъ заводовъ. Всю работу постройки лабораторій и первоначальнаго ихъ оборудованія выполнилъ одинъ А. П. и лишь потомъ, по мѣрѣ пополненія преподавательскаго персонала Училища новыми силами въ лицѣ молодыхъ профессоровъ, преподавателей и лаборантовъ, работа окончательнаго оборудованія лабораторій была снята съ могучихъ плечъ Александра Павловича и закончена уже этими новыми работниками, достойно продолжающими дѣло, начатое Александромъ Павловичемъ и Дмитріемъ Степановичемъ.

Литературная дѣятельность Александра Павловича выразилась, кромѣ многочисленныхъ докладовъ и статей, въ составленіи и изданіи имъ курса паровыхъ котловъ и курса технологіи металловъ. Эти курсы хорошо знакомы всѣмъ намъ и мнѣ нѣтъ надобности подробно разбирать ихъ достоинства. Постепенное развитіе котельнаго дѣла, по-

А. П. Гавриленко въ 1899 году.

явленіе и введеніе во всеобщее употребленіе новыхъ типовъ котловъ, какъ, напримѣръ, водотрубные котлы, примѣненіе новыхъ матеріаловъ (литое желѣзо и сталь вмѣсто сварочнаго желѣза), повышеніе давленія въ котлахъ всѣхъ системъ — всѣ эти обстоятельства дѣлали желательнымъ составленіе и изданіе курса котловъ, гдѣ этимъ новостямъ было бы отведено должное мѣсто, такъ какъ имѣвшіяся на русскомъ языкѣ сочиненія по котламъ (напримѣръ, прекрасный курсъ паровыхъ котловъ проф. И. А. Тиме) являлись уже устарѣвшими. Такимъ образомъ и появился курсъ паровыхъ котловъ, составленный А. П., который представлялъ собою изложеніе дѣла построенія котловъ и обращенія съ ними въ современномъ состояніи, и нашелъ лестный пріемъ у читателей, выдержавъ два изданія. Третье изданіе остается ненапечатаннымъ за смертью автора.

Еще больше работы положилъ А. П. на составленіе курса технологіи металловъ, который также выдержалъ два изданія. Обширное знакомство автора съ иностранной литературой отразилось и на этомъ трудѣ, въ которомъ читатель находитъ свѣдѣнія о всѣхъ новѣйшихъ пріемахъ обработки металловъ и о свойствахъ ихъ. Продолжительная практика автора на заводахъ Америки, благодаря которой онъ пріобрѣлъ собственный обширный опытъ въ заводскомъ дѣлѣ, позволила ему съ полнымъ убѣжденіемъ говорить о всѣхъ главнѣйшихъ вопросахъ въ дѣлѣ обработки металловъ.

За послѣднія десять лѣтъ обширныя, трудныя и разнообразныя обязанности по несенію должности Директора училища и Предсѣдателя Политехническаго Общества, гдѣ покойный одинъ исполнялъ колоссальную работу по изданію Бюллетеней Общества, принимая въ то же время и горячее участіе въ дѣлѣ постройки и организаціи собственнаго дома Политехническаго Общества, отвлекли нѣсколько А. П. отъ чисто преподавательской и авторской дѣятельности. Покойный началъ чувствовать утомленіе отъ той огромной работы, которую онъ добровольно и безкорыстно несъ для пользы дорогихъ ему Императорскаго Техническаго Училища и Политехническаго Общества, утомленіе, которое преждевременно свело его въ могилу. Но, несмотря и на это, до послѣдняго дня своей жизни А. П. продолжалъ слѣдить за всѣми успѣхами техники и вводить этотъ новый матеріалъ въ преподаваніе. До послѣдняго дня своей трудовой жизни Александръ Павловичъ оставался тѣмъ же энергичнымъ, жи-

вымъ, оригинальнымъ преподавателемъ, какимъ мы его привыкли видѣть, слѣдящимъ за успѣхами техники и съ удивительною простотою, ясностью и точностью передающимъ эти знанія своимъ многочисленнымъ ученикамъ, въ сердцахъ которыхъ тоже до послѣдняго дня ихъ жизни не умретъ благодарная память объ этомъ талантливомъ преподавателѣ и обаятельномъ человѣкѣ. И я, какъ одинъ изъ самыхъ старыхъ учениковъ Александра Павловича, говорю здѣсь всенародно: *Вѣчная память тебѣ, дорогой учитель и сотоварищъ, незабвенный преподаватель Императорскаго Техническаго Училища!*

Профессоръ *Анатолій Сидоровъ.*

А. П. Гавриленко въ 1900 году.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ЧЛЕНЪ И ДѢЯТЕЛЬ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

27 апрѣля 1888 года на Годичномъ Собраніи Политехническаго Общества, происходившемъ въ зданіи И. М. Т. Училища, согласно протоколу этого Собранія, присутствовалъ въ качествѣ кандидата въ члены Общества и былъ избранъ въ число его дѣйствительныхъ членовъ инженеръ-механикъ выпуска 1882 года А. П. Гавриленко, служившій въ то время помощникомъ завѣдывающаго Московскими городскими водопроводами и ассистентомъ по каѳедрѣ проектированія въ И. М. Т. Училищѣ и состоявшій, затѣмъ, дѣйствительнымъ членомъ Политехническаго Общества до января 1895 года, когда онъ, въ виду утвержденія его адъюнктъ-профессоромъ И. М. Т. Училища по каѳедрѣ технологіи металловъ и дерева, сдѣлался, на основаніи § 9 Устава Политехническаго Общества, его почетнымъ членомъ.

Такимъ образомъ, офиціальная дѣятельность А. П. Гавриленко въ Политехническомъ Обществѣ началась съ апрѣля 1888 года, однако изъ Отчета о состояніи Политехническаго Общества за 1887—8 годъ, составленнаго секретаремъ О-ва К. П. Карельскихъ, видно, что уже въ 1886—7 году А. П. Гавриленко принималъ участіе въ работахъ Политехническаго Общества въ качествѣ члена комиссіи, избранной для разсмотрѣнія имѣвшаго весьма большое значеніе въ жизни Политехническаго Общества доклада его дѣйствительнаго члена инж.-мех. С. А. Владимірскаго: „О способахъ преподаванія слесарнаго ремесла въ нашихъ техническихъ школахъ“.

Сообщеніе это вызвало образованіе при Политехническомъ Обществѣ, „Отдѣла по техническому и профессіональному образованію“, дѣятельное участіе въ трудахъ котораго, съ момента его возникновенія, принималъ А. П. Гавриленко.

Послѣ своего избранія въ число дѣйствительныхъ членовъ Политехническаго Общества, А. П. Гавриленко, кромѣ работы въ отдѣлѣ по техническому образованію, принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ инженерно-механическаго отдѣла.

Такъ—въ Обыкновенномъ Собраніи О-ва 17 декабря, 1888 года онъ дѣлаетъ докладъ: „О паровой машинѣ Вестингауза"; въ 1889—90 и 1890—91 годахъ онъ принимаетъ участіе въ обсужденіи вопроса, вызваннаго докладомъ тогда члена-сотрудника, а впослѣдствіи почетнаго члена О-ва Д. С. Зернова. „О международномъ конгрессѣ прикладной механики въ Парижѣ",—о выборѣ единицы для измѣренія работы паровыхъ машинъ и паровыхъ котловъ; въ Обыкновенномъ Собраніи 23 октября, 1893 года онъ докладываетъ: „О примѣненіи электричества для нагрѣванія металловъ"; въ Обыкновенномъ Собраніи 24 сентября, 1894 года онъ дѣлаетъ сообщеніе: „О пневматическомъ пирометрѣ"; въ Обыкновенномъ Собраніи 21 октября, 1895 года онъ читаетъ докладъ: „Объ опредѣленіи задѣльной платы рабочимъ".

Въ то же время, Александромъ Павловичемъ въ этотъ періодъ его дѣятельности были помѣщены въ Бюллетеняхъ Общества нижеслѣдующія статьи: въ 1894—5 году—„Пневматическій пирометръ" (съ чертежомъ) и „Замѣтки изъ американской литейной практики" (съ чертежами); въ 1895—6 году—„Замѣтки изъ американской литейной практики Томаса Веста" (съ чертежами) и „Объ установленіи размѣра задѣльной платы"; въ 1897—8 году—„Работа, потребляемая приводами"

Живой интересъ къ дѣлу, кипучая энергія и тонкая отзывчивость выдвинули въ это время А. П. Гавриленко въ число передовыхъ работниковъ инженерно-механическаго Отдѣла Политехническаго Общества и онъ Годичнымъ Собраніемъ 15 апрѣля, 1897 года былъ избранъ предсѣдателемъ этого Отдѣла на мѣсто перешедшаго въ Харьковъ почетнаго члена О-ва инж.-техн. проф. Д. С. Зернова.

Избраніе это еще болѣе выдвигало А. П. Гавриленко, какъ дѣятеля Политехническаго О-ва, такъ какъ, по мысли бывшаго въ то время вице-предсѣдателемъ О-ва проф. П. К. Худякова, доклады, имѣющіе отношеніе къ механическому дѣлу, было постановлено слушать не въ Обыкновенныхъ Собраніяхъ О-ва, какъ это было до этого времени, а въ засѣданіяхъ инженерно-механическаго Отдѣла.

И Отдѣлъ за этотъ годъ, подъ предсѣдательствомъ А. П. Гавриленко, впервые проявилъ широкую дѣятельность, выразившуюся въ 9 засѣданіяхъ Отдѣла, изъ которыхъ одно было соединеннымъ съ „Обществомъ для содѣйствія улучшенію и развитію Мануфактурной промышленности“; изъ прочитанныхъ на этихъ засѣданіяхъ 13 докладовъ, одинъ въ засѣданіи 27 октября, 1897 года на тему: «Объ одномъ несчастномъ случаѣ съ подъемникомъ»— принадлежалъ самому А. П. Гавриленко.

Таково было блестящее выступленіе А. П. Гавриленко въ роли активнаго дѣятеля Политехническаго Общества.

Но судьба предназначала его на еще болѣе широкое и отвѣтственное дѣло — она выдвигала его на первое мѣсто активныхъ дѣятелей Политехническаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта Общества 19 марта, 1898 года было представлено письмо вице-предсѣдателя О-ва, проф. П. К. Худякова, содержащее въ себѣ его отказъ отъ этой должности, въ виду истеченія трехлѣтія, вслѣдствіе крайняго утомленія тѣмъ трудомъ, связаннымъ, главнымъ образомъ, съ редактированіемъ и изданіемъ Бюллетеней Общества, который несъ на себѣ П. К. Худяковъ въ теченіе двухъ послѣднихъ трехлѣтій. Для Общества это была тяжелая утрата... Въ Годичномъ Собраніи 7 апрѣля, 1898 года О-во избрало своимъ вице-предсѣдателемъ А. П. Гавриленко, и послѣдующая дѣятельность А. П. показала, насколько удаченъ для Общества былъ этотъ выборъ.

Въ первый же годъ вице-предсѣдательства А. П. Гавриленко дѣло изданія печатнаго органа Общества, продолжая неуклонно развиваться по тому пути непрерывнаго прогресса, который былъ намѣченъ въ предшествующіе годы создателемъ этого дѣла, бывшимъ вице-предсѣдателемъ О-ва, проф. П. К. Худяковымъ, получило нѣсколько улучшеній, направленныхъ къ сообщенію Бюллетенямъ все болѣе и болѣе опредѣленнаго характера серьезнаго научно-техническаго журнала.

Такъ, кромѣ оригинальныхъ статей, было введено печатаніе переводовъ изъ иностранныхъ журналовъ и книгъ, сначала безплатное, а съ 1901 года съ оплатой изъ особой статьи смѣты; отдѣлъ мелкихъ техническихъ новостей былъ сильно развитъ и, кромѣ того, было введено систематическое печатаніе въ каждомъ нумерѣ Бюллетеней обзора русскихъ техническихъ журналовъ въ формѣ краткаго изложенія сущности наиболѣе интересныхъ статей, съ указаніемъ года и

№ журнала; былъ заведенъ отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ которыхъ каждый изъ товарищей-техниковъ могъ получить обстоятельное разъясненіе по каждому затрудняющему или интересующему его случаю; наконецъ, въ каждомъ № Бюллетеней печатался списокъ только-что появившихся новыхъ книгъ техническаго содержанія.

Относительно внѣшней формы изданія необходимо отмѣтить замѣну, гдѣ это представилось возможнымъ, чертежей на отдѣльныхъ листахъ рисунками въ текстѣ, что, конечно, немало способствовало болѣе удобному ознакомленію съ содержаніемъ помѣщенныхъ статей.

Кромѣ того, съ № 1 за 1899 годъ былъ измѣненъ форматъ журнала съ малаго на большой, что придало изданію болѣе солидную внѣшность; съ цѣлью отпечатанія въ концѣ каждаго года оглавленія, введена общая нумерація страницъ, что дало возможность болѣе удобно оріентироваться въ напечатанномъ матеріалѣ журнала.

Такой характеръ, приданный Бюллетенямъ Политехническаго Общества А. П. Гавриленко, сохраняется ими до сихъ поръ, при чемъ въ послѣднее время, начиная съ марта 1911 года, былъ поднятъ вопросъ проф. В. И. Гриневецкимъ о реорганизаціи „Бюллетеней Политехническаго Общества“ сначала въ смыслѣ изданія двухнедѣльнаго „Русскаго Политехническаго журнала“ или „Журнала Русскихъ инженеровъ“ и образовано для этой цѣли „Общество для изданія журнала Русскихъ инженеровъ“, а затѣмъ, когда въ 1912 году выяснилось, что предполагаемое Общество не можетъ быть утверждено обычнымъ порядкомъ и мысль эта была оставлена, и возникъ принятый Годичнымъ Собраніемъ 8 апрѣля, 1914 года новый вопросъ: „о желательности соединенія Бюллетеней Политехническаго О-ва съ Вѣстникомъ Общества Петроградскихъ технологовъ“. А. П. Гавриленко принялъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее, активное участіе, то какъ предсѣдатель Политехническаго Общества и отвѣтственный редакторъ его Бюллетеней, то какъ членъ организаціонной комиссіи, избранной Годичнымъ Собраніемъ 12 апрѣля, 1911 года для всесторонняго обсужденія этого вопроса, то какъ одинъ изъ учредителей „Общества для изданія журнала Русскихъ инженеровъ“.

Сдѣлавшись вице-предсѣдателемъ Политехническаго Общества, самъ А. П. Гавриленко немного сдѣлалъ докладовъ въ его Собраніяхъ — всего два, а именно: 3 февраля, 1901 года — „О велосипедѣ

новой конструкціи Н. А. Несмѣянова“ и 5 декабря, 1909 года — „Объ аппаратѣ для очистки питательной воды системы Кеникотъ“, однако безъ преувеличенія можно сказать, что за все время его дѣятельности очень немного было на засѣданіяхъ Общества такихъ моло-мальски выдающихся докладовъ, въ обсужденіи которыхъ онъ не принималъ бы самаго близкаго участія.

Что же касается до статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ А. П. въ Бюллетеняхъ Общества за его полной подписью и подъ иниціалами „А. Г.“ или совсѣмъ безъ подписи, то число ихъ, особенно послѣднихъ (безъ подписи), весьма значительно; такъ, напримѣръ, въ періодъ моей совмѣстной работы съ нимъ въ должности секретаря Общества, т.-е. съ 1900 по 1909 годъ, имъ были помѣщены въ Бюллетеняхъ Общества нижеслѣдующія статьи за его полной подписью и съ его иниціалами „А. Г.“: въ 1899 году—„Ременная передача“ и „Простой способъ провѣрять прочность самоточки и другихъ машинъ орудій“; въ 1900 году—„Индикаторъ Риппера, дающій непосредственно среднее давленіе въ паровомъ цилиндрѣ“ и „Поломки паровыхъ машинъ“; въ 1901 году—„Распредѣленіе температуръ при растопкѣ локомобильнаго котла“; въ 1905 году — „О перегрѣвателяхъ пара“; въ 1906 году—„П. К. Худяковъ и А. И. Сидоровъ, Атласъ конструктивныхъ чертежей деталей машинъ“; въ 1907 году—„Г. Дуббель. Конструированіе и расчетъ паровыхъ машинъ“; въ 1908 году—„Простая система учета стоимости заводскихъ работъ“ и „Ф. Тецнеръ. Паровые котлы“.

Другимъ большимъ дѣломъ, въ которомъ А. П. Гавриленко всегда принималъ самое дѣятельное и активное участіе, было дѣло товарищеской взаимопомощи и единенія членовъ Политехническаго О-ва и лицъ, окончившихъ курсъ въ И. М. Т. Училищѣ. Живо интересуясь работами Справочнаго Отдѣла Политехническаго Общества, дѣятельнымъ членомъ котораго А. П. Гавриленко всегда состоялъ, принимая самое горячее участіе въ образованіи различныхъ капиталовъ О-ва, связанныхъ съ вопросами товарищеской взаимопомощи и единенія, доставляя постоянно мѣста ищущимъ заработка питомцамъ И. М. Т. Училища и рекомендуя ихъ на мѣста,

А. П. Гавриленко неизмѣнно становился въ первый рядъ работниковъ тѣхъ начинаній и предпріятій Общества, которыя связаны были съ вопросами этого рода, и отдавалъ себя всего на служеніе этому огромному и важному дѣлу.

Такъ, въ засѣданіи 20 января, 1899 года по его предложенію было рѣшено напечатать въ № 1 Бюллетеней за 1899 годъ полностью докладъ В. Ф. Малинина, сдѣланный имъ въ экстренномъ Собраніи О-ва 5 декабря, 1898 года и касавшійся вопроса о реорганизаціи дѣла взаимопомощи, присоединивъ къ нему опросные листы для выясненія мнѣнія по этому поводу возможно большаго числа лицъ, вслѣдствіе чего Бюллетень № 1 за 1899 годъ былъ разосланъ всѣмъ безъ исключенія лицамъ, окончившимъ курсъ въ И. М. Т. Училищѣ, причемъ Годичнымъ Собраніемъ 20 апрѣля, 1899 года была образована по предложенію Совѣта Общества комиссія, въ работахъ которой принялъ участіе и А. П. Гавриленко.

Затѣмъ, когда въ 1903 году по предложенію К. В. Абакумова возникла мысль о необходимости для Политехническаго Общества имѣть собственный домъ, А. П. Гавриленко горячо откликнулся на это дѣло и принялъ самое живое и близкое участіе въ его осуществленіи, находясь все время въ ряду передовыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ его работниковъ.

Наконецъ, когда на Годичномъ Собраніи 15 апрѣля, 1908 года снова былъ поднятъ вопросъ о необходимости реорганизаціи Справочнаго Отдѣла и была избрана Комиссія для подробной разработки вопросовъ, касающихся этого отдѣла, А. П. Гавриленко принялъ участіе въ работахъ этой Комиссіи.

Стоя во главѣ Политехническаго Общества сначала съ 1898 года въ качествѣ его безсмѣннаго вице-предсѣдателя, а затѣмъ съ 7 сентября, 1905 года, когда А. П. Гавриленко былъ избранъ Учебнымъ Комитетомъ И. М. Т. Училища на должность директора Училища и, благодаря этому, въ силу § 27 Устава Политехническаго Общества, долженъ былъ сдѣлаться также и его предсѣдателемъ, отдавая себя всего на служеніе интересамъ Политехническаго Общества, онъ не могъ не видѣть, что Уставъ Общества во многихъ своихъ частяхъ уже устарѣлъ и требуетъ коренныхъ измѣненій.

И вотъ, по иниціативѣ А. П. Гавриленко и при самомъ дѣятельномъ его участіи, въ 1908 году были выработаны и поданы на

утвержденіе „Измѣненія“ къ Уставу Политехническаго О-ва. „Измѣненія“ эти не были утверждены и О-ву было предложено ввести въ нихъ нѣкоторыя исправленія и дополненія.

Указанныя исправленія были приняты Годичнымъ Собраніемъ 1909 года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по иниціативѣ Петроградской группы членовъ Политехническаго О-ва, былъ введенъ еще одинъ новый параграфъ, разрѣшающій Политехническому О-ву открывать въ различныхъ мѣстахъ Россіи свои отдѣленія. Положеніе объ этихъ отдѣленіяхъ, выработанное Петроградской группой инженеровъ, было утверждено экстраординарнымъ Собраніемъ 24 октября 1910 года. Въ этомъ же году Политехническое Общество получило утвержденіе своего новаго устава, выработаннаго при исключительномъ участіи А. П. Гавриленко, и онъ вступилъ въ силу съ 1 января 1911 года.

Такъ какъ на основаніи § 28 новаго Устава Политехническаго Общества, предсѣдателемъ его уже не состоитъ болѣе, какъ это было по § 27 стар. Устава, директоръ И. М. Т. У. (по назначенію), а онъ долженъ избираться Годичнымъ Собраніемъ Общества (на 3 года) изъ числа профессоровъ И. М. Т. Училища, Политехническое Общество, избиравшее А. П. Гавриленко съ 1905 по 1911 годъ своимъ вице-предсѣдателемъ, хотя онъ былъ въ то же время ex officio и его предсѣдателемъ, немедленно выбрало его въ Годичномъ Собраніи 12 апрѣля, 1911 года и своимъ предсѣдателемъ, сохранивъ за нимъ не только эту должность, но также и редактированіе Бюллетеней и другихъ изданій Общества, до самой его кончины.

Глубоко уважало Политехническое Общество своего прямого, простого и сердечнаго, безсмѣнно выбираемаго вице-предсѣдателя и затѣмъ, предсѣдателя А. П. Гавриленко, отдавшаго на служеніе Обществу всего себя...

Чутко прислушивалось оно къ каждому его слову...

Горячо отзывалось оно на каждый его призывъ...

Высоко цѣнило оно его исключительную дѣятельность, готовое выразить ему свои чувства всѣми доступными для О-ва способами.

Такъ, 30 марта 1904 года Совѣтъ О-ва, по предложенію 48 почетныхъ и дѣйствительныхъ его членовъ, вноситъ въ Годичное Собраніе нижеслѣдующій; докладъ, единодушно привѣтствуемый Собраніемъ:

„Принимая во вниманіе выдающіяся заслуги и весьма дѣятельное, полное неослабной энергіи и огромнаго тру-

да, участіе во всѣхъ рѣшительно вопросахъ жизни и дѣятельности Политехническаго Общества за послѣдніе годы г. вице-предсѣдателя Политехническаго Общества и редактора его Бюллетеней, проф. А. П. Гавриленко, Совѣтъ Политехническаго Общества, на основаніи заявленія 48 почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ О-ва и, руководствуясь § 17 и § 9 пунктъ „г." Устава Общества, имѣетъ честь предложить Годичному Собранію избрать А. П. Гавриленко своимъ почетнымъ членомъ, какъ лицо, которому Общество весьма много обязано своими успѣхами въ достиженіи цѣли его учрежденія по § 1 Устава".

Текстъ заявленія, вызвавшаго вышеупомянутый докладъ: „Въ текущемъ году заканчивается второе трехлѣтіе дѣятельности Александра Павловича Гавриленко въ качествѣ вице-предсѣдателя Общества. За эти шесть лѣтъ Александръ Павловичъ съ неослабной энергіей несъ огромный трудъ, такъ какъ на немъ одномъ лежитъ вся работа по изданію Бюллетеней, такъ сильно разросшихся теперь и требующихъ для своего веденія огромной затраты силъ и времени. Все расширяющаяся дѣятельность Общества даетъ и все новую и новую работу вице-предсѣдателю, и мы видимъ, что Александръ Павловичъ отъ нея не отказывается,—все свободное время, остающееся отъ трудной работы его въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ, онъ отдаетъ Обществу, и всегда, во всѣхъ дѣлахъ Общества, мы видимъ его среди насъ.

На основаніи этого, желая выразить А. П. нашу искреннюю признательность за такую тяжелую шестилѣтнюю работу, мы имѣемъ честь предложить Совѣту наше настоящее заявленіе—именно: внести въ Годичное Собраніе О-ва предложеніе объ избраніи Александра Павловича Гавриленко почетнымъ членомъ Политехническаго Общества, какъ лицо, оказавшее Обществу большія услуги въ развитіи его дѣятельности".

Въ то же время Общество, по иниціативѣ П. К. Худякова, образовало капиталъ имени А. П. Гавриленко, положеніе о которомъ было принято и утверждено Годичнымъ Собраніемъ 19 апрѣля, 1905 года.

Въ 1913 году исполнилось 25-лѣтіе педагогической дѣятельности А. П. Гавриленко. Совѣтъ Политехническаго Общества и его члены, желая отмѣтить эту выдающуюся дату жизни своего любимаго Предсѣдателя, очень просили его разрѣшить устроить подобающее этому случаю юбилейное торжество.

Однако А. П. Гавриленко, слѣдуя своему строгому взгляду на этотъ предметъ, категорически отказался отъ какого бы то ни было чествованія, такъ что Совѣту Общества пришлось ограничиться лишь привѣтствованіемъ Александра Повловича по сему случаю въ засѣданіи Совѣта 20 сентября, 1913 года, а Политехническому Обществу — привѣтственной телеграммой, посланной Обыкновеннымъ Собраніемъ О-ва 28 сентября, 1913 года.

И такая скромность въ оцѣнкѣ своей дѣятельности и нежеланіе выдвигать свою личность изъ толпы рядовыхъ работниковъ были всегда присущи А. П. Гавриленко, весьма характернымъ подтвержденіемъ чего служитъ его рѣшительный отказъ, несмотря на постановленіе Годичнаго Собранія 8 сентября, 1903 года, отпечатать и разослать замѣчательную рѣчь, сказанную имъ на юбилейномъ Собраніи Политехническаго Общества 15 декабря, 1902 года, отказъ, мотивированный имъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, въ этой рѣчи нѣтъ ничего особеннаго.

Таковъ былъ полный безыскусственной простоты и кипучей энергіи образъ перваго выбраннаго предсѣдателя Политехническаго Общества, Александра Павловича Гавриленко, какъ члена и дѣятеля Общества, много и плодотворно потрудившагося для его блага и развитія и поставившаго Политехническое Общество въ первомъ ряду русскихъ техническихъ Обществъ, установивъ между ними близкое и живое единеніе, которое являлось главной задачей и мечтой послѣднихъ дней дѣятельности Александра Павловича, переданной имъ въ наслѣдство его преемникамъ.

П. Розановъ.

Сентябрь — октябрь, 1914 года.

А. П. ГАВРИЛЕНКО ВЪ МОСКОВСКОМЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

А. П. ранѣе поступленія въ М. К. И. былъ знакомъ съ его цѣлями, постановкой и режимомъ, весьма интересовался этимъ новымъ типомъ высшей школы и ея основной задачею — провести и научные методы въ коммерческо-промышленную жизнь. Поэтому, когда коммерческо-техническое отдѣленіе 18 февраля, 1909 г. и Учебный Комитетъ Института 17 апрѣля, 1909 г. единогласно избрали А. П. для преподаванія курса „паровые котлы“ (для промышленныхъ цикловъ экономическаго и коммерческо-техническаго отдѣленій), онъ пошелъ навстрѣчу этому избранію и сразу же поставилъ преподаваніе этого предмета на надлежащую высоту, установивъ, кромѣ лекцій, еще и практическія занятія на силовой станціи Императорскаго Московскаго Техническаго Училища, которая не только любезно открыла свои двери для слушателей Института, но и дала имъ большую помощь въ руководствѣ занятіями. Курсъ паровыхъ котловъ, который читалъ А. П., привлекалъ всегда большое число слушателей, тотчасъ же распознавшихъ въ немъ выдающагося спеціалиста дѣла.

Въ 1912 г., 8 октября, А. П. былъ утвержденъ Министромъ Торговли и Промышленности сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ и съ этого времени сталъ принимать участіе въ дѣлахъ Учебнаго Комитета, засѣданія котораго онъ усердно посѣщалъ, весьма интересуясь развитіемъ учебнаго дѣла въ Институтѣ.

Въ 1913 г., 4 мая, коммерческо-техническое отдѣленіе единогласно постановило просить А. П. взять на себя преподаваніе курса прикладной механики, и онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, отвѣтилъ согласіемъ на предложеніе. Свое предложеніе отдѣленіе основывало на большой опытности А. П., какъ профессора, и на близкомъ зна-

комствѣ его съ цѣлями, какія имѣло въ виду отдѣленіе при постановкѣ этого предмета въ образованіи коммерческаго инженера, что обезпечивало надлежащій выборъ лекціоннаго матеріала. Колебанія же А. П. обусловливались тѣмъ, что онъ ранѣе не преподавалъ этого предмета и, потому, какъ онъ говорилъ, ему пришлось бы работать очень много для выработки курса. Тѣмъ не менѣе А. П. предпринялъ эту работу, которую и повелъ со свойственной ему добросовѣстностью, отчетливостью и трудолюбіемъ. Послѣ А. П. остались обширные записки, относящіяся къ курсу прикладной механики, которыя указываютъ на ту массу труда, какую онъ исполнилъ для надлежащей постановки предмета. Рѣшили дѣло его симпатіи къ аудиторіи К. И.; А. П. не разъ говорилъ: „аудиторія Коммерческаго Института мнѣ глубоко симпатична, слушатели такъ внимательны, ищутъ знанія; я отдыхаю среди нихъ“.

Талантливое, живое и яркое изложеніе лекцій сдѣлало А. П. въ короткій срокъ однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ профессоровъ Института, а всегда внимательное отношеніе къ запросамъ молодежи и спокойное, серьезное и высокосправедливое отношеніе къ ней на экзаменахъ пріобрѣло ему любовь слушателей.

Поэтому, когда А. П. скончался, горе Института было велико и не только сослуживцы, но и большія массы слушателей и слушательницъ приняли самое близкое участіе въ его похоронахъ.

Всегда по внѣшности спокойный, всегда деликатный, ограничивавшій свою рѣчь только вѣскимъ и продуманнымъ, внимательный къ чужимъ мнѣніямъ, быстро схватывавшій сложные вопросы и умѣвшій брать въ нихъ главное и ясно и просто ихъ формулировать и находить наиболѣе разумныя рѣшенія, таковъ былъ А. П. въ коллегіи и на каѳедрѣ, а большая человѣчность, любовь къ людямъ и постоянная забота о помощи имъ — таковы были движенія его души. Московскій Коммерческій Институтъ будетъ долго помнить своего дорогого профессора и высоко чтить память Александра Павловича Гавриленко.

Яковъ Никитинскій.

ПАМЯТИ А. П. ГАВРИЛЕНКО.

Когда уходятъ отъ насъ выдающіяся личности, то подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, всегда кажущейся неожиданною, трудно охарактеризовать сколько-нибудь полно человѣка съ разностороннею дѣятельностью, съ многогранными проявленіями его ума, сердца, всего душевнаго облика. Такъ и про А. П. Гавриленко, тѣло котораго сегодня мы оставили навѣки на этомъ необыкновенно примиряющемъ участкѣ зеленой луговины, за крѣпкими стѣнами Донского монастыря, про этого „перваго выборнаго директора“ Московскаго Техническаго Училища уже было писано, было сказано надъ могилою не мало... Но все-таки кажется, что сказано не все, что осталось важное, заслуживающее того, чтобы это отмѣтить и заявить вслухъ.

Я имѣю въ виду отношенія директора Гавриленко къ избравшей его коллегіи.

Когда въ 1915 году А. П. принялъ это избраніе, было ясно до очевидности, что не постъ начальника, не власть и положеніе имѣлъ онъ въ виду, а неизбѣжную необходимость, чтобы тяжелая и трудная роль директора была надлежаще выполнена. И вотъ то, какъ А. П. понималъ это „надлежаще“, мнѣ и кажется важнымъ подчеркнуть. Принимая избраніе, А. П. сказалъ Учебному Комитету, что будетъ вести дѣло вмѣстѣ съ нимъ. И это слово онъ сдержалъ за всѣ десять лѣтъ директорства. Не нужно стоять близко къ внутреннему строю школы, чтобы знать, въ сколь большой мѣрѣ при теперешнихъ Уставахъ автономія коллегіи зависитъ отъ того, какъ на этотъ вопросъ смотритъ директоръ. И, какъ членъ Учебнаго Комитета, я съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью считаю себя обязаннымъ заявить, что въ лицѣ А. П. мы имѣли человѣка въ самомъ строгомъ смыслѣ коллегіальнаго. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго случая, сколько-нибудь принципіальнаго вопроса, который былъ бы

разрѣшенъ имъ единолично, и тѣмъ болѣе не было случая, гдѣ онъ поступилъ бы вопреки мнѣнію коллегіи. Въ отдѣльныхъ вопросахъ его мнѣніе могло расходиться съ мнѣніемъ отдѣльныхъ членовъ, но оно торжествовало и приводилось въ исполненіе лишь тогда, когда къ нему примыкало большинство. Внѣ всякихъ сомнѣній, его цѣнныя личныя качества накладывали неизгладимый отпечатокъ на всѣ его мѣропріятія, на его отношенія къ товарищамъ, къ студентамъ, къ сослуживцамъ. И было великимъ счастьемъ для всего Училища, что основные принципіальные взгляды, которые желалъ проводить Учебный Комитетъ, были взглядами и его предсѣдателя. Въ первые тревожные годы, когда на повседневныхъ случаяхъ нужно было оформить и выработать практику примѣненія этихъ принципіальныхъ воззрѣній, А. П. самъ призвалъ къ себѣ предложенную ему въ помощь Учебнымъ Комитетомъ исполнительную комиссію изъ состава Учебнаго Комитета. Со временемъ комиссія оказалась не нужна, жизнь потекла ровнѣе, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не изсякали различные случаи, когда ребромъ ставились частные вопросы, когда нужно было принимать рѣшенія. И Учебный Комитетъ всегда былъ увѣренъ въ своемъ предсѣдателѣ; всегда было очевидно, что А. П. Гавриленко не сдѣлаетъ ничего такого, что шло бы въ разрѣзъ съ мнѣніемъ коллегіи, а въ важнѣйшихъ случаяхъ — сумѣетъ поставить дѣло такъ, чтобы успѣть получить мнѣніе коллегіи. И это во всемъ — и въ отношеніяхъ къ министерству, и въ такой же мѣрѣ въ отношеніяхъ къ студенчеству, и отдѣльнымъ студентамъ. Не знаю, было ли А. П. легко работать съ коллегіей Техническаго Училища; думаю, что солидарность во взглядахъ должна была оказывать ему существенную моральную поддержку. Но знаю вполнѣ опредѣленно и утверждаю открыто, что коллегія была увѣрена въ своемъ предсѣдателѣ и исполнителѣ своихъ постановленій. И съ этой точки зрѣнія еще и еще разъ хочется сказать: какъ страшно необходимы такіе работники для автономной школы! и какъ невыразимо больно, когда число ихъ уменьшается!

Ал. Астровъ.

13 мая, 1914 г.

ТРИДЦАТЬ ДВА ГОДА ПОДЪ ОБАЯНІЕМЪ ЛИЧНОСТИ А. П. ГАВРИЛЕНКО.

Въ 1882 году, состоя воспитанникомъ 1-го спеціальнаго курса Московскаго Техническаго Училища, я отъ товарищей узналъ интересную новость: пять человѣкъ, окончившихъ въ томъ году курсъ Училища, а именно: А. П. Гавриленко, А. Г. Розенблюмъ, В. И. Штуцеръ, С. А. Владимірскій и А. П. Македонскій рѣшили для ознакомленія съ техникой и, главнымъ образомъ, съ практикой машиностроенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки отправиться туда и поступить рабочими на тамошніе заводы. Это извѣстіе произвело необыкновенную сенсацію среди учащихся, да не только среди учащихся, но и въ широкихъ кругахъ московскаго общества, какъ нѣчто совершенно новое въ жизни русскихъ техниковъ. Видя въ этихъ лицахъ піонеровъ дѣла оживленія нашей, въ то время еще очень примитивной, машиностроительной промышленности новыми американскими пріемами и американскимъ міровоззрѣніемъ, я очень заинтересовался этими товарищами по Училищу, а потому попросилъ кого-то изъ товарищей познакомить меня съ „американцами“, какъ ихъ уже тогда называли въ Училищѣ. Самъ я поступилъ въ Училище въ 1880 году, перейдя въ него изъ Дрезденскаго политехникума, а потому, проживъ заграницей три года, я научился изъ сравненія видѣннаго тамъ съ тѣмъ, съ чѣмъ пришлось ознакомиться здѣсь, относиться болѣе сознательно ко всему, что мнѣ давали Училище и техника здѣсь, чѣмъ могли дѣлать это мои товарищи, ничего кромѣ того, что давало Училище, не видавшіе. Такъ какъ я зналъ, что даже нѣмецкіе инженеры, рабо-

„Американцы“: С. А. Владимірскій, В. И. Штуцеръ, А. П. Македонскій, А. Г. Розенблюмъ и А. П. Гавриленко (къ стр. 44.)

тавшіе въ промышленности, значительно опередившей нашу русскую, считали необходимымъ ѣздить въ Америку для усовершенствованія, то я въ высшей степени обрадовался тому, что нашлись русскіе люди которые пришли къ столь симпатичному рѣшенію и пожелалъ быть чѣмъ-либо полезнымъ нашимъ „американцамъ“.

Въ то время мой братъ по матери, д-ръ химіи Константинъ Эрастовичъ Фальбергъ (впослѣдствіи извѣстный изобрѣтатель сахарина), жилъ въ Филадельфіи, гдѣ завѣдывалъ химическимъ заводомъ братьевъ Гаррисонъ. Опасаясь, что съ одной „Совѣткинской“ подготовкой по мастерствамъ, безъ знакомствъ и рекомендацій, наши „американцы“ могли претерпѣть большія мытарства и потерять въ незнакомой странѣ много драгоцѣннаго времени, пока они достигнутъ цѣли, я далъ имъ отъ себя письмо къ моему брату, въ которомъ просилъ его помочь моимъ товарищамъ по Училищу поступить въ качествѣ мастеровыхъ на какіе-либо американскіе машиностроительные заводы. Братъ мой принялъ въ судьбѣ нашихъ „американцевъ“ живѣйшее участіе. Не помню точно, нашелъ ли онъ всѣмъ имъ, или только нѣкоторымъ изъ нихъ мѣста, но знаю, что съ его помощью Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ А. Г. Розенблюмъ устроился на заводѣ братьевъ Бреннеръ. Здѣсь имъ пришлось работать надъ новымъ тогда станкомъ системы Бильграма для нарѣзки теоретически правильныхъ коническихъ зубчатыхъ колесъ. Когда Александръ Герасимовичъ Розенблюмъ былъ посланъ заводомъ Бреннеръ для сборки такого станка на знаменитый по точнымъ работамъ заводъ Броунъ и Шарпъ въ Филадельфіи, то онъ вскорѣ перешелъ на этотъ заводъ и переманилъ туда же и Александра Павловича. Здѣсь Александръ Павловичъ могъ основательно ознакомиться съ совершенно новыми для насъ пріемами по обработкѣ деталей машинъ и по сборкѣ точныхъ машинъ и инструментовъ. Я считаю, что практика у Броунъ и Шарпъ, въ связи съ изученіемъ американской жизни во всѣхъ деталяхъ, имѣла громадное вліяніе на выработку точнаго и яснаго мышленія, проявляющагося потомъ во всей послѣдующей практической, научной и общественной дѣятельности Александра Павловича, которая, благодаря дивному сердцу этого выдающагося человѣка, приносила всюду, куда она была направляема, самые благіе результаты.

По окончаніи Училища, въ 1884 году я уѣхалъ за границу, получивъ мѣсто на заводѣ Э. Шкода въ Пильзенѣ (въ Чехіи). Вернув-

шись въ декабрѣ 1885 года въ Москву, я вскорѣ встрѣтился съ Александромъ Павловичемъ, возвратившимся приблизительно въ то же время изъ Америки.

Тотъ фактъ, что мое письмо къ брату оказало Александру Павловичу и другимъ его товарищамъ „американцамъ“ нѣкоторую пользу, послужилъ къ моему съ нимъ сближенію.

Полюбивъ его, какъ интересную личность, а главное, какъ хорошаго, отзывчиваго въ радости и горѣ человѣка, я съ первыхъ же дней этой встрѣчи пріобрѣлъ въ немъ друга, прекрасныя отношенія съ которымъ не прерывались уже до самой кончины Александра Павловича.

Чтобы видѣть его чаще, я рѣшилъ поселиться въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ въ домѣ Армандъ на Воздвиженкѣ, гдѣ жилъ и онъ. Тамъ же жилъ и мой товарищъ по службѣ, инженеръ-механикъ выпуска 1883 года — К. Л. Бардскій, нынѣ управляющій Каспійско-Черноморскимъ Т-вомъ въ Баку. Воспоминанія о жизни въ этихъ меблированныхъ комнатахъ останутся для меня одними изъ лучшихъ. Всѣ мы были тогда молоды и жизнерадостны, всѣ мы стремились къ осмысленной работѣ и самоусовершенствованію, и вотъ съ такимъ настроеніемъ мы ежедневно встрѣчались у кого-либо изъ насъ за стаканомъ чая и вели безконечные разговоры на всевозможныя темы, а главнымъ образомъ — разговоры техническіе; и вотъ тутъ-то Александръ Павловичъ, какъ видѣвшій и пережившій много во время своихъ странствованій по Америкѣ, доминировалъ надъ нами своими разсказами; онъ дѣлился съ нами всѣми своими американскими впечатлѣніями и умѣлъ, благодаря своему таланту, передать намъ то міровоззрѣніе, которое онъ самъ пріобрѣлъ тамъ, такъ цѣльно и въ такомъ видѣ, что мы прониклись имъ почти такъ же, какъ если бы сами побывали въ Америкѣ. Онъ намъ разсказывалъ о пріемахъ при работахъ у Броунъ и Шарпъ и о той точности, съ которой тамъ изготовлялись разныя детали машинъ-орудій, калибры и измѣрительныя приспособленія; онъ насъ знакомилъ съ жизнью въ Америкѣ и, защищая все американское, онъ такъ увлекался, что казался намъ въ то время болѣе американцемъ, чѣмъ сами природные американцы. Увлеченіе его всѣмъ американскимъ было до того искренно, а главное, самъ Александръ Павловичъ по своимъ прирожденнымъ нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ такъ проникся всѣмъ хоро-

шимъ изъ Америки, и, въ то же время, такъ остался чуждъ всего дурного и несимпатичнаго въ этой странѣ, что изъ него выработался цѣльный человѣкъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова: чисто американская дѣловитность, ясное мышленіе и, потому, всегда правильное направленіе дѣйствій, въ связи съ чисто русскимъ, кристально-чистымъ и добрымъ сердцемъ, давали въ его послѣдующей дѣятельности тѣ прекрасные результаты, которые создали ему славу культурнаго дѣятеля не только въ узко-германскомъ, но и въ чисто-русскомъ или, лучше, толстовскомъ смыслѣ.

Въ 1887 году ко мнѣ явился самоучка, крестьянинъ Я. И. Казаковъ, съ моделью бензиноваго двигателя, дѣйствовавшаго карбурированнымъ воздухомъ, получавшимся всасываніемъ въ цилиндръ двигателя воздуха черезъ трубки, въ которыя были вставлены трубчатые фитили, смоченные бензиномъ, вслѣдствіе капиллярнаго всасыванія его фитилями изъ резервуара. Я заинтересовался этимъ изобрѣтеніемъ, а главное, самой личностью Казакова и заявилъ ему, что бензиновый двигатель, какъ таковой, меня не интересуетъ, такъ какъ бензинъ очень дорогъ и, къ тому же, какъ легко воспламеняющаяся жидкость, представляетъ большую опасность, но мнѣ казалось, что на томъ же самомъ принципѣ можно было бы построить керосиновый двигатель, работающій обыкновеннымъ ламповымъ керосиномъ, если вмѣсто бензина смачивать фитили керосиномъ, имѣющимся въ каждой лавочкѣ, а трубки, въ которые вставлены фитили окружить ванной изъ горячаго масла, которое бы само нагрѣвалось отходящими газами двигателя. Я предложилъ Я. И. Казакову приходить по вечерамъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы, пользуясь его изобрѣтательностью и своими знаніями, сконструировать керосиновый двигатель, исходя изъ его идеи, осуществленной въ его модели бензиноваго двигателя. Будучи цѣлый день занятъ службой на заводѣ, я убѣдился, что одной вечерней работой намъ не скоро достигнуть результатовъ; между тѣмъ по эксплуатаціи этого дѣла у насъ нашелся компаніонъ съ капиталомъ, желавшій видѣть скорѣе готовый двигатель и большіе доходы отъ него, чтобы покрыть свои расходы по пріобрѣтенію привилегій во всѣхъ странахъ и по изготовленію „опытныхъ“ двигателей.

Тогда мнѣ пришла мысль привлечь къ работѣ по конструированію керосиноваго двигателя Александра Павловича, который тоже инте-

ресовался этимъ дѣломъ и его успѣхомъ и который предложилъ свой трудъ по выработкѣ всѣхъ детальныхъ рабочихъ чертежей для изготовленія пробнаго двигателя. Онъ тѣмъ охотнѣе взялся за это дѣло, что, пріѣхавъ изъ Америки, поступилъ въ Городскую Управу, по водопроводному отдѣлу, дѣятельность въ которомъ его не удовлетворяла. Взявшись за дѣло, Александръ Павловичъ способствовалъ тому, что съ этого времени работа у насъ пошла ускореннымъ темпомъ. Интенсивность этой работы меня поражаетъ теперь, когда я о ней вспоминаю.

Ежедневно по вечерамъ Александръ Павловичъ и Я. И. Казаковъ приходили ко мнѣ и мы просиживали до двухъ часовъ ночи, а иногда и позднѣе, въ переговорахъ о томъ, какъ достигнуть того или другого эффекта, или какъ сконструировать ту или другую деталь двигателя съ тѣмъ, чтобы на другой день Александръ Павловичъ могъ вычертить то, что было предметомъ нашихъ обсужденій, а Казаковъ—слѣдить за изготовленіемъ моделей и самихъ частей двигателя въ мастерскихъ завода тогда торговаго дома, а нынѣ Акціонернаго Общества Густава Листъ; я же, какъ инженеръ этой фирмы, былъ занятъ дѣлами завода и въ теченіе дня могъ только отчасти заниматься съ Казаковымъ опытами надъ двигателемъ и его частями. Первый двигатель былъ построенъ, пущенъ въ ходъ, но работалъ только 20 минутъ, послѣ чего останавливался, кромѣ того онъ былъ слабъ, несмотря на его внушительные размѣры. Долго мы бились съ затрудненіями; чего мы не придумывали,—заставить работать двигатель больше 20 минутъ мы не могли. Александра Павловича въ концѣ-концовъ работа эта разочаровала и онъ отказался отъ дальнѣйшей работы съ нами и поступилъ преподавателемъ въ Императорское Техническое Училище и, кажется, одновременно въ университетскія клиники, гдѣ на него возложили все паровое хозяйство по водоснабженію, освѣщенію и отопленію клиникъ. Хотя во время работъ по постройкѣ керосиноваго двигателя пришлось переживать много тяжелыхъ минутъ и разочарованій, вслѣдствіе вышеуказанныхъ неудачъ, тѣмъ не менѣе удивительно интенсивная работа въ теченіе многихъ мѣсяцевъ сообща съ Александромъ Павловичемъ доставляла мнѣ большое удовлетвореніе. Тогда мы всѣ были молоды и полны силъ, всѣмъ намъ приходили въ голову интересныя мысли, которыя мы старались немедленно осуществить и испытать; неудачи насъ тогда еще не расхолажи-

вали и мы, встрѣчаясь съ ними, бросали однѣ детали и придумывали новыя. Если неудачи были иногда мучительны, то зато сладки были часы радости, когда получались хорошіе результаты въ осуществленіи нашихъ мыслей. Во всѣхъ этихъ работахъ особенно цѣнны были совѣты и взгляды Александра Павловича, приносившаго намъ свой американскій опытъ.

Приблизительно ко времени поступленія Александра Павловича преподавателемъ въ И. Т. У., я изъ меблированныхъ комнатъ въ д. Армандъ переѣхалъ на другую квартиру; тогда же вскорѣ женился Александръ Павловичъ и тоже выѣхалъ изъ номеровъ Армандъ.

К. Л. Бардскій былъ переведенъ въ Бакинское отдѣленіе торговаго дома Густава Листъ; такимъ образомъ тѣ ежедневныя встрѣчи, о которыхъ я говорилъ выше, къ сожалѣнію, прекратились, но дружба, возникшая въ то хорошее время между Александромъ Павловичемъ и мной, осталась нерушимой до самой кончины Александра Павловича. Хотя мы стали видѣться рѣже, однако и при новыхъ условіяхъ, т.-е. когда Александръ Павловичъ былъ уже женатъ и сдѣлался отцомъ семейства, и потомъ, когда и я женился, я считалъ особеннымъ удовольствіемъ бывать въ обществѣ его и его милой семьи. Всегда при встрѣчахъ какъ у него, такъ и у меня появлялись неизсякаемыя темы для обмѣна мыслей и всегда я черпалъ много интереснаго и полезнаго изъ того, что узнавалъ отъ него.

Еще разъ въ жизни мнѣ пришлось поработать съ Александромъ Павловичемъ; это было въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда московскій городской голова Алексѣевъ при помощи Н. П. Зимина началъ строить московскій городской водопроводъ, а именно въ то время Александръ Павловичъ и Александръ Герасимовичъ Розенблюмъ предложили мнѣ найти капиталиста съ тѣмъ, чтобы составить общество для отливки чугунныхъ трубъ для города Москвы. Мнѣ это удалось, такъ какъ я сумѣлъ привлечь къ этому дѣлу своего друга дѣтства, тогдашняго московскаго банкира, А. А. Треплина. Всѣ мы, чувствуя въ себѣ богатырскую силу, захотѣли воспользоваться случаемъ и заработать, какъ намъ казалось, легко большія деньги. Мы рѣшили, не имѣя еще завода, отливать для Москвы требующіяся ей водопроводныя трубы. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мы почти ежедневно собирались у А. А. Треплина и обсуждали вопросы объ устройствѣ въ порожнемъ корпусѣ владѣнія тещи А. А. Треплина на Божедомкѣ

труболитейнаго завода и о собственной попудной стоимости трубъ. Чтобы имѣть наибольшіе шансы на полученіе заказа, мы, какъ потомъ оказалось, назначили довольно неосторожно такую низкую цѣну, по которой работали бы въ убытокъ, если бы получили заказъ.

Въ день торговъ, мы всѣ явились въ городскую управу и подали свою цѣну въ запечатанныхъ конвертахъ. Къ счастью мы заказа не получили, такъ какъ были на $1^1/_2$ копейки въ пудѣ дороже конкуренціи. Узнавъ потомъ, что конкуренты терпѣли убытки, Александръ Павловичъ неоднократно высказывалъ мнѣ свою радость о томъ, что мы были все-таки немного дороже конкуренціи, такъ какъ иначе попали бы въ такую исторію, которая, пожалуй, сдѣлала бы насъ на долгіе годы несчастнѣйшими изъ людей.

Послѣдній разъ мнѣ пришлось видѣться съ Александромъ Павловичемъ 9 апрѣля, с. г. въ день торжественнаго засѣданія въ Училищѣ по случаю 25-лѣтія Общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ И. М. Т. У. Хотя за послѣдній годъ онъ имѣлъ очень утомленный видъ, но въ этотъ день онъ мнѣ казался энергичнымъ, здоровымъ и жизнерадостнымъ. По окончаніи торжества въ актовомъ залѣ Училища Александръ Павловичъ увлекъ меня, жену мою и бывшаго съ нами товарища, инженеръ-механика И. Ѳ. Аносова къ себѣ въ квартиру, гдѣ я его увидѣлъ въ непривычной для глазъ моихъ роли дѣдушки, когда онъ съ особеннымъ удовольствіемъ и любовью игралъ со своей крошкой—первой внучкой; взявъ ее на руки, онъ ее пѣстовалъ и няньчился съ ней, что, повидимому, малюткѣ и ему доставляло большую радость. Такъ какъ, при постоянной внѣшней серьезности, особенностью Александра Павловича было отсутствіе всякой показной нѣжности и мягкости, несмотря на поразительную внутреннюю душевную его доброту и сердечность, то эта сцена особенно сильно запечатлѣлась въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что это было моимъ послѣднимъ впечатлѣніемъ о немъ,—больше мнѣ не суждено было видѣть его.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого, я съ женой уѣхалъ за границу. Тамъ въ Нидеръ-Линдевизе, сидя однажды за утреннимъ завтракомъ въ Шротовской санаторіи, я съ женой разговорился на тему о предстоявшей черезъ нѣсколько дней серебряной свадьбѣ Александра Павловича и Софіи Петровны Гавриленко. Было рѣшено на другой день написать юбилярамъ поздравительныя письма. Въ это

самое время вошелъ почтальонъ и принесъ намъ почту изъ Москвы. Развернувъ пришедшую съ почтой газету—„Русское Слово“, я прочиталъ на первой страницѣ нѣсколько извѣщеній о кончинѣ дорогого друга. Не стану описывать, какъ поразило жену и меня это ужасное, столь неожиданное, сообщеніе. Не хотѣлось вѣрить глазамъ, слишкомъ тяжело было сознаніе этого горя...

Вѣчная память тебѣ, безвременно покинувшій насъ сильный и добрый Александръ Павловичъ!

Викторъ Листъ.

Москва, 12/IX, 1914 г.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ГАВРИЛЕНКО.

Вотъ почти годъ, какъ насъ покинулъ дорогой Александръ Павловичъ, а между тѣмъ скорбь по поводу этой утраты такъ свѣжа, какъ-будто мы его потеряли только еще вчера: такъ недостаетъ намъ его яснаго взгляда, его ласковаго слова, его глубокихъ мыслей, его сердца. И чѣмъ болѣе мы отходимъ отъ того момента, когда Александръ Павловичъ переступилъ за ту грань, которая раздѣлила насъ съ нимъ навсегда, тѣмъ яснѣе становится сознаніе, что такая личность, какъ личность покойнаго директора Императорскаго Техническаго Училища, долго будетъ оставаться одинокой на томъ высокомъ пьедесталѣ, на который она была возведена проявленіемъ всеобщаго глубокаго горя со стороны всѣхъ знавшихъ покойнаго, когда разнеслась вѣсть о его смерти. У подножія этого пьедестала—тѣ вѣнки, которые провожали Александра Павловича, тѣ почести, которыя были оказаны почившему директору студенчествомъ, тѣ сердечныя рѣчи, которыя были сказаны на могилѣ его товарищами и сослуживцами, тѣ цвѣты, которые упали изъ подоблачной выси изъ рукъ авіатора-ученика. И вотъ, когда свершается почти годъ съ тѣхъ поръ, опять мысль живитъ образъ покойнаго, а воспоминанія текутъ сплошной рѣкой, уходя въ глубь далекихъ уже временъ.

Припоминаю первыя случайныя встрѣчи съ юношей, черты лица котораго какъ-то сразу запомнились, хотя я и не зналъ, кто онъ и, конечно, никогда не могъ себѣ представить, что уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (ок. 1879 года) судьба меня сведетъ съ этимъ человѣкомъ, который затѣмъ станетъ моимъ учителемъ, а далѣе сослуживцемъ, начальникомъ и сотрудникомъ.

А. П. Гавриленко въ 1879 году.

Уже тогда извѣстный книжный и писчебумажный магазинъ „Сотрудникъ Школъ“ помѣщался тамъ, гдѣ находится теперь, то-есть на углу Воздвиженки, противъ церкви Бориса и Глѣба. Живя съ моими родителями въ домѣ моего дѣда, въ Большомъ Знаменскомъ переулкѣ, я часто ходилъ съ своей воспитательницею въ „Сотрудникъ Школъ“.

Мы были абонированы въ библіотекѣ Гавриленко, находившейся при магазинѣ „Сотрудника Школъ“, и тамъ-то иногда я видѣлъ того юношу, который такъ сурово и, въ то же время, добро смотрѣлъ на меня, какъ-будто улыбаясь въ самой глубинѣ своего глубокаго взгляда, когда я спрашивалъ въ библіотекѣ „Всадника безъ головы“ или „Слѣдопыта“.

Я сейчасъ же узналъ этого юношу, когда, просматривая коллекцію карточекъ семьи Гавриленко, нашелъ портретъ Александра Павловича, относящійся къ тому времени.

Послѣ того я не видалъ А. П. Гавриленко вплоть до моего поступленія въ Императорское Техническое Училище, когда въ 1892 году на третьемъ курсѣ я началъ слушать курсы технологіи металловъ и дерева и курсъ паровыхъ котловъ, читавшіеся доцентомъ А. П. Гавриленко. Уже тогда я поражался поистинѣ аттическимъ спокойствіемъ, съ какимъ Александръ Павловичъ и читалъ лекціи и экзаменовалъ студентовъ. Особенно интересными казались мнѣ его лекціи, посвященныя рельсопрокатному дѣлу, гдѣ онъ описывалъ американскіе способы, американскіе прокатные станки. Хорошо помню и его курсъ котловъ, изданный литографскимъ способомъ, который явился предтечей большого труда, впослѣдствіи выпущеннаго А. П. въ видѣ обширнаго тома подъ заглавіемъ „Паровые котлы“. Книгу эту можно встрѣтить почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ этотъ капитальный трудъ сдѣлался настольной книгой каждаго фабричнаго механика.

Когда, въ качествѣ студента, приходилось проектировать у покойнаго Александра Павловича, мы, студенты, всегда поражались тѣмъ „глазомъ“, которымъ обладалъ А. П. Гавриленко. Стоило А. П. только посмотрѣть на чертежъ, и онъ тотчасъ же нащупывалъ слабое мѣсто проекта и сейчасъ же давалъ директивы для его исправленія. Нельзя при этомъ не отмѣтить того всегдашняго благожелательнаго спокойствія, которымъ были обвѣяны занятія со студентами нашего дорогого учителя. Ни въ дни моего студенчества, ни въ послѣдующіе годы я не знаю ни одного слу-

чая, когда бы можно было замѣтить въ отношеніяхъ Александра Павловича къ молодежи усталость, или раздраженіе, столь часто наблюдаемое въ средѣ утомленнаго, нерѣдко, поистинѣ, непомѣрнымъ, трудомъ преподавательскаго персонала русскихъ школъ. А общеніе насъ, студентовъ, съ Александромъ Павловичемъ на экскурсіяхъ по фабрикамъ и заводамъ, какое высокое удовлетвореніе оно намъ давало и какую пользу приносили бесѣды съ нимъ по пути на фабрику въ Раменское или на Коломенскій или иной какой-либо заводъ! Къ сожалѣнію, у меня не сохранились снимки, относящіеся къ моей студенческой поѣздкѣ съ Александромъ Павловичемъ на какую-либо экскурсію, но здѣсь приведена группа студентовъ съ А. П. Гавриленко, А. И. Сидоровымъ и В. В. Зворыкинымъ, снятая на Коломенскомъ заводѣ въ 1898 году, то-есть около того времени, когда мои однокурсники и я кончали курсъ Техническаго Училища. Припоминаю также съ какою охотой и готовностью, бывало, хлопоталъ Александръ Павловичъ, чтобы устроить кого-либо изъ студентовъ на лѣтнюю практику, или вновь окончившаго курсъ, свѣже-испеченнаго инженера устроить на первое мѣсто. Оканчивающіе курсъ И. Т. Училища всегда чувствовали, что отеческое отношеніе къ нимъ Александра Павловича, отношеніе къ которому мы привыкали въ стѣнахъ Училища, будетъ продолжаться и далѣе, внѣ его стѣнъ. День окончанія курса Училища былъ одновременно и радостнымъ и грустнымъ,—грустно было разставаться съ Училищемъ, съ которымъ сроднились за время ученія, грустно было разставаться съ А. П. Гавриленко. Прощаніе обычно происходило въ концѣ мая, въ солнечный день, когда кончалась весна и ее готово было заступить знойное лѣто.

Нерѣдко въ такіе дни группы окончившихъ приглашали своего любимаго учителя къ фонтану въ скверѣ Училища и день окончанія запечатлѣвался на пластинкѣ, гдѣ неизмѣнно центральной фигурой былъ любимый директоръ. На помѣщаемой ниже фотографіи мы видимъ такую группу молодежи на фонѣ родного Техническаго Училища у традиціоннаго „фонтана“.

Въ то время, когда снималась эта группа, Училище еще не требовало оставленія въ стѣнахъ Училища дипломныхъ проектовъ, вотъ почему у нѣкоторыхъ и видны въ рукахъ ихъ, только что защищенные на государственномъ экзаменѣ, проекты. Группа эта снята была въ 1906 году и, мнѣ думается, ея участники болѣе, чѣмъ студенты дру-

А. П. Гавриленко среди молодыхъ инженеровъ, только-что сдавшихъ „государственный“ экзаменъ, въ 1906 году.

гихъ выпусковъ, должны были чувствовать признательность къ своему директору, столь искусно и, я бы сказалъ, столь безболѣзненно проведшему корабль Техническаго Училища чрезъ всѣ Сциллы и Харибды 1905—1906 годовъ. Вѣдь ни въ одномъ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи Россіи эти тревожные годы не прошли болѣе благополучно, чѣмъ въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ и нигдѣ не было менѣе репрессій по отношенію къ бурлившей и волновавшейся молодежи, чѣмъ въ Московскомъ Техническомъ Училищѣ.

Въ рѣчахъ, сказанныхъ у еще не закрывшейся могилы, это обстоятельство, объяснимое лишь тѣмъ исключительнымъ обаяніемъ, которымъ пользовался А. П. Гавриленко, какъ директоръ, было отмѣчено слишкомъ слабо и, потому, невольно хочется на этомъ особенно остановиться. Покойный Александръ Павловичъ былъ однимъ изъ учредителей московской группы конституціонно-демократической партіи и, оставаясь до самой смерти вѣрнымъ партійному знамени, онъ въ то же время уважалъ адепта и другихъ взглядовъ, разъ только онъ былъ убѣжденъ, что данный индивидуумъ вѣритъ въ данную формулу искренно, а не преслѣдуетъ какія-либо скрытыя цѣли. Вотъ почему, между прочимъ, вѣря въ искренность увлеченій молодежи, покойный никогда не былъ суровъ, какъ директоръ, со студентами даже самыхъ крайнихъ лѣвыхъ и правыхъ убѣжденій, а на тѣ эксцессы, въ которые иногда молодежь естественно впадала, онъ всегда смотрѣлъ, какъ любящій отецъ. И молодежь это чувствовала и никогда не забывала, что въ лицѣ директора она не только имѣетъ начальника-директора, большого спеціалиста своего дѣла, но любящаго, сердечнаго старшаго друга.

„Прощай дорогой Александръ Павловичъ“, протянувшееся по всему главному фасаду Училища въ день похоронъ было послѣднимъ прости любимому директору со стороны осиротѣвшей молодежи, и такъ за душу хватали эти простыя, немногія слова, въ которыхъ было сказано такъ много.

Примѣрно около того же времени, то-есть около 1904—1905 года, пишущему эти строки привелось начать работать съ Александромъ Павловичемъ въ качествѣ его сотрудника на экспертизахъ и консультаціяхъ.

При работахъ на силовыхъ станціяхъ покойный Александръ Павловичъ, вѣдая всю тепловую часть, часть электрическую поручалъ мнѣ

и, потому, при этихъ работахъ я имѣлъ случаи наблюдать покойнаго въ непосредственной работѣ на мѣстахъ.

И здѣсь опять—очарованіе его личностью, преклоненіе предъ его технической опытностью, предъ его умѣньемъ обнять сложную техническую ситуацію цѣликомъ, со всѣмъ комплексомъ иногда чрезвычайно сложныхъ взаимоотношеній отдѣльныхъ факторовъ. Поражала насъ, его сотрудниковъ, и та гигантская выдержка и та, чисто американская, энергія, съ которой Александръ Павловичъ велъ работы. Иногда приходилось работать по 12 и даже 14 часовъ подъ рядъ въ атмосферѣ страшной жары и духоты, и всегда А. П. намъ являлъ при этомъ примѣръ безусловнаго спокойствія и уравновѣшенности. Ни одного рѣзкаго замѣчанія даже по отношенію къ подручнымъ, чернорабочимъ, которые при спѣшной отвѣтственной работѣ могутъ иногда выводить изъ терпѣнія своей безтолковостью, мы никогда не слышали на работахъ съ А. П. Помню, бывало, въ жаркіе іюльскіе дни, при испытаніи котловъ когда мы всѣ изнемогали отъ жары, а студенты къ концу дня никли, какъ луговая трава на іюльскомъ солнцѣ, Александръ Павловичъ бодро между нами расхаживалъ, всѣхъ подбадривая мѣткимъ словомъ или шуткой, а самъ только иногда, выйдя на порогъ котельной, бывало сниметъ свою американскую кэпку и широкимъ жестомъ оботретъ какимъ-то, чрезвычайно большимъ, платкомъ покрытый крупными каплями пота черепъ. И такъ хорошо работалось подъ его рукой, такое удовлетвореніе чувствовалось по завершеніи труда.

Иногда на судебныхъ экспертизахъ, когда разгоряченные тяжбой противники, оспаривая какіе-либо недостатки поставленныхъ машинъ, вносили слишкомъ много страстности въ споръ, стоило раздаться спокойному, увѣренному голосу Александра Павловича, чтобы острота момента начала таять, какъ дымъ, и снова суть дѣла выявлялась со всѣмъ безпристрастіемъ. Обыкновенно, по окончаніи дѣла, стороны настолько бывали благодарны Александру Павловичу за ту обстановку спокойнаго сужденія, которую онъ неизмѣнно умѣлъ устанавливать, что даже та сторона, которая проигрывала дѣло, всегда все же находила необходимымъ выразить благодарность стойкому, спокойному эксперту, такъ высоко державшему знамя справедливости.

Послѣдняя моя большая, совмѣстная съ Александромъ Павловичемъ, работа была работа по переоборудованію одной большой ману-

Во время поѣздки въ Шую, въ 1914 году.

(Одна изъ послѣднихъ фотографій А. П.)

фактуры, гдѣ механическая трансмиссія замѣнялась электрической, съ устройствомъ новой электрической станціи. Къ сожалѣнію, она была для Александра Павловича роковой, ибо во время послѣдней поѣздки на эту фабрику, послѣ томительнаго жаркаго дня работы въ котельной, Александръ Павловичъ простудился, и черезъ нѣсколько дней его не стало.

Еще весной 1914 года мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ на фабрику для осмотра турбогенератора, тогда только что монтированнаго. Послѣ завтрака у директора фабрики по пути на электрическую станцію, насъ снялъ одинъ изъ инженеровъ, его учениковъ, вмѣстѣ съ группою фабричной администраціи.

Это была одна изъ послѣднихъ фотографій съ дорогого Александра Павловича, столь безвременно ушедшаго отъ насъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и бодрости. И здѣсь сѣдѣющій уже Александръ Павловичъ такъ же простъ среди своихъ сотрудниковъ, какъ и въ былые молодые годы, и здѣсь на лицахъ всѣхъ, окружающихъ его, то бодро-веселое настроеніе, которое всюду вносилъ съ собой покойный.

Среди трудовъ на пользу промышленности, стоя у руля Московскаго Техническаго Училища, которое въ директорство Александра Павловича значительно увеличилось и въ смыслѣ количества преподавателей и студентовъ и, въ особенности, въ смыслѣ большого развитія лабораторій, ушелъ отъ насъ дорогой Александръ Павловичъ, —въ апогеѣ своей популярности, какъ среди профессоровъ и студентовъ, такъ и среди широкихъ промышленныхъ круговъ. Оставшіяся послѣ Александра Павловича рукописи указываютъ, что по цѣлому ряду важнѣйшихъ техническихъ вопросовъ, въ частности въ области теплового хозяйства, имъ подготовлялись обширные печатные труды, такъ и оставшіеся незавершенными.

Подводя итоги всему, сдѣланному Александромъ Павловичемъ въ техникѣ и педагогической и промышленной, нельзя не сказать, что сдѣланное имъ—громадно, и тѣмъ болѣе горько, что смерть такъ безвременно похитила у насъ нашего добраго учителя, нашего дорогого начальника-руководителя, нашего незабвеннаго товарища и сослуживца.

Б. Угримовъ.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ГАВРИЛЕНКО.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать, что среди воспитанниковъ того или иного выпуска рѣдко можно встрѣтить такое единеніе, какое ясно замѣчалось среди воспитанниковъ выпуска 1882 г.

Думается мнѣ, что въ этомъ мнѣніи много преувеличеннаго въ пользу выпуска воспитанниковъ 1882 г. Внѣ всякаго сомнѣнія, связь между нами все время, почти со дня окончанія курса, была большая, но я глубоко убѣжденъ, что, главнымъ образомъ, этой связью между нами мы были обязаны только воздѣйствію на насъ Александра Павловича и, очень опасаюсь, какъ бы теперь эта связь не распалась.

Еще въ 1874 г.—годъ моего вступленія во 2-й приготовительный классъ—среди насъ рѣзко выдѣлилась фигура Александра Павловича своимъ желаніемъ всякому помочь добрымъ словомъ, совѣтомъ, указаніемъ; дѣлалъ онъ и тогда это такъ, что почти не давалъ замѣчать другому, что онъ оказываетъ ему услугу: никогда не замѣтно было въ помощи, оказанной имъ кому-либо, внѣшняго подчеркиванія, все дѣлалось имъ какъ-то само по себѣ, все, содѣянное имъ, шло изъ его глубоколюбящаго сердца и, потому, оно и проникало глубоко въ сердце другого.

Примѣровъ такого воздѣйствія на насъ Александра Павловича можно было бы привести очень много.

Вспоминаю я среди нашихъ воспитанниковъ 2-го приготовительнаго класса двухъ товарищей. Сидѣли они рядомъ. Одинъ изъ нихъ былъ безобиднѣйшее и всегда чѣмъ-то удрученное существо, а другой былъ сорви-голова, отчаянный шалунъ и задира. На перемѣнахъ шутки, скажемъ, А надъ Б принимали иной разъ самыя грубыя и дикія формы. Обижаемаго взялъ подъ свою защиту Александръ Павловичъ: во время

А. П. Гавриленко въ 1877 году.

перемѣнъ онъ началъ по дѣламъ уходить съ обижаемымъ изъ класса, и, такимъ образомъ, приставаньямъ былъ положенъ конецъ.

Я думаю, многимъ изъ нашихъ товарищей памятно, какъ по иниціативѣ Александра Павловича мы почти всѣмъ классомъ обводили вычерченный въ карандашѣ проектъ паровой машины одного изъ нашихъ товарищей, заболѣвшаго не задолго предъ окончаніемъ курса.

Иниціатива Александра Павловича выразилась въ данномъ случаѣ, въ такомъ видѣ. Какъ-то вечеромъ видимъ А. П., обводящаго чертежъ паровой машины. Мы всѣ знали, что А. П. сдалъ уже свой проектъ. Спрашиваютъ,—что это за проектъ? Говоритъ: „такого-то; хочешь,—обводи и ты, когда мнѣ надоѣстъ". Такимъ образомъ, почти всѣмъ классомъ всѣ листы были обведены и проектъ былъ сданъ къ крайнему предѣльному сроку.

Изъ жизни нашей въ чертежной не могу не упомянуть о томъ періодѣ, когда мы всѣ, и А. П. въ томъ числѣ, увлекались оперой (главнымъ образомъ пѣніемъ баритона Хохлова). Бывало, вечеромъ въ чертежной раздается довольно неважное пѣніе А. П. Мы всѣ притихнемъ, а когда А. П. кончитъ свое пѣніе, вся чертежная гаркнетъ: „вонъ! вонъ со сцены!" Помню я, какъ А. П., улыбаясь, ему одному свойственной, особенной улыбкой, стараясь перекричать всѣхъ, убѣждаетъ насъ, что пѣть хорошо можетъ всякій,—все дѣло въ чувствѣ. Всѣ, конечно, хохочутъ; хохочетъ добродушно и А. П., но хохочетъ какъ-то особенно-заразительно, смачно. Любимая его арія была: „На воздушномъ океанѣ".

Тамъ же, въ чертежной и въ это же время народилась идея объ „американцахъ". Такъ назывались воспитанники, которые послѣ окончанія курса рѣшили поѣхать въ Америку. Позднѣе, уже въ 3-мъ спеціальномъ классѣ кружокъ американцевъ выяснился полностью, сюда входили: А. П. Гавриленко, А. П. Македонскій, В. И. Штуцеръ, А. С. Владимірскій и А. Г. Розенблюмъ.

Уже тогда А. П. засѣлъ за изученіе англійскаго языка; на вопросы, обращенные къ нему, онъ съ напускною важностью отвѣчалъ отдѣльными словами по-англійски съ отчаяннымъ прононсомъ. Хохотали при этомъ мы, не менѣе и добродушно смѣялся и А. П.

Послѣ окончанія курса въ 1882 г. встрѣтиться вновь съ А. П. мнѣ пришлось въ 1896 г., во время всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На этой выставкѣ, какъ многіе, вѣроятно, помнятъ, былъ по иниціативѣ А. Кази устроенъ по подпискѣ обѣдъ для объединенія инженеровъ разныхъ спеціальностей.

Я какъ разъ въ этотъ день пріѣхалъ въ Нижній, попалъ на обѣдъ и тамъ же встрѣтился съ А. П.

Мнѣ за время съ 1882 г. по 1896 г. приходилось много разъ встрѣчаться съ тѣмъ или другимъ товарищемъ по выпуску. Встрѣчи были самыя сердечныя, милыя; вспоминали старые годы, „Римъ и папу", но все-таки замѣчалась какая-то отчужденность, даже, скажу болѣе, какая-то натянутость.

На вышеупомянутомъ обѣдѣ меня замѣтилъ А. П. Первое его восклицаніе: „Ты!?.. Гдѣ сидишь?" И, не давъ мнѣ возможности ничего отвѣтить, повлекъ за собою. Сѣли рядомъ... „Ну, разсказывай"!—А самъ смотритъ на меня такъ хорошо, такъ, ну какъ бы это сказать, задушевно, такимъ подкупающимъ добрымъ взглядомъ и съ той милой улыбкой, которую, вѣроятно, помнитъ всякій, кто хоть разъ видѣлъ А. П.

Не помню, обѣдали ли мы на этомъ обѣдѣ, но помню, что мы говорили, говорили безъ конца, докладывали другъ другу о всемъ пережитомъ за эти долгіе годы разлуки. Помню я, что послѣ обѣда мы ушли въ какой-то другой ресторанъ... обѣдать. Уже начало свѣтать, а мы все еще сидѣли и говорили,— говорили безъ конца о себѣ, о близкихъ товарищахъ, о пережитыхъ неудачахъ и удачахъ.

„Какъ это мы съ тобой до сихъ поръ не переписывались?"—удивлялся А. П.

Мы разошлись уже утромъ!

Этотъ вечеръ, проведенный съ А. П. не изгладился изъ моей памяти и до сихъ поръ. Это былъ все тотъ же А. П., какимъ я его знавалъ въ 1874 г., скупой на сладкія выраженія, изъясненія, но, въ то же время въ каждомъ его жестѣ, движеніи чувствовалось широкое, большое, доброе, хорошее сердце. А. П. никогда не думалъ стѣсняться выражать свою мысль, свое замѣчаніе въ первой подходящей формѣ, но, въ то же время, никогда никто не могъ обижаться на его указаніе, выраженное не въ подслащенномъ видѣ, такъ какъ все-таки замѣчалось, что вся сущность здѣсь не въ формѣ выраженія, а въ той искренности, въ той любви, съ какими это замѣчаніе дѣлалось.

Я провелъ въ Нижнемъ три дня и все свободное время мы проводили съ А. П. въ безконечныхъ разговорахъ о нашей семьѣ техни-

ковъ вообще, о выпускѣ 1882 г. въ частности. И тутъ вновь предо мною воскресла старая особенность личности А. П. изъ разговоровъ ясно стало, что вокругъ него опять сгруппировался весь выпускъ 1882 г. и всѣ обращались къ нему „въ минуты жизни трудныя“, и для всѣхъ онъ находилъ доброе слово, правильное указаніе, оказывалъ моральную поддержку, и все это дѣлалось и теперь такъ, какъ и тогда, т.-е. такъ, что самолюбіе жалующагося не было задѣто.

Въ 1898—1904 гг. Александръ Павловичъ часто наѣзжалъ въ Петроградъ, гдѣ я тогда жилъ, и каждый разъ онъ не позабывалъ хоть на часокъ забѣжать обмѣняться со мною своими замѣчаніями и указаніями, въ которыхъ не было и слѣда менторства или педантства.

Въ 1904 г. дѣла мои съ изданіемъ журнала „Практикъ Монтеръ“ сильно пошатнулись по двумъ чисто внѣшнимъ причинамъ.

При содѣйствіи А. П. и многихъ изъ близкихъ товарищей мнѣ дана была возможность пережить „труднѣйшее время“ въ моей жизни. Когда въ это время меня особенно обуялъ пессимизмъ, увѣщанія А. П. были для меня неоцѣнимы; онъ тогда все съ своей милою и доброю улыбкой повторялъ мнѣ:

—Помни чеховское выраженіе: „не робѣй, жандармъ!“

Все время до моего переѣзда въ Москву мы время отъ времени переписывались по общимъ вопросамъ или по дѣламъ нашихъ товарищей.

Послѣдній разъ я видѣлся съ А. П. въ концѣ апрѣля 1914 г. Проектировалась нами экскурсія студентовъ Императорскаго Техническаго Училища на мельницу Т-ва Бр. Коняевыхъ въ Твери.

Неожиданная смерть А. П. сильно поразила его друзей и знакомыхъ, кругъ которыхъ у него былъ очень великъ; всѣ въ одинаковой мѣрѣ любили его за его прекраснѣйшій, внимательный, прямой, ровный и удивительно спокойный характеръ.

Смерть А. П. составляетъ тяжелую утрату для всей семьи московскихъ техниковъ. Больше того: эта утрата незамѣнима, — такіе люди встрѣчаются очень рѣдко.

Обыкновенно обращаются къ праху покойнаго, но о прахѣ не будемъ говорить; обратимся къ его духу: пусть онъ останется вѣчно между нами и пусть онъ всегда витаетъ надъ семьею московскихъ техниковъ.

Л. Я. Бершадскій.

ПАМЯТИ А. П. ГАВРИЛЕНКО.

Незабвеннаго Александра Павловича я зналъ еще въ Училищѣ, но особо тѣснаго знакомства у насъ не было, т.-к. все время мы были въ разныхъ классахъ, и я окончилъ курсъ въ 1879 году, т.-е. на три года раньше его.

Сближеніе наше началось съ 1887 года, когда я, собираясь въ Америку на заводы, обратился къ нему за нѣкоторыми совѣтами и указаніями, т.-к., окончивъ въ 1882 году курсъ, онъ, въ компаніи съ А. Г. Розенблюмомъ, В. И. Штуцеромъ, А. П. Македонскимъ и С. А. Владимірскимъ, отправился въ Соединенные Штаты, гдѣ и проработалъ до 1885 года, а потому съ Америкой и условіями тамошней жизни былъ знакомъ.

Конечно, Александръ Павловичъ съ готовностью далъ совѣты и указалъ на двухъ своихъ хорошихъ знакомыхъ Th. D. West (Ѳ. Д. Уэстъ), владѣльца литейнаго завода въ Кливеландѣ (Огайо), у котораго онъ работалъ литейщикомъ, и J. Walsh (Джимъ Уэлшъ), слесаря, съ которымъ работалъ на заводѣ Уортингтона, въ Филадельфіи, къ которымъ я могъ бы на первыхъ порахъ обратиться.

Несмотря на то, что съ отъѣзда Александра Павловича изъ Америки, прошло болѣе двухъ лѣтъ, память о немъ у знакомыхъ сохранилась самая теплая, и милѣйшій Джимъ Уэлшъ, котораго я разыскалъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ, принялъ во мнѣ самое дружеское участіе, помогъ найти комнату и поступить слесаремъ на заводъ E. E. Garvin Mfg. Co., на которомъ работалъ самъ въ то время

А. П. Гавриленко въ 1878 году.

Не знаю, живъ ли теперь этотъ милѣйшій человѣкъ, т.-к. переписка наша давно прекратилась; о M-r Gavry (мистерѣ Гаври), какъ онъ называлъ Александра Павловича, онъ отзывался всегда съ самой искренней любовью, такъ же, какъ и м-ръ Уэстъ, къ которому я обратился чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; послѣдній на мое письмо, съ просьбой принять ученикомъ къ себѣ на заводъ, сославшись на указаніе Александра Павловича, отвѣтилъ немедленнымъ согласіемъ по телеграфу и все время оказывалъ мнѣ самое искреннее расположеніе и вниманіе.

По возвращеніи въ Россію, мнѣ пришлось около 12 лѣтъ прожить внѣ Москвы, и съ Александромъ Павловичемъ встрѣчаться очень рѣдко,— развѣ въ засѣданіяхъ Политехническаго О-ва, или на годичныхъ нашихъ обѣдахъ.

Болѣе частыя сношенія начались послѣ 1900 года, по переселеніи моемъ на постоянное жительство въ Москву, когда приходилось чаще имѣть дѣла по Политехническому О-ву и нѣсколько разъ, уже въ бытность его директоромъ Техническаго Училища, вмѣстѣ ѣздить на экспертизы: въ Тулу, по вызову тульскаго окружного суда, на одну фабрику въ Кинешмѣ, гдѣ у крупной паровой машины „тандемъ-компаундъ“ необыкновенно сильно сталъ двигаться одинъ изъ заднихъ цилиндровъ (причину чего больше года никто не могъ опредѣлить) и на одну фабрику въ Богородскѣ — для выясненія причинъ взрыва экономейзера.

Послѣдній разъ пришлось мнѣ говорить съ Александромъ Павловичемъ по телефону, 8-го мая — за 2 дня до его смерти, когда, только что возвратившись изъ поѣздки на экспертизу въ Шую, онъ позвонилъ мнѣ въ 9 ч. утра съ цѣлью посовѣтоваться по поводу необъяснимаго явленія, ему тамъ встрѣтившагося: изъ колодца брали воду воздушные насосы паровой машины въ 1200 силъ и паровой турбины въ 1200, к. у. и, въ зависимости отъ того — какую машину пускали первой, ея воздушный насосъ или бросалъ работать, или перебивалъ воду у другой и ее приходилось останавливать, хотя уровень воды въ колодцѣ замѣтно не колебался; мы протолковали такъ около получаса и, конечно, въ голову не могло прійти, что я говорю съ человѣкомъ въ послѣдній разъ и черезъ два дня увижу его на столѣ... Извѣстіе о его кончинѣ такъ ошеломило меня, что цѣлый день я ходилъ, какъ оглушенный....

Александръ Павловичъ никогда не былъ „бѣлоручкой“, и, будучи директоромъ высшаго техническаго учебнаго заведенія и дѣйствитель-

нымъ статскимъ совѣтникомъ, т.-е. „сановникомъ“, когда многіе смертные становятся уже неприступными „Зевсами“, онъ оставался тѣмъ же простымъ, милымъ и скромнымъ работникомъ, какъ и въ прежніе годы—студенчества и работы мастеровымъ.

Особенно памятна мнѣ тульская экспертиза, въ концѣ октября 1906 г. Съ нами былъ тогда еще и А. И. Пермяковъ... Надо было осмотрѣть три большихъ ланкаширскихъ котла и выяснить причины необычайно сильной ихъ течи, вслѣдствіе которой заказчикъ отказался ихъ принять.

Къ нашему пріѣзду котлы были остановлены и вода спущена, а по случаю остановки и всего завода, были остановлены и другіе котлы, кромѣ одного дежурнаго; на дворѣ былъ уже порядочный морозъ, да и въ громадной, высокой котельной было не лучше; кажется, и во всемъ заводѣ не нашлось теплаго угла, такъ что въ котельной же пришлось и мыться и переодѣваться. Мы съ Александромъ Павловичемъ облачились въ свою рабочую одежу, „оверолы“ и, сначала пролѣзли котлы внутри, осматривая скрѣпленія и швы, а потомъ, когда налили котлы водой и накачали на 15 атм. давленія, пролѣзли по всѣмъ ходамъ, которые нарочно не были очищены отъ золы и сажи, что бы можно было судить о характерѣ и размѣрахъ бывшей течи... Каковы мы оттуда съ „сановникомъ“ вылѣзли, — предоставляю судить бывавшимъ въ такихъ экспедиціяхъ... Причины течи были такъ обстоятельно и исчерпывающе разслѣдованы и установлены, что никакихъ дальнѣйшихъ вопросовъ или споровъ не возникло.

При составленіи протоколовъ, осмотровъ и выработкѣ заключеній, Александръ Павловичъ былъ всегда такъ объективенъ, вдумчивъ и такъ абсолютно безпристрастенъ, что работать съ нимъ было положительнымъ удовольствіемъ; онъ каждое положеніе, каждое выраженіе разбиралъ и обдумывалъ съ такимъ вниманіемъ и желаніемъ выяснить истину, что о какихъ-нибудь спорахъ или недоразумѣніяхъ не могло быть и рѣчи... Онъ совершенно безстрастно и съ одинаковымъ вниманіемъ разбиралъ вопросъ,— имъ ли былъ предложенъ этотъ вопросъ, или кѣмъ другимъ.

Еще никогда не забуду такого случая, обрисовывающаго Александра Павловича, какъ человѣка.

Одинъ изъ студентовъ засидѣлся въ Училищѣ дольше, чѣмъ слѣдовало, чуть ли не 8—10 лѣтъ, и на частые вопросы — „когда онъ

кончитъ курсъ?“ все обнадеживалъ, что „скоро-скоро“, что „остается одинъ спеціальный проектъ“...

Наконецъ, на одинъ подобный вопросъ заявляетъ, что сдаетъ проектъ такого-то числа и оканчиваетъ курсъ. Проходитъ день, два, три, а студентъ съ радостной вѣстью объ окончаніи курса не является. Меня это начало уже безпокоить. Поѣхалъ навѣстить его на квартиру,— оказывается лежитъ на кровати, упершись носомъ въ стѣну и молчитъ.

Спрашиваю,—„кончилъ“? Говоритъ,—„нѣтъ, не кончилъ“.

— Отчего?

— Оттого, что не сдавалъ,—оставался не одинъ только главный проектъ, а не сдано предметовъ десять. Все запущено... А признаться... Стыдился.

— Что же теперь дѣлать?...

Отвѣчаетъ,—„пустить пулю въ лобъ, или броситься подъ поѣздъ. Надежды на то, чтобы оставили въ Училищѣ и дали окончить, нѣтъ никакой,—всѣ сроки и льготы пропущены, а такъ вернуться домой не рѣшусь“.

— Почему же такъ вышло, вѣдь ты все время аккуратно ходилъ въ Училище и торчалъ тамъ съ утра до ночи?

— А собралась теплая компанія,—вмѣсто того, чтобы заниматься, дулись въ чертежной въ карты, и такихъ „столовъ“ доходило иногда и до двадцати...

— Ну,—говорю, подожди стрѣляться,—это еще всегда успѣешь сдѣлать, а я съѣзжу къ Александру Павловичу потолковать, нельзя ли какъ помочь горю.

Александръ Павловичъ былъ въ своемъ кабинетѣ, просматривалъ работы студентовъ и вышелъ ко мнѣ въ сосѣдній кабинетикъ, какъ только вырвался отъ студента, показывавшаго свой проектъ. Ему я подробно и безъ обиняковъ разсказалъ всю исторію... Онъ отнесся къ дѣлу такъ, какъ можетъ отнестись только родной отецъ,— ухмыльнулся своей милой улыбкой и говоритъ:

— Пустяки, скажите, что бы не отчаивался,—дѣло поправимъ, пусть хорошенько занимается, а насчетъ картъ,—вы сами знаете, вѣдь и въ наше время случалось. Трудно это вывести...

Картежная игра на другой же день отошла въ область преданій,

студентъ нашъ засѣлъ вплотную заниматься и года черезъ два окончилъ курсъ инженеромъ, а сейчасъ это полезный сынъ своей родины. Отнесись Александръ Павловичъ ко всему этому такъ, какъ относится большинство директоровъ-карьеристовъ, можетъ-быть, и погибъ бы человѣкъ, а такихъ, „спасенныхъ“ Александромъ Павловичемъ, найдется, мнѣ думается, немало...

Мирно спи, дорогой Александръ Павловичъ... Молодежь, имѣвшая счастье учиться при тебѣ, поняла и оцѣнила тебя и никогда не забудетъ твоего милаго образа; воспоминаніе о тебѣ послужитъ многимъ изъ нихъ добрымъ руководствомъ и свѣточемъ, освѣщающимъ границу между долгомъ и карьерой, на весь ихъ жизненный путь.

П. Бочаровъ.

Москва, 19 октября, 1914 года.

„Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
— Хорошо умереть молодымъ“...

Подѣлиться своими воспоминаніями?...

Теперь?... Уже теперь говорить объ Александрѣ Павловичѣ?

Правда, прошелъ почти годъ послѣ этой смерти; правда, жизнь съ тѣхъ поръ завалила насъ тяжелыми, потрясающими событіями...

Правда, сквозь перспективу этого длиннаго ряда несчастій, обрушившихся на нашу родину, на близкихъ, на знакомыхъ май мѣсяцъ, четырнадцатаго года, уходитъ далеко въ затуманенную глубину... и все же, на туманномъ фонѣ прошлаго, такъ близко, такъ рельефно, вырисовывается эта недавняя... да, все еще для меня, для насъ недавняя смерть, что какъ-то трудно... неловко... нѣтъ, просто, еще слишкомъ жаль разстаться съ интимностью этого міра воспоминаній...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще трудно разобраться въ нихъ, раздѣлить ихъ, эти воспоминанія, — они такъ близки, что какой-нибудь пустякъ, пустякъ съ точки зрѣнія читателей, заслоняетъ своей близостью то, что имѣетъ, можетъ-быть, бóльшее значеніе, можетъ-быть, бóльшій интересъ.

Пустякъ?...

Въ томъ-то и дѣло, что для лицъ, хорошо знавшихъ А. П., „пустякъ“ гораздо ближе, гораздо дороже какихъ бы то ни было событій.

Маленькая искорка, маленькій штрихъ полностью, нацѣло выявляетъ образъ дорогого человѣка съ такой яркостью, которую не можетъ дать самое добросовѣстное, самое подробное описаніе.

Но вѣдь въ этой яркости, въ этой четкости возсозданія и скрыта вся прелесть, вся интимная цѣнность воспоминаній.

Вотъ почему не такъ легко было мнѣ взять на себя трудную задачу — „подѣлиться своими воспоминаніями“.

Вотъ почему я долженъ просить извиненія за тѣ „пустяки“, которые заслонятъ, быть-можетъ, въ моихъ воспоминаніяхъ важное и существенное...

Александра Павловича назвали „другомъ молодежи“.

Да, это правда, это настоящая правда!...

„Другъ молодежи?“...

Но что же дѣлаетъ человѣка „другомъ молодежи?“...

Что надо для этого?...

Какія свойства, какія таинственныя нити притягиваютъ молодежь?...

Развѣ отказался хотя бы кто-нибудь отъ этого прекраснаго титула?...

И, скажите, развѣ мало есть людей, которые любятъ молодежь?...

Но для того, чтобы быть другомъ, настоящимъ другомъ молодежи, мало этого желать, мало даже любить молодежь.

Надо что-то еще.

Нужна молодость.

Что бы быть „другомъ молодежи“ до самой своей смерти, надо быть молодымъ до старости, до могилы.

Надо съ юношами быть юнымъ, съ дѣтьми быть ребенкомъ.

Надо радоваться дѣтскимъ радостямъ, не за страхъ, а за совѣсть, не для того только, чтобы привлечь къ себѣ дѣтей, но потому, что эти дѣтскія радости сами по себѣ доставляютъ удовольствіе, надо, чтобы дѣти, или юноши, хотя бы лишь по временамъ, но полностью признавали въ старшемъ своего товарища.

Надо по настоящему, а не поддѣльно быть юнымъ душою.

Въ этомъ не поможетъ никакое искусство, здѣсь безполезна самая строгая добросовѣстность...

Когда Александръ Павловичъ былъ уже на виду въ Техническомъ Училищѣ, я съ моимъ младшимъ братомъ еще были дѣтьми.

Всматриваясь въ далекія радужныя пятна свѣтлаго дѣтства, я вижу себя и брата рядомъ съ А. П...

„Три друга“!

Горячее лѣтнее солнце заливаетъ насъ, а мы сидимъ на скамейкѣ, —онъ между нами, мы по бокамъ, счастливые и гордые.

„Три друга“... Къ стр. 69.

А. П. Гавриленко съ младшими сыновьями, въ 1907 году.

На нашихъ лицахъ радостная улыбка.

Мы настолько довольны, веселое радостное чувство такъ охватило насъ, что для гордости почти не осталось даже крохотнаго мѣстечка.

И все же мы горды...

Какъ-ни-какъ, — „три друга“...

Улыбается и А. П. своей удивительной улыбкой.

Что было въ этой улыбкѣ, какое очарованіе таилось въ ней, я право не знаю, но всегда, сколько я ни помню себя, эта улыбка отражалась радостнымъ лучомъ во мнѣ, даже въ минуту печали, въ минуту удрученнаго состоянія души.

И это говорю не я одинъ. Я слышалъ это отъ многихъ.

Бывали дни, когда какія-нибудь непріятности, какія-нибудь тяжелыя условія современности въ дѣятельности А. П. клали черныя тѣни на его лицо.

Всю тяготу, всѣ свои печали А. П. переживалъ одинъ... въ себѣ.

Въ такое время онъ былъ молчаливъ и односложенъ.

Эта угрюмость, эта молчаливость, которыя помимо воли овладѣвали имъ, которыхъ онъ не въ силахъ былъ стряхнуть съ себя, повидимому, угнетали его особенно своей властной принудительностью.

И пасмурный видъ А. П. ложился тѣнями на насъ, на меня и на брата, когда мы были дѣтьми, когда мы были юношами, и на всѣхъ близкихъ.

Но стоило А. П. побороть свое дурное настроеніе, стоило ему улыбнуться своей удивительной улыбкой, какъ становилось опять тепло и радостно на душѣ.

Плывутъ годы и таютъ въ прошломъ.

Незамѣтно, какъ утренній туманъ, обласканный розовымъ свѣтомъ прошлаго, таютъ они, чтобы исчезнуть навсегда...

Я помню себя юношей-подросткомъ предъ поступленіемъ въ Техническое Училище.

У насъ въ это время было много молодежи.

А. П. въ это время былъ уже профессоромъ, обратившимъ на себя вниманіе своими учеными трудами, своей общественной дѣятельностью.

Былъ вечеръ, молодежь развлекалась шарадами.

Старались все устроить остроумно, эффектно, обстановочно.

Въ гостиной передвигалась мебель, прикручивалась лампа

(въ это время электричество было еще рѣдкостью), зажигался спиртъ съ солью.

Извѣстный профессоръ, уважаемый общественный дѣятель, А. П. принималъ горячее участіе въ юношеской забавѣ, не отставая отъ насъ въ веселомъ увлеченіи.

Мы были юны, мы съ энтузіамомъ отдавались своимъ фантазіямъ, а онъ былъ другомъ юности, нашимъ товарищемъ не за страхъ, а за совѣсть, онъ жилъ въ это время душа въ душу съ нами, онъ былъ въ это время не поддѣльнымъ, а настоящимъ, нашимъ искреннимъ другомъ.

„Другомъ молодежи"...

Милая простота. Ласковая искренность...

Сколько незабвенныхъ воспоминаній, какое очарованіе въ этихъ далекихъ... столь жестоко далекихъ пустякахъ.

И какъ я, мои юные сверстники въ былое время тянулись къ А. П., такъ позднѣе онъ привлекалъ къ себѣ тѣхъ, кто пришелъ намъ на смѣну, моихъ племянниковъ и племянницъ.

Его можно было видѣть на улицахъ Москвы въ сопровожденіи человѣкъ восьми дѣтей своихъ и чужихъ.

Четырехлѣтній сынъ моего брата находилъ удовольствіе бесѣдовать съ нимъ.

А. П. бралъ на руки мальчика, и начиналась бесѣда, иногда оживленная, шутливая, иногда серьезная, но всегда дѣтская, всегда искренняя.

А. П. умѣлъ превращаться не только въ юношу, но и въ ребенка.

И какъ бываетъ обыкновенно съ искренними, чистыми сердцемъ людьми, А. П. иногда краснѣлъ до корня волосъ, какъ школьникъ.

Какъ онъ сумѣлъ сохранить свою душу такой юной, такой свѣтлой до самой своей смерти?...

Какъ онъ, перегруженный работой, находилъ время для юношескихъ забавъ?!...

Онъ могъ, даже не отрываясь отъ серьезной работы, принимать участіе въ дѣтской бесѣдѣ или въ юношескомъ развлеченіи.

Сколько цѣнностей, еще невѣдомыхъ, унесла съ собой эта душа въ свою раннюю могилу?...

До послѣднихъ дней А. П. былъ товарищемъ своихъ подраставшихъ дѣтей и племянниковъ.

На велосипедныхъ гонкахъ.

Въ деревнѣ Иванковѣ, въ 1897 году.

Стоитъ, съ тросточкой, отецъ А. П.—Павелъ Антоновичъ; справа отъ него А. П. съ семьей,—на рукахъ старшіе сынъ и дочь; стоятъ слѣва О. П. Залѣсская и Р. В. Несмѣяновъ; остальные—семейство Розенблюмъ.

Бывало, лѣтомъ, на дачѣ, въ ясное утро неожиданно за лѣсомъ разсыпается сухой раскатъ перестрѣлки.

Солдаты!... Маневры!...

Едва раздаются первые выстрѣлы, какъ мальчики уже хватаются за фуражки. Слышенъ грохотъ ногъ, сбѣгающихъ съ лѣстницы, хлопаетъ калитка...

А. П. не отстаетъ отъ дѣтей.

За его руку уцѣпится кто-нибудь изъ малышей.

Онъ тоже не желаетъ отставать...

А вечеромъ всѣ вмѣстѣ обсуждаютъ минувшія событія, оцѣниваютъ распоряженія начальниковъ частей, спорятъ, волнуются.

И въ этихъ спорахъ А. П. всегда на равной ногѣ съ дѣтьми.

Никогда ему и въ голову не придетъ задавить ихъ своимъ опытомъ, своими знаніями.

Вѣдь онъ прежде всего товарищъ...

Онъ, повидимому, искренне былъ готовъ учиться у малолѣтнихъ знатоковъ военнаго дѣла.

Такъ въ спорахъ, на прогулкахъ, въ подвижныхъ играхъ А. П. умѣлъ быть искреннимъ другомъ юности.

Ясной свѣжестью вѣяло отъ его души.

И старость не коснулась ее.

Старость...

Вѣдь старость это одинъ изъ самыхъ дурныхъ, самыхъ непріятныхъ пороковъ...

А. П. сумѣлъ жить и не состариться. Онъ пронесъ свою душу чистой и свѣжей, онъ жилъ и умеръ молодымъ...

В. П. З.

А. П. ГАВРИЛЕНКО И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ЛЮДЯМЪ.

Однимъ изъ результатовъ широкаго сравненія личности А. П. Гавриленко съ людьми, подходящими по какой-либо причинѣ для сравненія, является мысль, что объ этомъ человѣкѣ нельзя говорить „по шаблону“, нельзя писать шаблоннаго некролога: такой некрологъ не удовлетворитъ знавшихъ А. П. Гавриленко близко, а не знавшимъ не дастъ въ достаточной мѣрѣ понять, почему этотъ человѣкъ могъ возбудить къ себѣ такую любовь среди едва ли не всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ. Поэтому, мнѣ кажется, что лучшій путь для выполненія дѣйствительно заслуживающей всяческаго вниманія задачи — созданія и сохраненія на общую пользу духовнаго портрета А. П. Гавриленко — заключается не столько въ перечисленіи его заслугъ, какъ общественнаго дѣятеля, какъ профессора и разсужденіи о его личности, но въ возможно полной и правдивой передачѣ того, что пришлось лично видѣть и слышать за время соприкосновенія съ нимъ. Такого рода матеріалъ скорѣе дастъ читателю представленіе о томъ, что видѣли въ А. П. Гавриленко люди, знавшіе его лично.

Я имѣю возможность остановиться на той сторонѣ личности Александра Павловича, которая касается его отношенія къ людямъ, имѣвшимъ къ нему какое-либо дѣло, и больше всего его отношенія къ студентамъ Императорскаго Техническаго Училища. Съ этой стороны я имѣлъ возможность и лично наблюдать его въ продолженіе семи лѣтъ и много слышалъ о немъ отъ другихъ. Надо еще сказать, что, вслѣдствіе отсутствія у Александра Павловича опредѣленныхъ часовъ пріема, вслѣдствіе того, что значительную часть своихъ служебныхъ дѣлъ онъ совершалъ среди занятій со студентами съ девяти

часовъ утра до четырехъ вечера, лица, бывшіе студентами Училища въ годы его директорства, имѣли возможность наблюдать его не только какъ профессора, но и какъ человѣка, какъ администратора.

Чуждый и тѣни рисовки, позы, важности, онъ дѣлалъ свое дѣло, не обставляя его никакимъ внѣшнимъ эффектомъ. Проявляя рѣдкую самостоятельность и твердость, онъ держался всегда такъ, что никому изъ нуждавшихся въ немъ не было нужно считаться съ нимъ самимъ, съ его настроеніемъ или расположеніемъ и, съ другой стороны, имѣя съ нимъ дѣло, было совершенно невозможно использовать и тѣнь лести или угодничества. У него не было любимцевъ, но, зато, и не было, кажется, человѣка, изъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло, которому онъ не сдѣлалъ бы всего добра, которое могъ сдѣлать, и, даже больше, — которое онъ сдѣлалъ, переходя предѣлъ возможнаго.

Его дѣловая атмосфера слагалась, во-первыхъ, изъ огромнаго, непрерывнаго труда, во-вторыхъ, изъ совершеннаго, дѣятельнаго доброжелательства къ людямъ, нуждавшимся въ немъ.

Въ обращеніи онъ былъ крайне простъ и со всѣми совершенно одинаковъ: онъ держался одинаково и со студентомъ, и съ профессоромъ, и со служителемъ, и съ посѣтителями, не принадлежавшими къ Училищу, — настолько одинаково, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это становилось похоже на анекдотъ, съ тѣмъ только различіемъ отъ анекдотовъ на подобную тему, что его одинаковое обращеніе со всѣми, со всѣми же и оставалось вполнѣ джентльменскимъ; можно, зная его, допустить, что если онъ ни передъ кѣмъ, какъ говорятъ, „не расшаркивался“, то и никого не только не унизилъ, но своимъ обращеніемъ напоминалъ соприкасающемуся съ нимъ о простыхъ, хорошихъ, человѣческихъ отношеніяхъ, всегда возможныхъ между людьми, какъ бы ни было различно внѣшнее положеніе ихъ.

Недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Европѣ, индусскій поэтъ и философъ Тагоръ пишетъ, что неуклонность дѣйствія законовъ природы должна вызывать въ человѣкѣ не только чувства слабости и безпомощности, но также и сознаніе, что человѣкъ можетъ спокойно положиться на постоянство дѣйствія силъ природы и, соотвѣтственно этому, поступать, стремясь къ своему благополучію. Постоянство и ровность въ отношеніи ко всѣмъ у А. П. Гавриленко были похожи на нѣкую силу природы, съ тою разницей, что эта сила

всегда была неизмѣнно для всѣхъ благодѣтельна. Лучше всѣхъ знаютъ объ этомъ студенты Императорскаго Техническаго Училища,—фраза „пойду къ Гавриленко“ употреблялась студентами въ годы его директорства при самыхъ разнообразныхъ затрудненіяхъ и всегда—съ надеждой и даже съ чѣмъ-то большимъ, чѣмъ только надежда. И не удивительно, что когда распространялась вѣсть о его внезапной кончинѣ, многіе изъ студентовъ не въ силахъ были и передать не знавшему товарищу этой вѣсти и многіе, я видѣлъ и слышалъ, плакали такъ, какъ плачутъ только по роднымъ.

За годъ, приблизительно, до смерти Александра Павловича, студенты Императорскаго Техническаго Училища праздновали двадцатипятилѣтіе его профессорской дѣятельности.

Здѣсь были и рѣчи, и адреса, и аплодисменты безъ конца, — было все, что бываетъ на юбилейныхъ торжествахъ; но было также и нѣчто, встрѣчающееся не только не на всякомъ подобномъ торжествѣ, но и вообще рѣдкое, исключительное: у очень многихъ изъ присутствующихъ въ глазахъ стояли слезы. Одинъ изъ студентовъ, принадлежащій къ людямъ скорѣе не слишкомъ чувствительнымъ, чѣмъ къ сентиментальнымъ, на вопросъ — доволенъ ли онъ торжествомъ, устроеннымъ по поводу юбилея Гавриленко? — отвѣтилъ: „нужно было въ десять разъ больше!“ — Что же „больше“, какъ больше можно было? — спросили его опять. „Ужъ я не знаю“, — сказалъ онъ.

Отвѣчая на привѣтствія студентовъ, очень взволнованный Александръ Павловичъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Прослужить двадцать пять лѣтъ профессоромъ, право, мнѣ кажется, не такая уже большая заслуга, чтобы она давала поводъ къ подобному торжеству. И я всегда былъ противъ подобныхъ празднествъ. Но въ настоящемъ случаѣ, я вижу нѣчто, дающее мнѣ основаніе смотрѣть на происходящее нѣсколько иначе: я вижу, что между вами и мною существуетъ *дружеская связь;* видѣть же это такъ дорого, что, вѣроятно, для большинства изъ васъ, находящихся еще въ первой половинѣ жизни, врядъ ли и понятно. И это меня такъ трогаетъ, что я, собственно, предпочелъ бы...“

И, не будучи въ состояніи ни слова сказать больше, блѣдный Александръ Павловичъ забралъ ворохъ поднесенныхъ ему адресовъ и удалился такъ поспѣшно, какъ только возможно было, пробиваясь чрезъ биткомъ набитую аудиторію.

Это было единственное торжество по поводу юбилея Александра Павловича, — онъ настойчиво отклонилъ всѣ попытки въ этомъ направленіи, сдѣланныя различными учрежденіями, въ которыхъ онъ работалъ. Студенты же, насколько мнѣ извѣстно, рѣшили и не спрашивать его согласія, такъ какъ ни за что не хотѣли отказаться отъ этого празднества: все было сдѣлано, организовано, собралась сходка и Александръ Павловичъ былъ приглашенъ на нее съ обычной своей работы.

Это происходило мѣсяцевъ за восемь до его смерти. Въ половинѣ мая слѣдующаго года въ той же самой аудиторіи снова была столь же многочисленная сходка. Было глухое для всякихъ студенческихъ собраній время,—шли майскіе экзамены; въ Училище пріѣзжалъ только тотъ, кому нужно было держать какой-либо экзаменъ. Но разнесшаяся съ утра вѣсть къ двѣнадцати часамъ переполнила новую химическую аудиторію...

„Первымъ въ порядкѣ дня стоитъ вопросъ объ увѣковѣченіи памяти А. П. Гавриленко. Желающихъ высказаться по этому вопросу прошу брать слово!“—говоритъ студентъ, предсѣдатель сходки.

Рѣчи, предложенія... „Поставить въ актовомъ залѣ бюстъ“. „Назвать эту аудиторію „гавриленковскою“. „Сдѣлать сборъ на вѣнокъ“. Чувствуется общая растерянность и неудовлетворенность предложеніями. Наконецъ, еще одно предложеніе, послѣднее; оно было выражено, приблизительно, въ слѣдующихъ словахъ:

„...Все, предложенное раньше, конечно, будетъ сдѣлано: будетъ памятникъ, будутъ вѣнки и т. д., но, спросимъ себя,—удовлетворитъ ли насъ все это? Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, вспоминая объ Александрѣ Павловичѣ и о томъ, что мы сдѣлали въ память его, о памятникѣ и вѣнкахъ, почувствуемъ ли мы удовлетвореніе сдѣланнымъ? Не будетъ ли намъ казаться, что столь шаблонныя формы воздаянія памяти человѣка, горечь потери котораго для насъ несравнимо глубже, чѣмъ можетъ представить себѣ кто-либо, не принадлежащій теперь или въ ближайшемъ прошломъ къ студентамъ Императорскаго Техническаго Училища,—что эти формы и подходятъ мало къ нему?“

„Многіе изъ насъ прожили въ Москвѣ лѣтъ по шести, семи и видѣли не однѣ торжественныя похороны, похороны людей, по справедливости пользовавшихся въ обществѣ извѣстностью и симпатіями; и видя конецъ этихъ людей, вѣроятно, многимъ изъ насъ приходила

мысль, что хорошо было бы, если бы и мы сами прошли нашу жизнь, оставивъ послѣ себя значительный и хорошій слѣдъ. Но было ли хотя однажды, хотя бы въ случаѣ проводовъ въ могилу популярнаго моралиста, или яркаго защитника права въ гражданской жизни, было ли такъ, чтобы мы, при видѣ этихъ проводовъ, пожелали быть подобными умершему какъ человѣку? Зная умершаго, какъ общественнаго дѣятеля, были ли мы когда-либо приведены къ мысли о желаніи быть подобными ему, „какъ человѣку?“ Случалось ли намъ пожелать, чтобы подобно умершему, мы смогли своей личностью, своимъ добрымъ и мудрымъ отношеніемъ къ людямъ, соприкасающимся съ нами,—смогли бы возбудить въ нихъ чувство столь же искренней симпатіи и столь же горячее чувство утраты, какое возбуждаетъ въ насъ теперь мысль объ А. П. Гавриленко? И не въ этомъ ли чувствѣ и заключается высшая похвала человѣку отъ человѣка? И можно ли сказать въ чью-либо память что-нибудь болѣе высокое?..“

„А мысль объ Александрѣ Павловичѣ, какъ разъ, и будитъ въ насъ такое чувство, такія мысли. Вотъ почему и сдѣлать въ память его мы должны, кромѣ всего предложеннаго раньше, нѣчто другое,—то, чего заслужить можетъ только одинъ изъ немногихъ...“

„Безъ сомнѣнія, многіе изъ присутствующихъ займутъ въ свое время, сравнительно высокое положеніе въ жизни: у нихъ будутъ равные, которые будутъ считаться съ ними, какъ съ равными, будутъ и подчиненные, зависящіе отъ нихъ...“

„И вотъ, пусть, кто можетъ, въ память А. П. Гавриленко, дастъ сейчасъ, здѣсь себѣ слово, не въ слухъ, а въ душѣ дастъ это слово, во всю свою послѣдующую жизнь быть въ своемъ отношеніи къ людямъ, подобнымъ А. П. Гавриленко!... И можно думать, что только такое рѣшеніе и неуклонное стремленіе, по мѣрѣ силъ, выполнить его, можетъ дать намъ сознаніе, что мы *все* сдѣлали въ память его, отплатили, какъ могли, за все хорошее, что видѣли у него и отъ него...“

Къ словамъ этимъ, поскольку можно судить по всей совокупности впечатлѣнія отъ того момента, студенты отнеслись съ большимъ сочувствіемъ; личное дѣло каждаго, какъ долго онъ будетъ помнить о нихъ, но если и двое изъ ста сохранятъ ихъ въ своей памяти, и это когда-нибудь и гдѣ-нибудь можетъ имѣть значеніе.

На могилѣ говорилось много рѣчей. Говорили профессоры, студенты, представители общественныхъ организацій. Въ одной изъ студенческихъ рѣчей была высказана мысль о томъ, что могила Александра Павловича останется въ глазахъ студентовъ мѣстомъ, къ которому всегда будетъ возвращаться ихъ мысль, если они будутъ видѣть въ стѣнахъ Училища „растрату наслѣдства Гавриленко". Наслѣдство же это заключается въ той „дружеской связи", которая была создана Александромъ Павловичемъ, между главой профессорской коллегіи съ одной стороны и студентами — съ другой. „Окажутся ли наслѣдники преумножающими наслѣдство, или растратятъ его?"

Особенность условій, въ которыхъ находятся студенты Императорскаго Техническаго Училища, проистекающая изъ огромной трудности проходимой ими программы, а также особенности условій жизни высшей школы за время директорства А. П. Гавриленко, ярко выявили его какъ свѣтлую личность, какъ человѣка, рѣдкаго по твердости и благородству характера. Мнѣ приходилось слышать, что онъ отдѣлялъ студентовъ Техническаго Училища по огромности требуемой отъ нихъ работы отъ студентовъ другихъ учебныхъ заведеній Москвы, и, можетъ-быть, отчасти и вслѣдствіе этого былъ такъ неизмѣнно внимателенъ къ затрудненіямъ, въ которыя многіе изъ нихъ нерѣдко попадали въ долгіе годы одолѣванія обязательной программы. И кажется теперь, что среди студентовъ Училища былъ нѣкій старый студентъ, къ которому всегда можно было пойти съ своимъ затрудненіемъ и что этотъ старый „товарищъ" всегда отнесется къ дѣлу пришедшаго съ точки зрѣнія студенческихъ интересовъ; и, кромѣ того, этотъ чудесный старый товарищъ имѣлъ еще и власть большую, и властью этой всегда и неизмѣнно пользовался на благо своихъ младшихъ товарищей. Трудно, конечно, въ глазахъ студенческихъ замѣнить его; трудно поддержать ту нравственную высоту взаимоотношеній между директоромъ Училища и студентами, на какую дано было вознести ихъ А. П. Гавриленко. А такъ нужно было бы, чтобы такія отношенія были не только между директоромъ и студентами, но между всею профессорской коллегіей съ одной стороны и студентами съ другой. Въ этомъ заключается непремѣнное условіе успѣшной въ самомъ широкомъ смыслѣ работы не только студенческой, но и профессорской. Я видѣлъ, какъ дорога даже и для самаго непривѣтливаго изъ учащихъ, для самаго холоднаго, по виду, изъ нихъ нота искренняго расположе-

нія со стороны студента, и какъ это расположеніе оживляетъ и одухотворяетъ сухую и скучную подчасъ работу преподавателя; что же касается студента, то для него въ добромъ и внимательномъ отношеніи профессора заключено такъ много, что объ этомъ и говорить излишне.

Утвержденіе, что „экзамены — зло“, сдѣлалось настолько общепризнаннымъ, что, кажется, доказывать это ни предъ кѣмъ нѣтъ надобности, развѣ только иногда потребуется добавленіе — „неустранимое“, скажутъ, — „неустранимое зло“; а между тѣмъ Александръ Павловичъ способенъ былъ и это зло свести до такого минимума, что оно, какъ-будто, переставало даже и зломъ казаться. Въ его директорскомъ кабинетѣ въ дни экзаменовъ была атмосфера нисколько почти не хуже, чѣмъ въ дни обычной работы по проектированію.

Очень нерѣдко первымъ вопросомъ его, обращеннымъ къ студенту, былъ такой:

— Ну, что же, все вамъ понятно было?

И часто студентъ, послѣ бесѣды о непонятыхъ имъ мѣстахъ, которыя тутъ же и уяснялись Александромъ Павловичемъ, безъ единаго другого вопроса, уходилъ отъ него съ высшей отмѣткой о выдержанномъ экзаменѣ: бесѣдуя съ экзаменующимся о непонятомъ, А. П. отдавалъ себѣ отчетъ въ степени пониманія и усвоенія необходимаго.

А то бывало, что студентъ просто не можетъ отвѣтить на какой-нибудь вопросъ, и Александръ Павловичъ предлагаетъ ему взять книгу и сейчасъ же поискать въ ней отвѣта на предложенный вопросъ; и студентъ усаживается гдѣ-нибудь въ кабинетѣ директора въ мягкое кресло и, часто даже въ компаніи съ кѣмъ-либо, обсуждаетъ и разбираетъ предложенный ему вопросъ, а разобравшись, снова идетъ отвѣчать.

Изрѣдка кто-нибудь „проваливался“. Это значило, что нужно придти на слѣдующей недѣлѣ, постаравшись дома хорошенько разобраться въ неусвоенномъ.

Экзамены у А. П. происходили еженедѣльно, и такое откладываніе никого очень не угнетало. Гавриленко экзаменовалъ по пяти предметамъ и однако можно совершенно опредѣленно утверждать, что при немъ не было случая, чтобы какой-нибудь студентъ испытывалъ затрудненіе въ изученіи и сдачѣ его предметовъ. Скорѣе даже, по сравненію со всѣмъ остальнымъ учебнымъ дѣломъ студента, гавриленковскіе предметы являлись и пріятнымъ дѣломъ: вѣдь такъ пріятно чи-

А. П. Гавриленко среди профессоровъ и студентовъ въ саду Училища въ 1906 году.

тать просто, хорошо написанную книгу и пойти за зачетомъ предмета безъ всякаго страха застрять на этомъ дѣлѣ, несмотря на добросовѣстное отношеніе къ нему.

Доступъ въ кабинетъ Гавриленко былъ для студентовъ настолько свободенъ во всякое время, что часто, бывало, студентъ приходитъ въ Училище, чтобы призанять у кого-нибудь рубль, другой; ходитъ по коридорамъ, ища подходящаго человѣка, заходитъ въ библіотеку, идетъ и въ кабинетъ къ директору, надѣясь и тамъ кого-нибудь встрѣтить. И, такимъ образомъ, за часъ поисковъ онъ можетъ зайти въ этотъ кабинетъ не одинъ разъ, а три, или четыре раза, потому что „публика" въ кабинетѣ, подобно ищущему занять, постоянно мѣняется: кто заходитъ узнать скоро ли дойдетъ до него очередь для бесѣды съ Александромъ Павловичемъ по проектированію, кто приходитъ по другому какому-нибудь дѣлу, а кто просто „отъ нечего дѣлать". У дверей, правда, всегда стоялъ служитель, но онъ являлся „стражемъ" входа только въ тѣ часы и дни, когда въ кабинетѣ было засѣданіе Хозяйственнаго Комитета: тогда туда студенты уже не входили, но, однако, подписать нужную спѣшно бумагу или даже вызвать директора для студента не было дѣломъ очень труднымъ,—служитель исполнялъ такія порученія безотказно, и, необходимо еще прибавить, не приходилось наблюдать, чтобы студенты отрывали А. П. отъ засѣданій Комитета по пустому дѣлу.

Однако фраза „засѣдаетъ Хозяйственный Комитетъ" сдѣлалась среди студентовъ анекдотичной; она иногда употреблялась въ разсказѣ о затрудненіи канцелярскаго характера, испытанномъ студентомъ въ Училищѣ при какомъ-либо дѣлѣ: „у нихъ тамъ всегда Хозяйственный Комитетъ засѣдаетъ", — говорилъ недовольный.

Въ глазахъ студентовъ міръ „гавриленковскій" противополагался всему остальному въ мірѣ Техническаго Училища; можно сказать, что въ представленіи студента „тѣнь засѣданія Хозяйственнаго Комитета" лежала на всемъ, съ чѣмъ въ данную минуту не соприкасался Гавриленко. И эта яркая оттѣненность всего, что „Гавриленко" и „не Гавриленко" происходила совсѣмъ не потому, что остальное все было очень плохо, нѣтъ, — остальное-то было просто „обыкновеннымъ", а Гавриленко стоялъ отъ обыкновеннаго далеко. Разница этого „обыкновеннаго" отъ подобнаго же „обыкновеннаго" во многихъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, кажется

мнѣ, была въ томъ, что студенты и преподаватели Техническаго Училища такъ перегружены работой, что у нихъ, за рѣдкими исключеніями, уже не остается достаточнаго количества душевной энергіи, чтобы при соприкосновеніи другъ съ другомъ интересоваться индивидуальностью также, тѣмъ, что есть общечеловѣческаго въ данномъ человѣкѣ, — работы у всѣхъ такъ много, что ни для чего другого, ни для чего, что не обязательная работа, не остается мѣста.

Кто ни возложилъ бы, что ни возложило бы эту обязательную работу, изъ какихъ важныхъ соображеній она не совершалась бы, несомнѣнно одно, что она не въ мѣру человѣческимъ силамъ, если за эту мѣру принять возможность гармоническаго развитія и дѣйствія душевныхъ силъ человѣка. Можетъ-быть, для рѣдкихъ натуръ, или особенно узкихъ, или особенно сильныхъ, оказывается возможность чувствовать себя не подавленнымъ обиліемъ заданнаго кѣмъ-то и чѣмъ-то количества пассивно выполняемой работы, безъ творческаго порыва въ ней, но масса — я видѣлъ это — несетъ на себѣ печать угнетенности и подавленности. И если принять во вниманіе, что предметы математическаго и техническаго характера, дѣйствуютъ на изучающихъ ихъ скорѣе въ сторону развитія сухости и замкнутости, то понятно, что атмосфера Техническаго Училища отличалась отъ атмосферы другихъ московскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, хотя люди тамъ, какъ люди, были не хуже и не лучше тѣхъ, которые работали въ стѣнахъ Техническаго Училища.

Такимъ образомъ, личность Александра Павловича Гавриленко особенно выдѣлялась на фонѣ хмурыхъ, необщительныхъ и заваленныхъ работой людей, профессоровъ и преподавателей Училища, а также и студентовъ, которые уже на первой половинѣ прохожденія обязательной программы въ огромномъ большинствѣ оказывались во власти вліянія общей атмосферы.

Я объ этомъ говорю для того, чтобы указать на одну новую, хотя, можетъ-быть, и побочную только причину взаимоотношеній, сложившихся между Гавриленко и студентами Техническаго Училища. Можетъ-быть, что тамъ, гдѣ студентъ не находится весь во власти учебнаго заведенія, подавляющаго его огромнымъ количествомъ обязательной работы, можетъ-быть, тамъ Александръ Павловичъ былъ бы и въ нѣсколько другихъ отношеніяхъ съ учащимися; въ Техническомъ же Училищѣ онъ былъ убѣжищемъ, былъ мѣстомъ,

гдѣ можно было найти защиту отъ всего, что по какой-либо причинѣ претендовало на превосходство предъ „простымъ человѣческимъ“.

Похороны Александра Павловича лишній разъ показали, что въ глубинѣ души всякаго человѣка мягкость, красота и простота отношеній между людьми стоятъ такъ высоко, что ничто другое не въ состояніи оспаривать ихъ превосходства, и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отношенія, основанныя на дружбѣ и доброжелательствѣ, являются въ глазахъ людей чѣмъ-то совершенно неповторимымъ, являются тѣмъ, что дало право студентамъ Техническаго Училища съ глубокой искренностью сказать въ надписѣ на вѣнкѣ отъ одной изъ студенческихъ организацій: „единственному и послѣднему“.

Праведники никогда не знаютъ о своей праведности,—Александръ Павловичъ, вѣроятно, не считалъ своего отношенія къ людямъ такимъ, чтобы придавать себѣ въ этомъ смыслѣ особое значеніе,—это и видно было изъ его словъ на юбилейномъ торжествѣ, — но, думаю, что многіе изъ знавшихъ А. П. такъ же, какъ и пишущій эти строки, еще при жизни его иногда невольно говорили себѣ: „можно быть благодарнымъ судьбѣ за возможность близко видѣть подобнаго человѣка“.

А. Мастрюковъ.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ.

Неужели Александръ Павловичъ умеръ? Неужели мы лишены возможности съ нимъ проститься?

И впрямь ли не видать намъ больше взгляда чудныхъ, добрыхъ глазъ?

Увы, свершилось: вѣсть объ этомъ пришла, и грядущій день ее не отмѣнилъ.

Не стало Александра Павловича Гавриленко, не стало человѣка дивной душевной красоты, итоги кратковременной жизни котораго нельзя разсказать въ короткихъ словахъ.

Какъ бы мы ни цѣнили и ни уважали дорогого и близкаго намъ человѣка, однако, почти всегда происходитъ такъ, что мы больше всего „распинаемся," когда, увы, его уже нѣтъ въ живыхъ.

Но не потому, что такъ обычно принято, не потому, что пораженному слуху надо какъ-нибудь „отразиться", нѣтъ, всего меньше хотѣлось бы этого мнѣ; но, захлебнувшись жестокимъ извѣстіемъ, я не въ силахъ бороться съ рвущимся душевнымъ крикомъ, не могу не повѣдать боль, охватившую все мое существо.

Печальная дѣйствительность, безпощадно и систематически вырывая лучшія силы интеллигентной семьи, какъ-будто атрофировала наши чувства, пріучила „безъ страха и упрека", спокойно глотать много горькихъ пилюль, превратила насъ въ непростительно равнодушныхъ, холодно разсудительныхъ, преждевременно старыхъ людей.

И если наша молодость проснулась, если боль оказалась еще чувствительной, то для этого потребовался уходъ въ лучшій міръ кристальной чистоты человѣка, профессора Александра Павловича.

Одинъ изъ послѣднихъ учениковъ глубокоуважаемаго, незабвеннаго Александра Павловича, я имѣлъ счастливую возможность много лѣтъ наблюдать его не только какъ ученаго, но также и, главнымъ образомъ, какъ учителя и человѣка.

И потому нахлынувшему чувству я далъ сейчасъ просторъ, что слишкомъ дорожилъ при жизни спокойствіемъ необыкновенно чуткаго и впечатлительнаго Александра Павловича...

Подъ наружной суровостью, не разъ смущавшею даже хорошо знавшихъ его людей, скрывалось чудное, теплое, ко всѣмъ одинаково отзывчивое сердце.

По какому бы дѣлу студентъ ни обращался, онъ всегда смотрѣлъ съ глубокою вѣрою на директора, въ надеждѣ получить справедливое и гуманное рѣшеніе волнующаго вопроса.

Никто не уходилъ отъ А. П. съ опущенной головой; даже въ послѣднее, безотрадное время, когда многіе вопросы рѣшались помимо Учебнаго Комитета, теплымъ участіемъ и совѣтомъ директоръ спасалъ не одного утопавшаго.

Кто изъ насъ не знакомъ съ характеромъ пріема у директора какого-либо промышленнаго, учебнаго, полицейскаго и т. п. учрежденія?

Не углубляясь въ добрыя старыя времена, мы зачастую и сейчасъ видимъ просителя, сконфуженнаго лаконическимъ отвѣтомъ и легкимъ кивкомъ, показывающимъ, что аудіенція окончена, хотя вопросъ просителя далеко еще не исчерпанъ.

Между тѣмъ здѣсь даже посторонній зритель часто выходилъ изъ себя, удивляясь необыкновенному долготерпѣнію Александра Павловича: прошеніе всесторонне разобрано, а директоръ послѣ детальныхъ объясненій, напутствій и совѣтовъ терпѣливо ждетъ, пока проситель догадается откланяться, что не всегда происходило своевременно.

Хотя офиціально всему значилось свое время, но фактически не было дня, когда въ кабинетѣ профессора нельзя было бы встрѣтить на ряду съ проектирующими, также экзаменующихся, просителей, членовъ Хозяйственнаго и Учебнаго Комитетовъ и пр.; идя навстрѣчу студентамъ, А. П. умудрялся устраивать частичные экзамены по своимъ предметамъ во всякое время дня и года. А, вѣдь, за стѣнами Техническаго Училища имъ не забывались другія ученыя, учебныя, промышленныя и просвѣтительныя учрежденія!

Особенно поражала способность А. П. творить добро неза-

мѣтно, всячески скрывать свою иниціативу въ добромъ дѣлѣ... А между тѣмъ, дорогой учитель-другъ, всякій, имѣвшій счастье видѣть тебя, чувствовалъ твою душевность, всякій, знавшій тебя, жилъ твоимъ дѣломъ.

Только твоя обаятельная личность удерживала студентовъ отъ рискованныхъ шаговъ и тѣмъ сохранила относительную свободу нашего Училища.

Широко разстилалась сила твоя! Не одного человѣка ты уберегъ отъ бѣды, не одного ты къ жизни воскресилъ, не одинъ разъ примѣромъ добрымъ мысль добрую въ другихъ будилъ.

„Нѣтъ человѣка, кромѣ человѣка", и Александръ Павловичъ былъ лучшимъ его выраженіемъ.

Миръ праху твоему, незабвенный, дорогой учитель!

Май, 1914 г. *К. С. Гордонъ.*

Во время осмотра заводовъ, въ 1907 году въ Петроградѣ.

ПАМЯТИ ЧЕЛОВѢКА.

Талантъ инженера въ тебѣ сочетался
Съ отзывчивой, чуткой душой;
Не только лишь техникой ты занимался,—
Ты былъ человѣкъ. И какой!
Безсмѣнный работникъ на нивѣ прогресса,
На пользу отчизны родной
— Ты былъ гражданинъ.
Мы всѣ трепетали въ минуты ненастья,
Мы жили твоею тоской,
Боялись: удержатъ ли мощныя плечи
Порывъ непогоды лихой?..
И сердце умолкло, навѣки затихло,
Ушелъ—благородный, большой...
— У насъ ты былъ только одинъ...

С. С.

12/V—14.

МЕЛОЧИ ДИРЕКТОРА.

Былъ жаркій іюльскій день. Въ лабораторіи паровыхъ котловъ И. Т. У. шли испытанія антрацитовъ. Я стоялъ у водотрубнаго котла. Въ котельную вошелъ Александръ Павловичъ съ какой-то бумагой въ рукѣ. „Мнѣ нужно поговорить съ Вами по дѣлу“, — были первыя слова Александра Павловича необычно сухимъ тономъ. Когда мы вошли въ лабораторную комнату, Александръ Павловичъ, указывая на бумагу (то былъ мой рапортъ директору объ увольненіи за пьянство служащаго центральной станціи А.), сказалъ: „вотъ здѣсь Вы пишете объ увольненіи А., но слѣдуетъ ли это дѣлать?“ Выслушавъ причины увольненія А., Александръ Павловичъ замѣтилъ: „Да, но А. говорилъ мнѣ, что вы его не за пьянство уволили, а за то, что онъ не явился на праздничное дежурство, чего и дѣлать-то онъ не долженъ былъ, такъ какъ его фамиліи не было въ спискахъ дежурныхъ“. Выяснить истину было нетрудно: на стѣнѣ висѣлъ списокъ дежурныхъ съ написанной моей же рукой фамиліей А. „При такихъ условіяхъ“, — былъ приговоръ Александра Павловича, — „А. безусловно слѣдуетъ уволить“.

Мы простились. Александръ Павловичъ пошелъ въ свой кабинетъ, а я къ котлу, гдѣ какъ-то невольно подѣлился со своими сотрудниками-студентами впечатлѣніемъ отъ только что бывшей бесѣды. Всѣмъ намъ было ясно, что иной, „настоящій“, — какъ шутили мы, — директоръ не сталъ бы „терять“ время, чтобы итти къ завѣдывающему станціей за разъясненіями по поводу его недоразумѣній со служащимъ. Но для Александра Павловича была въ данномъ случаѣ важна правда, а въ такія минуты онъ забывалъ, что его званіе директора „разрѣшаетъ“ ему поступать и иначе...

У вагона, передъ поѣздкой со студентами на заводъ 16 января 1904 года.

Въ Хозяйственномъ Комитетѣ И. Т. У. было доложено, что служитель Б. нарушаетъ правила о проживаніи въ отведенной ему комнатѣ и не подчиняется предъявленнымъ къ нему требованіямъ. Въ отвѣтъ на заявленіе полетѣли предложенія все большихъ и большихъ цифръ штрафа. Слушалъ-слушалъ Александръ Павловичъ, да и говоритъ: „Ну, знаете ли, давайте на этотъ разъ наложимъ на него поменьше взысканія, а то придетъ онъ со своей семьей ко мнѣ, да бухнетъ въ ноги... Ну, что я тогда съ нимъ буду дѣлать? Глядишь, и у него есть какія-нибудь, оправдывающія его, обстоятельства". Говорилъ все это Александръ Павловичъ съ той улыбкой, которую не забудетъ никто, кому пришлось ее видѣть...

Электрикъ В. захворалъ туберкулезомъ. Доктора совѣтовали ему лечь въ больницу. Имѣя нѣкоторыя знакомства во врачебномъ мірѣ, В. около двухъ недѣль получалъ отъ разныхъ лицъ лишь обѣщанія. Между тѣмъ болѣзнь В. прогрессировала. Во время одного изъ засѣданій Хозяйственнаго Комитета И. Т. У. мнѣ пришла въ голову мысль попросить Александра Павловича посодѣйствовать помѣщенію В. въ больницу. „Нужно ли"?—спросилъ Александръ Павловичъ. Когда я выяснилъ ему все невеселое житье В. въ убогой комнатѣ и всю опасность зараженія его семьи, Александръ Павловичъ приказалъ служителю вызвать къ телефону г-на Г. Черезъ нѣсколько минутъ я уже зналъ, что В. будетъ утромъ помѣщенъ въ больницу. Александру Павловичу въ подобныхъ просьбахъ не отказывали и, быть-можетъ, главнымъ образомъ, потому, что просилъ онъ за служащихъ тѣмъ тономъ, какой появляется у насъ только тогда, когда идетъ рѣчь о близкомъ, родномъ человѣкѣ...

Какъ-то пришлось мнѣ обратиться къ Александру Павловичу съ вопросомъ, почему новый служащій центральной станціи Д., вопреки установившемуся обычаю, не получилъ ту комнату, которую занималъ только что ушедшій. Въ отвѣтъ я услышалъ: „Да сдѣлано это затѣмъ, чтобъ прекратить въ этомъ корпусѣ ссоры. Бабы служителей Е. и Ж. вѣчно тамъ дерутся, а мужья ко мнѣ съ жалобами другъ на друга приходятъ. Надоѣло мнѣ все это; ну и рѣшилъ я ихъ разсадить по разнымъ угламъ. Вашъ-то Д. еще молодъ: поживетъ

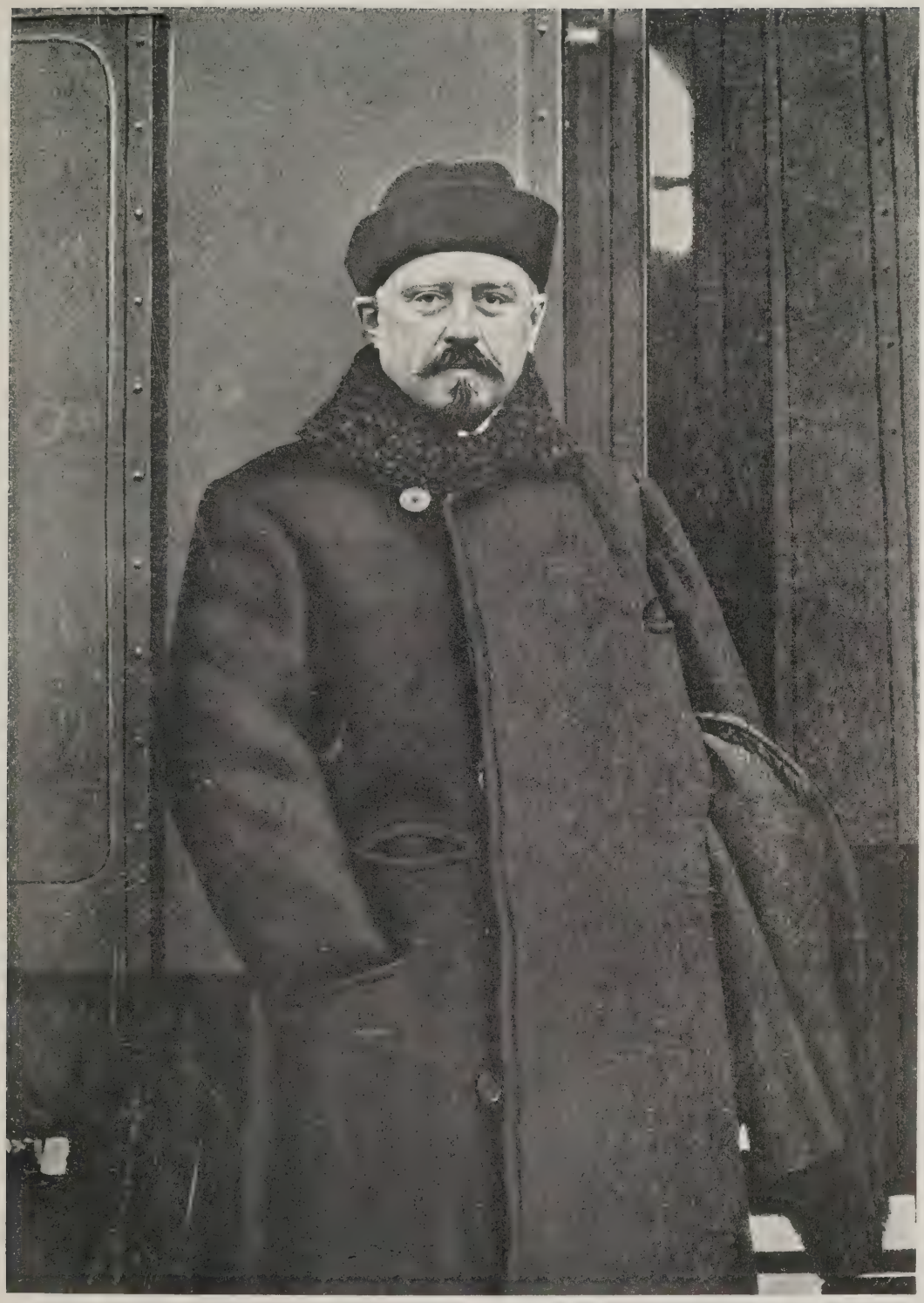
пока, а тамъ не худшую получитъ квартиру". И дѣйствительно Д. скоро получилъ приличную комнату, а мужья тѣхъ „бабъ" ужъ не безпокоили больше Александра Павловича...

Стояли двадцатипятиградусные морозы. У служащаго З., имѣвшаго отдѣльную квартирку въ одномъ изъ зданій И. Т. У., захворалъ сынъ скарлатиной. Администрація И. Т. У., придерживаясь правилъ, потребовала немедленнаго удаленія ребенка. Грозили даже выселеніемъ отца, если онъ не подчинится требованіямъ. З. пошелъ къ директору. Александръ Павловичъ, выслушавъ З., со словами: „самъ имѣю ребятъ, и Васъ понимаю", разрѣшилъ подождать болѣе теплой погоды, но рекомендовалъ быть осторожнѣе, чтобы не занести заразы въ другія квартиры. „Да и ребенка-то берегите", были его заключительныя слова. „Лучше везите его въ каретѣ. Хозяйственный Комитетъ дастъ Вамъ пособіе, а пока возьмите денегъ у меня". Все обошлось благополучно: никто не заразился, а мальчика увезли, когда надо было дезинфицировать квартиру...

Я могъ бы привести еще рядъ воспоминаній изъ жизни И. Т. У., въ которыхъ или повторилось бы то же, о чемъ уже говорилось выше или нѣчто другое, но на ту же тему. Но и этихъ картинокъ, вѣдь, вполнѣ достаточно, чтобы пріятно вспомнить о чуткомъ отношеніи Александра Павловича къ служебному персоналу И. Т. У. и объ отсутствіи у него при разборѣ всевозможныхъ мелкихъ дѣлъ формализма и начальственнаго тона. Всѣмъ, вѣдь, было извѣстно, что двери его кабинета были открыты для служащихъ И. Т. У., къ какому бы рангу и чину они ни принадлежали. Кто шелъ къ Александру Павловичу, тотъ зналъ, что встрѣтитъ у него самое заботливое отношеніе къ своей нуждѣ, какъ бы мала она ни была, и получитъ именно тотъ отвѣтъ, который подсказывался не сухой буквой правила или закона, а требованіями жизни и сплетеніями всевозможныхъ обстоятельствъ, непредвидѣнныхъ установленной формой.

А. Ставровскій.

Москва, 17 апрѣля, 1915 г.



А. П. Гавриленко 16 января, 1904 года.
(Увеличенный снимокъ изъ предыдущей группы).

ОСМОТРЪ ПЕТРОГРАДСКИХЪ ЗАВОДОВЪ.

Въ былыя времена, весной каждаго года, Александръ Павловичъ со старшимъ курсомъ И. Т. У. ѣздилъ въ Петроградъ осматривать заводы. Кто участвовалъ въ этихъ поѣздкахъ, тотъ знаетъ, какъ тепло принимали въ Петроградѣ Александра Павловича, а съ нимъ и студентовъ-техниковъ. Но самое характерное, помню, случилось на П. заводѣ.

Ѣхали мы туда, по обычаю, всѣ вмѣстѣ, на тряской конкѣ. Какъ и на другихъ заводахъ, встрѣтили насъ вполнѣ радушно, и послѣ детальнаго осмотра мастерскихъ предложили завтракъ въ заводской столовой. Молодые инженеры подали мысль просить администрацію завода отправить насъ въ Петроградъ на пароходѣ. Когда послѣдній былъ поданъ къ пристани, вышелъ и Александръ Павловичъ въ своей кепкѣ и съ сигарою въ рукѣ. Мы стали прощаться. То же хотѣлъ сдѣлать и Александръ Павловичъ, но провожавшіе инженеры запротестовали. „Да и я, вѣдь, хочу прокатиться по морю“,—пробовалъ возражать Александръ Павловичъ. „Для васъ, Александръ Павловичъ“,— услышали мы въ отвѣтъ, „конечно, найдется свободный пароходъ, а ужъ Вы побудьте съ нами. Въ кои-то вѣки собрались Вы къ намъ и такъ скоро хотите уѣхать!...“

Утромъ слѣдующаго дня мы встрѣтились около новаго завода. Подѣлились съ Александромъ Павловичемъ впечатлѣніями прогулки по взморью. „И я тамъ былъ“, — сказалъ Александръ Павловичъ „только утромъ: раньше не отпустили“...

Апрѣль, 1915 г. *Инженеръ.*

Часть II.

КОНЧИНА и ПОХОРОНЫ.

ИЗЪ ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ.

ПРОФЕССОРЪ А. П. ГАВРИЛЕНКО (†).

Императорское Техническое Училище понесло тяжелую и неожиданную потерю. 10-го мая, въ 3 часа утра, скончался отъ воспаленія легкихъ, при слабости сердца, оказавшей роковое вліяніе, послѣ двухдневной болѣзни директоръ Училища, инженеръ-механикъ А. П. Гавриленко. Умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, здоровья и оживленной, плодотворной научной, преподавательской и общественной дѣятельности человѣкъ свѣтлаго ума, высокаго инженернаго таланта и необычайно добраго и отзывчиваго сердца, пользовавшійся всеобщей любовью и уваженіемъ, привлекавшій къ себѣ только симпатіи всѣхъ.

Вся дѣятельность покойнаго была тѣсно связана съ дорогимъ ему Императорскимъ Техническимъ Училищемъ. Окончивъ въ немъ курсъ въ 1882 г., А. П. Гавриленко въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работалъ въ Америкѣ, какъ простой рабочій, и затѣмъ, вернувшись въ Россію, въ 1888 году поступилъ преподавателемъ въ Императорское Техническое Училище, гдѣ прошелъ всю служебную лѣстницу, будучи послѣдовательно преподавателемъ, адъюнктъ-профессоромъ, профессоромъ и, наконецъ, съ 1905 года, безсмѣнно избираемый единогласно, директоромъ Училища.

Начавъ преподаваніе въ Училищѣ въ 1888 г., въ пору блестящаго расцвѣта техники, въ пору зарожденія и необычайно быстраго развитія новыхъ важныхъ отраслей ея, А. П. Гавриленко принималъ дѣятельное участіе въ постоянномъ совершенствованіи и развитіи въ Училищѣ преподаванія машиностроенія. Неся на себѣ преподаваніе нѣсколькихъ курсовъ, покойный неоднократно перерабатывалъ и издавалъ эти курсы. Его „Технологія металловъ“ и „Паровые котлы“ пользуются всеобщей извѣстностью. При основаніи въ Училищѣ

механическихъ лабораторій Александръ Павловичъ принималъ въ этомъ самое дѣятельное участіе. Избранный въ 1905 году директоромъ Училища, покойный, въ самую трудную и тяжелую пору въ жизни Училища, сумѣлъ сохранить Училище въ цѣлости и пріобрѣсти симпатіи студентовъ и сослуживцевъ, которыми неизмѣнно пользовался до своей неожиданной кончины. Всегда спокойный, ровный, ко всѣмъ относящійся какъ добрый другъ и товарищъ, Александръ Павловичъ оставилъ по себѣ память, которая не умретъ въ сердцахъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло.

Принимая участіе и въ промышленной дѣятельности страны и не теряя связи съ практической жизнью, покойный не счелъ возможнымъ отказаться отъ предложенной ему въ послѣдніе годы чести взять на себя преподаваніе прикладной механики въ народившемся въ Москвѣ трудами общества новомъ учебномъ заведеніи — Московскомъ Коммерческомъ Институтѣ, и тамъ также въ короткое время завоевалъ себѣ всеобщее уваженіе и симпатіи.

Но покойный несъ и еще колоссальный трудъ, будучи предсѣдателемъ Политехническаго Общества, тѣсно связаннаго съ Императорскимъ Техническимъ Училищемъ, такъ какъ членами Общества состоятъ только инженеры Императорскаго Техническаго Училища. Состоя болѣе 10 лѣтъ предсѣдателемъ Общества, Александръ Павловичъ одинъ несъ на себѣ всю огромную работу по изданію журнала Общества и по дѣламъ Общества, которыя за послѣднія 10 лѣтъ сильно разрослись. Александръ Павловичъ никогда не отказывался отъ работы и несъ ее безропотно, утомляя, можетъ-быть, свое сердце, и это сердце не выдержало удара острой болѣзни и перестало биться.

Профессоръ А. Сидоровъ.

СОВѢЩАНІЕ ПРОФЕССОРОВЪ *).

Вѣсть о кончинѣ директора быстро распространилась среди профессоровъ и студентовъ Московскаго Техническаго Училища.

Къ 10 часамъ утра въ помѣщеніи Училища собрались почти всѣ профессоры и преподаватели.

Прибыли также: директоръ Коммерческаго Института, профессоръ

*) Слѣдующій ниже матеріалъ, взятый изъ газетъ, приводится, лишь какъ документъ, относящійся къ кончинѣ Александра Павловича,—очевидецъ не вездѣ найдетъ въ этомъ матеріалѣ вполнѣ точное описаніе происходившаго. *Прим. Ред.*

П. И. Новгородцевъ; деканъ экономическаго отдѣленія Коммерческаго Института, проф. П. П. Гензель и члены Политехническаго Общества, предсѣдателемъ котораго состоялъ покойный.

Въ актовомъ залѣ Училища состоялось экстренное совѣщаніе профессоровъ и преподавателей Училища, на которомъ обсуждался вопросъ объ организаціи похоронъ скончавшагося директора.

Память А. П. Гавриленко была почтена вставаніемъ.

Рѣшено въ знакъ траура прекратить учебныя занятія на три дня.

Устройство похоронъ Техническое Училище, Коммерческій Институтъ и Политехническое Общество приняли на свой счетъ.

На гробъ А. П. Гавриленко отъ имени профессоровъ и преподавателей Училища возлагается серебряный вѣнокъ.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СХОДКА.

Въ большой химической аудиторіи въ 11 час. утра состоялась студенческая сходка, созванная для обсужденія вопроса объ увѣковѣченіи памяти проф. А. П. Гавриленко.

Память почившаго директора была почтена вставаніемъ.

Студенты трижды пропѣли „вѣчную память“.

Затѣмъ, предсѣдатель сходки, студентъ С. С. Козловъ, произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ покойнаго, какъ рѣдкаго профессора-человѣка, искренно преданнаго наукѣ и прогрессу.

— Студенты,—закончилъ свою рѣчь С. С. Козловъ,—лишились лучшаго своего друга и наставника. Мы переживаемъ сейчасъ тяжелую и мучительную минуту въ нашей жизни. Отъ насъ ушелъ тотъ, кто былъ нашимъ постояннымъ защитникомъ, кто всегда любовно охранялъ насъ отъ гоненій и невзгодъ. На насъ лежитъ священный долгъ — увѣковѣчить память всѣми любимаго и всѣмъ намъ дорогого профессора-гражданина.

Сходка единогласно постановила учредить при Училищѣ стипендію имени А. П. Гавриленко, издать сборникъ, посвященный его памяти, и возбудить ходатайство о присвоеніи большой химической аудиторіи имени покойнаго.

Кромѣ того, рѣшено учредить спеціальный фондъ для устройства въ одномъ изъ санаторіевъ „Общества медицинской помощи учащимся“ койки имени А. П. Гавриленко.

На учрежденіе фонда открытъ сборъ пожертвованій.

Для окончательнаго выясненія вопроса объ увѣковѣченіи памяти А. П. Гавриленко избрана спеціальная комиссія.

На гробъ А. П. Гавриленко студенты возлагаютъ серебряный вѣнокъ.

ПАНИХИДЫ.

Въ 12 часовъ дня у гроба покойнаго была отслужена первая панихида.

Присутствовали всѣ профессоры и преподаватели Техническаго Училища, директоръ Коммерческаго Института, П. И. Новгородцевъ; профессоръ Университета, П. П. Гензель; профессоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, П. А. Велиховъ и масса студентовъ.

У гроба дежурили студенты.

Въ часъ дня состоялась вторая панихида во дворѣ Техническаго Училища.

Обширный дворъ былъ запруженъ студентами.

Пѣлъ студенческій хоръ.

Многіе изъ студентовъ плакали.

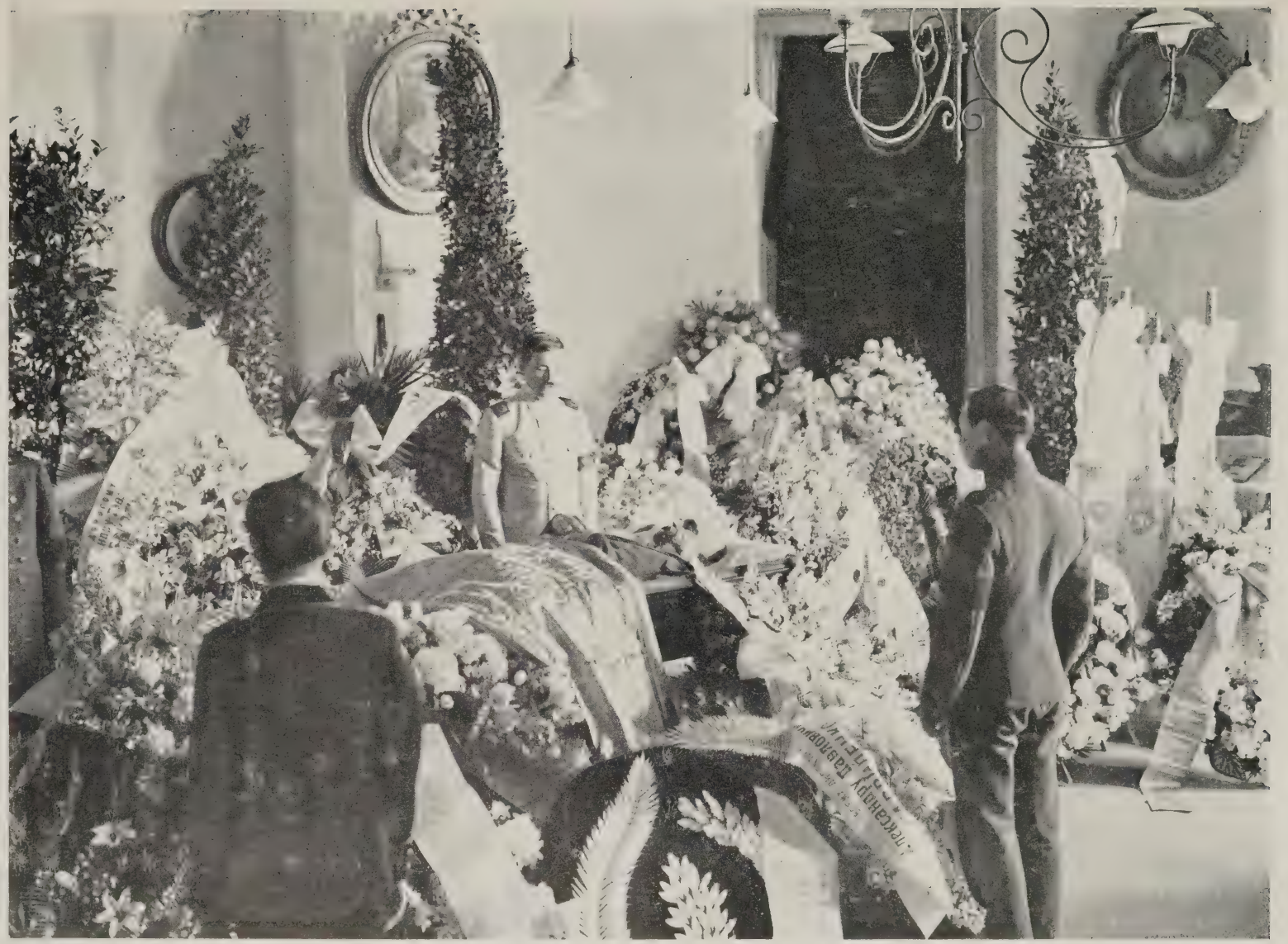
Вечеромъ была отслужена третья панихида.

Квартира покойнаго и смежный коридоръ Училища были переполнены молящимися.

Среди присутствующихъ: попечитель Учебнаго Округа, А. А. Тихомировъ, ректоръ Московскаго Университета, М. К. Любавскій; директоръ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, С. А. Чаплыгинъ, профессоры и преподаватели Техническаго Училища, съ помощникомъ директора, А. И. Астровымъ во главѣ. Много студентовъ Техническаго Училища. Въ знакъ траура всѣ они покрыли наплечники и фуражки чернымъ крепомъ.

На гробъ возложено много вѣнковъ: отъ семьи Залѣсскихъ, отъ семьи Несмѣловыхъ, отъ „Воздухоплавательнаго Студенческаго Кружка“, отъ „Бюро Труда студентовъ Техническаго Училища“ съ надписью: „Единственному и послѣднему“, отъ „Кружка Технологовъ московскаго района“, отъ семьи Бершадскихъ, отъ „Студенческаго Издательскаго Общества“, отъ „Акціонернаго Общества Густавъ Листъ“ и др.

„Русск. Сл.“ № 108, 1914 г.



„Почетная стража“ у гроба въ актовомъ залѣ Училища.

ПОХОРОНЫ ПРОФ. А. П. ГАВРИЛЕНКО.

Вчера профессоры и студенты Техническаго Училища хоронили своего директора, профессора А. П. Гавриленко.

Отдать послѣдній долгъ почившему ученому и общественному дѣятелю собралась вся культурная Москва.

Съ ранняго утра огромный дворъ Техническаго Училища былъ переполненъ депутаціями отъ научныхъ и промышленныхъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведеній Москвы.

Фасадъ зданія Техническаго Училища убранъ траурнымъ крепомъ.

Надъ входомъ въ Училище развѣвался огромный транспарантъ, обвитый черной матеріей, съ надписью:

„Прощай, дорогой Александръ Павловичъ".

Въ $9^1/_2$ час. утра гробъ съ останками почившаго былъ перенесенъ профессорами изъ актоваго зала въ церковь Училища.

Въ церкви была отслужена заупокойная литургія.

Гробъ утопалъ въ вѣнкахъ.

На центральномъ мѣстѣ — большой серебряный вѣнокъ отъ профессоровъ и преподавателей Техническаго Училища, съ надписью:

„Незабвенному директору—профессору А. П. Гавриленко".

Студенты-техники возложили большой серебряный вѣнокъ съ выгравированной на вѣтвяхъ надписью:

„Старому испытанному другу — осиротѣвшее студенчество Техническаго Училища".

На лентахъ вѣнка надпись:

„Директору-другу — студенты-техники. Свѣтлое и живое не умираетъ, но живетъ".

Старые студенты-техники возложили вѣнокъ съ надписью:

„Не забывайте Александра Павловича, будьте, какъ онъ.

За тобой, какъ за твердой стѣной,
Отъ реакціи волнъ укрывались,
Но ушелъ ты отъ насъ, — лучъ надежды погасъ,
Безъ защитника всѣ мы остались"...

Студенты-украинцы возложили на гробъ А. П. вѣнокъ съ надписью на красной лентѣ:

„Раз добром налите сердце, в вік не прохолоне. Незабутному учителеви — учні-украинці".

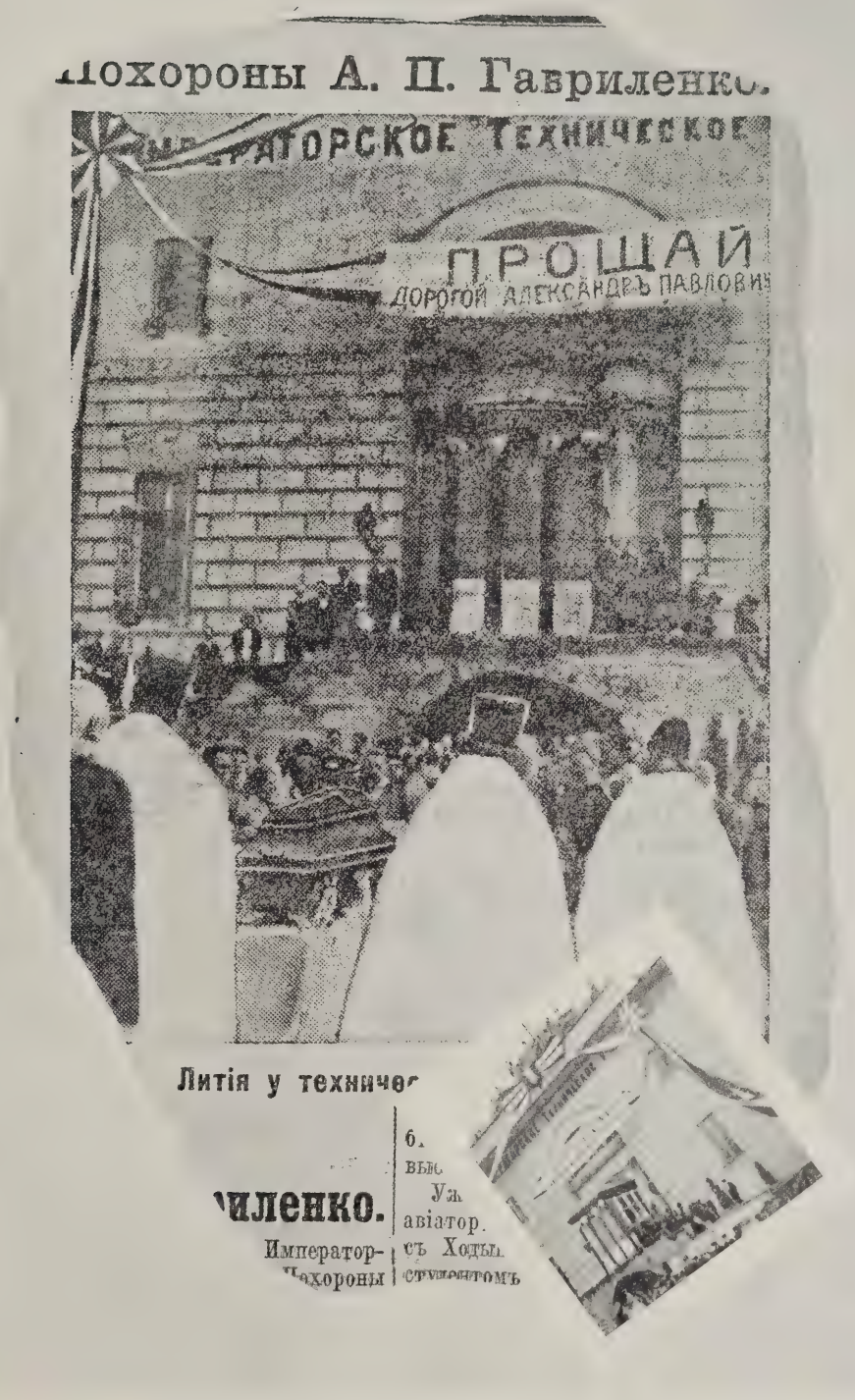
7*

Были вѣнки отъ городского самоуправленія, отъ Высшихъ женскихъ курсовъ, отъ профессоровъ Московскаго Института инженеровъ путей сообщенія, съ надписью на трехцвѣтной лентѣ: „Безвременно скончавшемуся А. П. Гавриленко“, отъ Коммерческаго Института, отъ Кружка технологовъ московскаго района—„Уважаемому профессору и другу учащихся“, отъ студентовъ-поляковъ—„Дорогому незабвенному профессору-учителю“, отъ Студенческаго холодильнаго кружка, отъ студентовъ-евреевъ, отъ университета Шанявскаго, отъ Русскаго общества испытанія матеріаловъ, отъ Общества содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности—„Неутомимому труженику на поприщѣ науки и родной промышленности“, отъ инженеровъ городского трамвая—„Глубокоуважаемому учителю и рѣдкому человѣку“, отъ Коммиссаровскаго училища, отъ инженеровъ городского водопровода, отъ инженеровъ городской управы, отъ общества студентовъ Московскаго университета по устройству студенческой столовой, съ надписью: „Другу студенчества“, отъ студенческаго страхового бюро, отъ низшихъ служащихъ Техническаго Училища съ надписью: „Незабвенному директору Александру Павловичу Гавриленко“ и др.

Всего на гробъ А. П. Гавриленко было возложено свыше 100 вѣнковъ.

Около 12 час. дня, послѣ литургіи, отслуженной бывшимъ преподавателемъ богословія въ Техническомъ Училищѣ, прот. Н. С. Виноградовымъ и нынѣшнимъ преподавателемъ богословія А. С. Виноградовымъ, началось отпѣваніе.

На отпѣваніи присутствовали: вдова и дѣти покойнаго, московскій градоначальникъ А. А. Адріановъ, попечитель учебнаго округа А. А. Тихомировъ, помощникъ его г. Гефманъ, деканъ физико-математическаго факультета университета Л. К. Лахтинъ, директоръ Сельскохозяйственнаго Института проф. И. А. Ивероновъ, Н. В. Давыдовъ, заслуженный профессоръ А. Ѳ. Фортунатовъ, проф. Д. Н. Прянишниковъ, проф. Н. А. Умовъ, директоръ Лазаревскаго института проф. П. В. Гидуляновъ, директоръ Коммиссаровскаго училища проф. С. А. Ѳедоровъ, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ проф. С. А. Чаплыгинъ, директоръ Коммерческаго Института проф. П. И. Новгородцевъ, заслуженный проф. Д. Н. Анучинъ, членъ городской управы В. Ѳ. Малининъ, проф. П. П. Гензель, проф. И. К. Спижарный, проф. А. А. Эйхенвальдъ, управляющій промышленными и техническими училищами московскаго учебнаго округа С. Я. Никитинскій, проф. І. М. Гольд-



„Прощай, дорогой АлександрЪ ПавловичЪ“.

(Большой, неясный снимокЪ сдѣланЪ сЪ иллюстраціи, помѣщенной вЪ газетѣ „Раннее Утро“.)

штейнъ, всѣ профессоры и преподаватели Техническаго Училища, съ помощникомъ директора А. И. Астровымъ во главѣ, проф. П. П. Лазаревъ, инспекторъ института инженеровъ путей сообщенія В. Д. Жарковъ, директоръ Политехническаго музея проф. П. П. Петровъ, членъ совѣта Политехническаго общества А. Н. Державинъ и масса студентовъ.

Послѣ богослуженія, прот. Н. С. Виноградовъ произнесъ слово, въ которомъ охарактеризовалъ скончавшагося директора Техническаго Училища, какъ рѣдкаго человѣка и искренняго друга учащейся молодежи.

Затѣмъ состоялся выносъ тѣла покойнаго.

Гробъ вынесли на рукахъ профессоры и студенты.

Во дворѣ Училища студенческій хоръ встрѣтилъ похоронную процессію пѣніемъ „Христосъ воскресе".

Послѣ краткой литіи, погребальная процессія направилась къ Нѣмецкой улицѣ.

Порядокъ поддерживали студенты, двойной цѣпью окружившіе гробъ.

Впереди духовенства двигалось десять колесницъ, увѣшанныхъ вѣнками.

За духовенствомъ шелъ студенческій хоръ, въ которомъ участвовало свыше 300 человѣкъ.

Гробъ студенты несли на рукахъ.

За гробомъ шествовали жена, дочери и сыновья покойнаго.

Затѣмъ слѣдовали профессоры и преподаватели Техническаго Училища и депутаціи.

За депутаціями — инженеры Техническаго Училища разныхъ выпусковъ.

Шествіе заключала огромная толпа студентовъ-техниковъ и студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы.

Похоронная процессія, въ которой приняло участіе около десяти тысячъ человѣкъ, растянулась почти на двѣ версты.

Во все время слѣдованія процессіи порядокъ поддерживали исключительно студенты.

Полицейскихъ нарядовъ не было.

Процессія направилась по Нѣмецкой улицѣ и Денисовскому переулку, къ Константиновскому Межевому Институту.

Студенческій хоръ пѣлъ „Христосъ воскресе“ и „вѣчную память“.

У зданія Межевого Института гробъ былъ поставленъ на катафалкъ, послѣ чего процессія направилась по Гороховской улицѣ къ Малому Харитоньевскому переулку, гдѣ у дома Политехническаго общества была отслужена краткая литія.

Вторая литія была совершена у зданія Коммерческаго Института, гдѣ покойный состоялъ преподавателемъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

Задолго до прибытія похоронной процессіи на кладбищѣ Донского монастыря у могилы собрались студенты, друзья, знакомые и почитатели памяти покойнаго.

Къ 5 часамъ дня печальное шествіе подошло къ воротамъ Донского монастыря и было встрѣчено монастырскимъ духовенствомъ, съ намѣстникомъ монастыря архимандритомъ Виталіемъ во главѣ.

Студенты сняли гробъ съ катафалка и на рукахъ понесли къ могилѣ.

Впереди двигались депутаціи съ вѣнками.

У могилы, окруженной многотысячной толпой, была отслужена краткая литія.

Затѣмъ начались рѣчи.

Первымъ сказалъ надгробное слово профессоръ Техническаго Училища Н. Е. Жуковскій.

— На этихъ дняхъ,—началъ свою рѣчь Н. Е.,—мы предполагали чествовать своего дорогого директора по поводу 25-лѣтія его службы. Могли ли мы подумать, что такъ скоро будемъ стоять передъ его открытой могилой. Эта могила беретъ отъ насъ руководителя и дорогого товарища, сердечнаго друга студентовъ, сердечнаго друга служащихъ, любящаго отца своей, теперь осиротѣлой, семьи. Первый выборный директоръ, А. П. сумѣлъ поднять Училище на ту высоту, на которой оно теперь находится. Онъ ушелъ отъ насъ, но память о немъ не умретъ среди русскихъ инженеровъ, и благодарное Техническое Училище никогда не забудетъ свѣтлый образъ своего перваго выборнаго директора. Прощай, дорогой товарищъ! Міръ праху твоему.

Затѣмъ говорилъ А. Н. Державинъ, отъ Политехническаго общества, отмѣтившій большія заслуги А. П., какъ предсѣдателя Общества.

Отъ имени Комитета общества вспомоществованія нуждающимся

Панихида во дворѣ Училища.

студентамъ-техникамъ произнесъ рѣчь инженеръ А. М. Донде, призывавшій всѣхъ слѣдовать завѣтамъ А. П., какъ профессора и гражданина.

Инженеръ Л. С. Бобровскій произнесъ краткую рѣчь отъ общества электротехниковъ.

— Прими прощальный привѣтъ отъ общества электротехниковъ, члены котораго глубоко уважаютъ и любятъ тебя, какъ мужественнаго, стойкаго гражданина, высоко-талантливаго техническаго дѣятеля и рѣдкаго человѣка. Пусть твой примѣръ вдохнетъ въ насъ, оставшихся, новую энергію для упорной работы и для борьбы съ препятствіями на многообразныхъ жизненныхъ путяхъ, ведущихъ къ той цѣли, къ которой ты мужественно шелъ. Мы свято будемъ хранить память о твоемъ свѣтломъ образѣ.

Студентъ И. П. Захаровъ произнесъ рѣчь отъ имени студентовъ-техниковъ. Сильно волнуясь, едва подавляя рыданія, г. Захаровъ говорилъ о той огромной потерѣ, какую понесли студенчество и Техническое Училище въ лицѣ А. П. Гавриленко.

Отъ студенческихъ экономическихъ организацій „послѣднее прости“ сказалъ студентъ С. С. Козловъ.

Отъ студентовъ-евреевъ говорилъ студентъ Н. Я. Гордонъ.

Отъ научныхъ студенческихъ организацій — Я. С. Голицынъ.

„ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ“ АВІАТОРА Б. И. РОССИНСКАГО.

Рѣчи кончились.

Гробъ начали опускать въ могилу.

Настала благоговѣйная тишина.

И въ этой тишинѣ внезапно послышался шумъ пропеллера.

Все ближе, громче.

Надъ деревьями кладбища мелькнулъ аэропланъ.

Вотъ онъ уже паритъ надъ могилой, на высотѣ 200—300 метровъ

Моментъ,— и сверху, прямо въ могилу, дождемъ посыпались ландыши и незабудки.

Это — бывшіе студенты-техники, авіаторъ Б. И. Россинскій и его другъ А. М. Игнатовъ, прилетѣли съ ходынскаго аэродрома попрощаться со своимъ учителемъ, проф. А. П. Гавриленко.

Цвѣточный дождь кончился.

Застучали комья земли о крышку.

Выросъ могильный холмъ.

Студенты запѣли „вѣчную память“.

„Ньюпоръ“ Б. И. Россинскаго описалъ надъ кладбищемъ кругъ, на секунду замеръ надъ могилой, затѣмъ рѣшительно взялъ вверхъ и на высотѣ около 1,000 метровъ поплылъ надъ Москвой, быстро удаляясь по направленію къ аэродрому.

„Русск. Сл.“, № 110, 1914 г.

Похоронная процессія при выходѣ изъ двора Училища.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Тѣмъ, кому не пришлось проститься съ А. П. и проводить его до могилы, мнѣ хотѣлось бы дать нѣкоторое представленіе о томъ, какъ мы провели дни отъ смерти его до похоронъ. Каждый пережилъ ихъ, конечно, по-своему, и я рѣшаюсь разсказать мои личныя впечатлѣнія, не берясь передать настроенія другихъ. Отдѣльные эпизоды помнятся мнѣ такъ ярко, какъ-будто они случились сейчасъ; я разскажу ихъ такъ, какъ они мнѣ придутъ на память, не обращая особаго вниманія на ихъ связь и послѣдовательность; я выпущу лишь кое-что, слишкомъ личное, и только нѣкоторыя имена и даты постараюсь припомнить.

Общее Собраніе Политехническаго О-ва 8-го мая открылъ К. В. Киршъ: Александръ Павловичъ передалъ ему, что не можетъ быть по болѣзни. Я вспомнилъ, что въ этотъ день не говорилъ съ нимъ по телефону, какъ это по дѣламъ О-ва ежедневно бывало, и тотчасъ спустился изъ зала засѣданій Совѣта О-ва внизъ и позвонилъ; со мной говорила Софья Петровна и сказала, что А. П. серьезно боленъ. Это было совершенно непривычно: по моимъ представленіямъ, онъ никогда не хворалъ, и мысль о серьезной болѣзни какъ-то не вязалась съ его могучей фигурой и несокрушимымъ здоровьемъ. Правда, нѣсколько дней тому назадъ я былъ очень удивленъ его настроеніемъ,— онъ сказалъ, что усталъ и что будетъ разгружать себя вездѣ и всячески; когда я выразилъ, полушутя, удивленіе, онъ подтвердилъ свои слова:

„устарѣлъ; чувствую, что не гожусь“; и было видно, что говорить ему такъ—не легко. Но значенія этому я не придалъ, и послѣ разговора съ С. П. объ этомъ даже не вспомнилъ; только много спустя, я подумалъ, что это непривычное, подавленное состояніе духа не могло не сыграть роли въ теченіи болѣзни. Разговоръ съ С. П. меня нѣсколько встревожилъ, но я былъ совершенно увѣренъ, что А. П. очень скоро поправится. Также было и на другой день, 9-го мая. И когда 10-го, въ седьмомъ часу утра, меня позвали къ телефону „по очень важному дѣлу“ и сообщили, что А. П. умеръ—я совершенно растерялся. Я повѣрилъ, потому что говорившій явно плакалъ, и потому, что онъ требовалъ отъ меня дѣловыхъ отвѣтовъ, но какъ-то это не входило въ сознаніе. Часа два я сидѣлъ у телефона, вызывалъ самъ и отвѣчалъ на непрерывные звонки, кое-что велѣлъ сдѣлать, и все это — точно въ какомъ-то туманѣ; наконецъ одѣлся и пошелъ въ Училище.

Жизнь Училища совершенно остановилась; коридоры были полны студентами, такъ что трудно было пройти; всѣ куда-то двигались, какъ-будто что-то дѣлали, и состояніе растерянности было видно у каждаго.

Мнѣ сообщили нѣкоторыя детали; я зналъ, что А. П., предъ тѣмъ какъ слегъ въ постель, ѣздилъ на испытаніе въ Шую, и работалъ тамъ въ котельной; оказывается, у него въ это время была инфлуэнца (онъ это болѣзнью не считалъ); на другой день по возвращеніи, съ сильно повышенной температурой, „чтобы не было жарко“, онъ принялъ холодный душъ; слегъ онъ послѣ засѣданія Хозяйственнаго Комитета Училища, которое провелъ съ трудомъ; онъ наконецъ сказалъ, что ему нездоровится.

Я вошелъ въ квартиру А. П. въ двѣнадцатомъ часу дня, къ панихидѣ.

Тѣло уже было одѣто и положено на столъ; благодаря сильному замораживанію, лицо было совершенно бѣло и казалось чужимъ, незнакомымъ. Узнали и собрались какимъ-то образомъ всѣ; пріѣхали не только свои, постоянно въ Училищѣ бывающіе, но и болѣе далекіе; мнѣ вспоминаются С. А. Чаплыгинъ, П. И. Новгородцевъ, Вильямсъ; членовъ Полит. О-ва было очень много, въ особенности лицъ одного съ А. П. возраста; квартира была биткомъ набита, и въ ней было страшно душно. За службой было такъ гнетуще тяжело, что нѣкоторые изъ присутствующихъ не выдержали до конца и вышли.

Помню, какъ послѣ панихиды собралось въ актовомъ залѣ Училища засѣданіе. Офиціально это должно было быть засѣданіе Учебнаго

Похоронная процессія около Общежитія студентовъ И. Т. У.

(Снимокъ сдѣланъ изъ окна Общежитія.)

Комитета; но тутъ были не только почти всѣ преподаватели и лаборанты — это была бы Коллегія — но и представители другихъ учебныхъ заведеній, и 3 — 4 нигдѣ не преподающихъ лица; всѣ рамки какъ-то потеряли свою жесткость. Только что началось засѣданіе, какъ раздалось похоронное пѣніе со двора; такъ оно и продолжалось, тихо короткими репликами, подъ эти заунывные звуки. Я подошелъ къ балкону актоваго зала и посмотрѣлъ на дворъ: маленькій столикъ съ иконою, передъ нимъ нашъ преподователь богословія, а вокругъ огромная толпа студентовъ; они не могли умѣститься ни въ коридорѣ передъ квартирою директора, ни въ другомъ мѣстѣ внутри зданія, и попросили отслужить панихиду прямо подъ открытымъ небомъ. Они пѣли сами, и всѣ вмѣстѣ опускались на колѣни, прямо на мостовую. Я спустился къ нимъ и вернулся, когда служба кончилась.

Вернувшись въ залъ, я узналъ, что рѣшено организовать общественныя похороны А. П., что желаніе принять участіе въ организаціи кромѣ И. Т. У., заявлено Коммерческимъ Институтомъ, Политехническимъ О-вомъ, О-вомъ вспомоществованія нужд. студ. и О-вомъ по надзору за паровыми котлами и что въ Комиссію по организаціи, вмѣстѣ съ другими, избранъ и я.

Засѣданіе этой Комиссіи было назначено черезъ $^1/_4$ часа; въ ней смѣшались всѣ: и члены учебной коллегіи, и представители О-въ, и студенты.

Изъ ея состава выдѣлился распорядительный комитетъ въ составѣ А. И. Астрова, Н. Н. Шварцмана и меня, и съ этого момента картины трагически-грустныя помнятся мнѣ на общемъ сумбурномъ фонѣ совѣщаній на ходу, непрерывныхъ переговоровъ и короткихъ распоряженій.

Помню на другой день переносъ тѣла А. П. изъ квартиры въ актовый залъ; безмолвныя шпалеры студентовъ вдоль стѣнъ коридоровъ; лица, обращенныя къ гробу, который мы несемъ; совершенно тихо, и шаги идущихъ какъ-то заглушены.

Вотъ гробъ поставленъ въ залѣ; зажжены свѣчи, кладутся вѣнки; мы устанавливаемъ нашъ, на лентахъ котораго было заказано написать просто: „Политехническое О-во своему незабвенному предсѣда-

телю"; помогаютъ студенты. Наконецъ, пьедесталъ весь закрытъ вѣнками и гробъ весь въ цвѣтахъ. И вотъ, изъ числа хлопотавшихъ студентовъ, теперь отодвинувшихся, отдѣляются четверо и становятся по угламъ гроба въ видѣ почетной стражи. Я не ожидалъ этого, и меня сначала это удивило: какъ-то непривыченъ этотъ военный пріемъ въ нашемъ простомъ по нравамъ и обычаямъ Училищѣ. И казалось, что они будутъ мѣшать семьѣ, близкимъ хоть немного, въ оставшіеся дни, побыть у гроба однимъ.

А потомъ мнѣ это очень понравилось: разъ гробъ вынесенъ въ залъ Училища, онъ уже не могъ остаться безъ чужихъ ни одной минуты; онъ сталъ общимъ достояніемъ, былъ поставленъ на поклоненіе. Дежурные студенты стояли, не шевелясь; и эта неподвижная, точно неживая, стража выдѣляла часть зала съ гробомъ отъ всего остального, никому не мѣшая.

Ясно представляю себѣ первую панихиду въ залѣ. Отъ входа въ залъ къ гробу узкій проходъ, охраняющійся двумя рядами студентовъ, держащихся за руку; все остальное пространство переполнено молящимися; за колоннами большой студенческій хоръ; страшно жарко и душно; и очень много слезъ, въ особенности при концѣ службы; мнѣ такъ и представляется тѣсная вереница студентовъ, одинъ за другимъ опускающихся предъ тѣломъ и плачущихъ, не скрывая слезъ. Одного пришлось отправить пить воду; это былъ очень старый студентъ; отойдя отъ гроба, отъ остался въ залѣ и рыдалъ навзрыдъ, закрывъ лицо обѣими руками; волосы, съ сильной просѣдью, спустились на лобъ, спина по-стариковски согнулась.

На основаніи какихъ исключеній числился онъ студентомъ Училища? И что долженъ былъ изобрѣсти тотъ, кого онъ оплакивалъ, чтобы спасти его отъ исключенія?

Я вспомнилъ эту фугуру, когда читалъ надпись на лентахъ вѣнка „Отъ старыхъ студентовъ": „за тобой, какъ за твердой скалой" и т. д., стихами; и конецъ: „безъ защитника всѣ мы остались". Я видѣлъ и ихъ складчину въ углу коридора — это была характерная группа — чтобы вѣнокъ былъ отдѣльный и чтобы „непремѣнно серебряный".

Похоронная процессія около Общежитія студентовъ И. Т. У.

(Снимокъ сдѣланъ со стороны Училища).

Стояли чудные, совершенно лѣтніе дни, и студенты группами оставались на дворѣ все время. Когда я очень уставалъ въ комнатахъ, я выходилъ на крыльцо, чтобы освѣжиться.

Дѣловой сумбуръ не оставлялъ и тутъ, но было какъ-то легче.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше подавали телеграммъ, и по нѣкоторымъ приходилось выполнять порученія, на иныя отвѣчать. Помощники по Полит. О-ву дежурили около зала посмѣнно. Приносили вѣнки, и надо было читать надписи. Масса непрерывныхъ мелкихъ вопросовъ кружила голову. И сколько было удивительно трогательнаго! Одинъ студентъ возбужденно разсказывалъ, что распорядители, избранные студенчествомъ, поступили неправильно, назначивъ срокъ дежурства у гроба по часу; оказалось, что всѣ часы, дневные и ночные, вплоть до выноса тѣла, уже расписаны впередъ, при чемъ ни одинъ не дежурилъ дважды; но остается масса желающихъ, въ томъ числѣ и онъ, которые, такимъ образомъ, не могутъ принять въ этомъ участія. Очень взволнованный, онъ требовалъ моего вмѣшательства, чтобы „дежурить не по часу, а меньше, и дать возможность всѣмъ, кто хочетъ". Я успокоилъ его, какъ могъ. Дѣйствительно, порядокъ дежурства измѣнился поневолѣ. Простоять часъ, не шевелясь, вообще не легко (бывшіе на военной службѣ знаютъ это), но совершенно невозможнымъ это оказалось во время богослуженія, когда, помимо физически нестерпимыхъ условій (жара и духота), прибавлялось крайнее нервное напряженіе.

За одной изъ первыхъ же панихидъ двое дежурныхъ одинъ за другимъ упали въ обморокъ. Я настоялъ на томъ, чтобы во время панихидъ студенты-распорядители мѣняли всѣхъ дежурныхъ каждыя десять минутъ, хотя бы противъ ихъ желанія. И все-таки случаи потери сознанія не прекратились и повторялись почти за каждой службой.

Помню — на дворѣ, у крыльца, разговоръ съ группою студентовъ-евреевъ. Подали вѣнокъ, и я прочелъ на лентахъ стихъ изъ св. писанія: „искавшій правды и милости найдетъ вѣчную жизнь и славу". Кто-то спросилъ меня, можно ли прямо на дворѣ вывѣсить объявленіе о томъ, что въ синагогѣ будетъ особое, торжественное богослуженіе въ память покойнаго; я подумалъ, отъ кого это разрѣ-

шеніе можетъ зависѣть — вѣроятно, отъ полиціи — и сказалъ, что можно. И инженеры-евреи прислали отдѣльный вѣнокъ, тоже со стихомъ изъ св. писанія, и помню, онъ начинался словами: „умеръ праведникъ!“ Да, для него не было ни эллина, ни іудея; они оцѣнили это.

Вспоминаю, какъ предъ одной изъ панихидъ въ залъ ввели одного изъ сокурсниковъ покойнаго, человѣка, разбитаго параличомъ; его осторожно и медленно провели подъ руки къ самому гробу; онъ посмотрѣлъ на покойнаго, сѣлъ рядомъ на стулъ и махнулъ рукой; ему что-то давали пить; онъ нѣсколько разъ повторилъ: „ничего, ничего“, стараясь успокоить стоявшихъ около; а вокругъ всѣ плакали.

Помнится мнѣ торжественная панихида Политехническаго О-ва, вечеромъ, наканунѣ похоронъ: вѣнки, заполнившіе къ этому времени пространство около гроба и развѣшанные дальше, ко входу, на щитахъ; два хора пѣвчихъ; масса молящихся, стоявшихъ и въ прихожей, и въ коридорѣ; и разговоръ среди членовъ О-ва о какомъ-нибудь значительномъ добромъ дѣлѣ въ память покойнаго. А вечеромъ было засѣданіе Учебнаго Комитета въ кабинетѣ директора, рядомъ съ актовымъ заломъ: стулья и кресла рядами вдоль комнаты; вся коллегія; слова А. И. Астрова при открытіи собранія; длинный рядъ телеграммъ; и двѣ рѣчи съ призывомъ къ объединенію, странныя, непривычныя, взволнованныя до того, что врядъ ли говорившіе могли вспомнить потомъ то, что они говорили. И рѣчи были не громки, а слушали ихъ въ глубокомъ молчаніи: то, что было въ сосѣднемъ залѣ, властвовало и здѣсь.

Я зашелъ туда послѣ засѣданія въ 12-мъ часу ночи; бо́льшая часть зала была въ полумракѣ — горѣли только свѣчи; было совершенно тихо; монахиня читала медленно и такъ, что ея голосъ какъ-то подчеркивалъ безмолвіе; осторожно выносили вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ на ночь на холодъ; студентъ наклонялся надъ ними — списывалъ надписи на лентахъ; и четыре неподвижныхъ фигуры стояли по угламъ гроба, закрытаго покровомъ.

Близъ Межевого Института.

На „Москворѣцкомъ“ мосту.

Я вышелъ; на дворѣ двигались тѣни, слышались голоса; ночной воздухъ бодрилъ и нашъ маленькій садикъ дышалъ свѣжестью и ароматомъ. Здѣсь была жизнь, и, невидимая, она чувствовалась вездѣ.

Ко мнѣ пошелъ К. В. Киршъ; на этотъ день у него съ семьей были билеты за границу, но онъ, отправивъ семью, остался, я тоже былъ одинъ; и мы рѣшили ночевать вмѣстѣ въ моей пустой квартирѣ. Устали мы до крайности; перевозбужденные нервы не давали покоя, и мы совсѣмъ не спали.

Когда утромъ я пришелъ въ Училище, гробъ былъ уже перенесенъ въ церковь и обѣдня началась. Въ виду тѣсноты церкви, впускали по билетамъ; они были разосланы въ О-ва и организаціи и розданы лично членами Комитета въ предшествовавшіе дни. Теперь нужно было провѣрять ихъ, и мы были въ сущности лишены возможности быть на богослуженіи: А. И. Астровъ, какъ представитель Училища, принималъ почетныхъ гостей, Н. Н. Шварцманъ распоряжался подготовкой процессіи, я выдавалъ и провѣрялъ билеты; мнѣ помогалъ В. В. Зворыкинъ, помѣстившійся на крыльцѣ передъ входомъ во второй этажъ Училища. Съ утра стояли цѣпи студентовъ отъ воротъ Училища до крыльца главнаго зданія; не имѣвшій билета для входа въ церковь и не принадлежащій ни къ какому техническому учебному заведенію или ученому о-ву пропускался лишь во дворъ, за цѣпь; попавшіе внутрь цѣпи направлялись у крыльца нами, въ церковь, въ коридоры или въ залъ Училища: сначала была еще возможность выдать нѣсколько запасныхъ билетовъ, затѣмъ доступъ туда былъ оставленъ лишь лицамъ, запасшимся билетами заранѣе. Къ 11 час. дворъ постепенно наполнился. Рядъ колесницъ для вѣнковъ стоялъ за цѣпью вправо отъ воротъ, и на нихъ начали размѣщать вѣнки (около ста; наканунѣ было переписано 90); катафалкъ и экипажи были поставлены на улицѣ. И тамъ становилось также людно: народъ толпился на тротуарахъ и около зданія общежитія, бродилъ вдоль экипажей, занимался катафалкомъ, лошадьми, пріѣзжающей публикой, всей обстановкой похоронъ — здѣсь готовились къ зрѣлищу.

Одинъ за другимъ пріѣзжали почетныя лица: представители учеб-

ныхъ заведеній и ученыхъ о-въ, помощникъ попечителя учебнаго округа и попечитель, представитель городского головы — В. Ф. Малининъ, градоначальникъ.

Я поднялся въ церковь, указывая дорогу Н. А. Умову. Тамъ не было тѣсно, но было жарко. Отпѣваніе совершалъ бывшій сослуживецъ покойнаго, Н. С. Виноградовъ, въ сослуженіи съ теперешнимъ преподавателемъ богословія; прекрасно пѣлъ хоръ, и лишь голосъ приглашеннаго протодіакона былъ не по церкви и давилъ всѣ звуки.

Какъ сейчасъ помню моментъ выноса тѣла. Прекрасный лѣтній день; яркое солнце и свѣжая зелень; рядъ колесницъ съ вѣнками и огромная толпа. Предупрежденіе съ крыльца о начавшемся выносѣ, нѣсколько передвиженій — и все замираетъ: внутри стекляннаго тамбура показывается духовенство. Всѣ взоры обращены сюда; вотъ и гробъ. Чтобы пронести, его подняли на плечи, и онъ выше всего; и кажется, что на него смотрятъ, какъ на святыню. Гробъ сносятъ внизъ, въ толпу, и здѣсь на дворѣ служится первая литія; и чувствуется, что скорбь и горечь утраты отступаютъ на второй планъ, что это уже не похороны близкаго, дорогого человѣка, а прославленіе гражданина; и вѣчная память, которую поетъ громадный студенческій хоръ, звучитъ побѣдной пѣсней.

Процессія трогается со двора. Впереди студентъ съ иконою, за нимъ двѣ шеренги студентовъ поперекъ улицы, отъ нихъ — студенческія цѣпи вдоль процессіи; колесницы съ вѣнками; приглашенный хоръ, за нимъ хоръ студентовъ, духовенство и гробъ на рукахъ; дальше родственники, сослуживцы, члены О-въ — колоссальная толпа, которую оцѣнивали десятками тысячъ; говорили, что голова процессіи была уже въ Денисовскомъ переулкѣ, въ направленіи Межевого Института, когда хвостъ отходилъ лишь отъ нашего общежитія.

Это была грандіозная манифестація, и только С. А. Муромцева, перваго предсѣдателя первой Государственной Думы, Москва хоронила торжественнѣй. Студенты охраняли порядокъ, такъ что лишь старшіе чины полиціи дежурили на улицахъ; студенты замѣнили и прислугу у гроба: когда у Межевого Института гробъ поставили на катафалкъ (дальше нести на рукахъ не было разрѣшено), они сами повели лошадей; съ катафалка были спущены длинные шнуры съ кистями, и за нихъ держались по четыре студента съ каждой стороны. Они обдумали все, до мелочей, чтобы придать парадность процессіи; они

На кладбищѣ, въ ожиданіи похоронной процессіи.

Около могилы.

даже одѣлись по разному: распорядители были въ штатскомъ, двѣ переднихъ шеренги въ форменныхъ сюртукахъ, а около катафалка и колесницъ (бѣлыхъ) — въ бѣлыхъ тужуркахъ.

Какъ ни старались не мѣшать уличному движенію, волна была такова, что на пути слѣдованія остановились даже вагоны трамвая; всѣ окна, подъѣзды, какія бы то ни было возвышенія были заняты зрителями; на тротуарахъ стояла многотысячная толпа.

Мы дошли до кладбища къ 5 часамъ. И тамъ было много публики; чтобы сохранить порядокъ, часть студентовъ, главнымъ образомъ Коммерческаго Института, заранѣе стали цѣпями отъ воротъ кладбища до могилы. Монастырь встрѣтилъ торжественно, съ игуменомъ; іеромонахи пошли передъ гробомъ, взятымъ на руки; на узкихъ дорожкахъ между могилами стало спокойно — улица осталась позади; непріятно поразилъ кинематографъ, установленный кѣмъ-то на паперти. У могилы, вокругъ которой собралось людей столько, сколько хваталъ глазъ, опять исчезла торжественная демонстрація и вновь выступили горечь и скорбь. Боролись со слезами говорившіе, во многихъ мѣстахъ плакали слушавшіе. И такъ хорошо звучали слова въ рѣчи одного студента: „мы не говоримъ — прощай, потому что мы будемъ приходить сюда, чтобы очищаться душою“. Было пріятно, что могила рядомъ съ могилой С. А. Муромцева. И когда, много спустя послѣ конца рѣчей, собрались расходиться, въ воздухѣ показался аэропланъ; онъ пролетѣлъ надъ кладбищемъ, сдѣлалъ большой кругъ и вернулся: то былъ ученикъ покойнаго, авіаторъ Россинскій: онъ летѣлъ, бросая на свѣжую могилу съ неба фіалки.

Д. И. Виноградовъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Въ ближайшіе послѣ кончины Александра Павловича дни Императорскимъ Техническимъ Училищемъ было получено много сочувственныхъ телеграммъ. Адресованы эти телеграммы были въ Учебный Комитетъ Училища, на имя профессоровъ и преподавателей и просто—„Императорское Техническое Училище". Текстъ телеграммъ и подписи приводятся ниже, указаніе же даты, мѣста отправленія и адреса—опущены.

Отъ имени Технологическаго Института Императора Николая I выражаю Совѣту, преподавательскому персоналу и студентамъ искреннюю скорбь о потерѣ доблестнаго профессора, прекраснаго человѣка, всѣми любимаго директора.

Директоръ *Деппъ.*

Совѣтъ Томскаго Технологическаго Института проситъ передать Учебному Комитету и семьѣ глубокое сожалѣніе о безвременной кончинѣ Александра Павловича Гавриленко, бывшаго много лѣтъ украшеніемъ Училища.

Директоръ *Карташевъ.*

Бюро сельско-хозяйственной механики Училищнаго Комитета Главнаго Управленія Министерства Земледѣлія выражаетъ чувство глу-

бокаго сожалѣнія объ утратѣ незабвеннаго Александра Павловича, оказавшаго цѣнныя услуги сельско-хозяйственному машиновѣдѣнію.

Завѣдывающій бюро *Арцыбашевъ*.

Бакинское Общество Котлонадзора выражаетъ Императорскому Техническому Училищу свое соболѣзнованіе по поводу тяжелой утраты, понесенной Училищемъ въ лицѣ безвременно скончавшагося профессора, Александра Павловича Гавриленко.

Правленіе.

Потрясенъ ужасной катастрофой, обездолившей Техническое Училище и всю семью техниковъ и отнявшей у Москвы и родины ея лучшаго сына. Прошу Учебный Комитетъ и Политехническое Общество организаціей увѣковѣченія памяти незабвеннаго Александра Павловича объединить и дать достойное выраженіе нашей скорби о томъ, кто былъ истиннымъ другомъ людей, и не жалѣлъ своихъ силъ на человѣческое и культурное ихъ единеніе. Міръ праху дорогого учителя.

Профессоръ *Миловичъ*.

Прошу передать вдовѣ Александра Павловича и осиротѣвшей семьѣ техниковъ выраженіе глубокой скорби по поводу преждевременной утраты.

Щегляевъ.

Горестная невознаградимая потеря дорогого Александра Павловича соединяетъ меня съ бывшими сослуживцами общимъ чувствомъ глубокой скорби. Вѣчный почетъ памяти идеальнаго профессора-техника.

Шапошниковъ.

Всей душой раздѣляемъ глубокую скорбь о тягостной утратѣ незабвеннаго директора-профессора, и память о дорогомъ учителѣ навсегда сохранится въ сердцахъ нашихъ.

Благодарные ученики:

Соломко, Проскура, Щербаковъ.

Ученики покойнаго Александра Павловича, потрясенные его преждевременной кончиной, просятъ Васъ присоединить ихъ голоса къ выраженію общаго горя.

Инженеры:

Кудрявцевъ, Погорѣльскій.

Глубоко потрясенные безвременной кончиной дорогого Александра Павловича, шлемъ искреннее сочувствіе осиротѣвшему Училищу.

Инженеръ-механики:

Гагловъ, Говертъ, Кришмовскій, Македонскій, Разстригинъ, Свѣшниковъ, Чебыкинъ.

Скорбимъ о тяжелой утратѣ, понесенной Училищемъ и техникой со смертью Александра Павловича, учителя многихъ поколѣній инженеровъ.

Инженеры Кіевскаго котлонадзора:

Медвѣдевъ, Гаммеръ, Устенко, Душскій, Поржезинскій, Зиновьевъ, Чернышевъ, Корсакъ.

Позвольте въ вашемъ лицѣ выразить Училищу чувство моей глубокой скорби по поводу тяжелой утраты дорогого Александра Павловича. Крайне сожалѣю, что никакъ не могъ отдать послѣдній долгъ незабвенному учителю, память о которомъ навсегда сохраню въ своей душѣ.

Сергѣй Ставровскій.

Искренне скорбимъ о безвременной кончинѣ Александра Павловича Гавриленко. Просимъ передать семьѣ, всѣмъ наше сочувствіе въ столь неожиданно постигшемъ ихъ горѣ.

Крыловъ, Малѣевъ, Шутковъ, Бобарыковъ,
Гоммеля, Карташовъ, Пинегинъ,
Потебня, Тихоновъ, Учаровъ.

Скорбимъ объ утратѣ дорогого учителя, гражданина, человѣка.

Инженеры и техники:

Маторинъ, Шумовъ, Пелевинъ,
Рождественскій, Шаровъ.

Поражены внезапной кончиной незабвеннаго Александра Павловича; раздѣляемъ общую скорбь утраты директора-профессора и лучшаго человѣка, зорко охранявшаго интересы высшей школы и учащихся, вся плодотворная дѣятельность котораго была направлена на созиданіе русской техники и объединеніе ея работниковъ. Просимъ передать соболѣзнованіе семьѣ почившаго.

Инженеры Тверской мануфактуры:

Епифановъ, Волчковъ, Ганшинъ,
Кафманъ, Круковъ, Дмитрій Марковъ,
Павелъ Марковъ, Мыльниковъ.

Глубоко скорблю утратѣ гуманнаго директора.

Инженеръ *Песисъ.*

Глубоко опечалены безвременной кончиной Александра Павловича Гавриленко, сердечнаго человѣка, талантливаго профессора и идеальнаго директора.

Грохольскій, Савицкій, Ковалевъ, Гарнцевъ.

Вѣчная память незабвенному дорогому учителю и защитнику лучшихъ идеаловъ высшей школы.

А. Сергіенко, Г. Маноиловъ.

Выражаю свое глубокое сочувствіе по поводу тяжелой утраты, понесенной Училищемъ въ лицѣ незабвеннаго Александра Павловича Гавриленко. Покорнѣйше прошу не отказать передать уважаемой семьѣ покойнаго мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ неутѣшномъ горѣ.

Ѳеодоръ Михайловскій.

Глубоко опечаленъ кончиной дорогого учителя, искренно сочувствую горю родного Училища и семьѣ покойнаго.

Инженеръ-механикъ *Догадинъ.*

Смерть Александра Павловича, дорогого учителя, рѣдкаго человѣка по уму и сердцу, поразила насъ. Раздѣляемъ горе, постигшее Васъ.

Инженеры *Черчоповы.*

На далекой окраинѣ, узнавъ о безвременной кончинѣ любимаго директора и высокой души человѣка, выражаемъ свою глубокую скорбь и искреннее соболѣзнованіе обширной семьѣ техниковъ въ ея роковой утратѣ.

Бывшіе студенты: *Исаковичъ, Козловскій.*

Группа инженеровъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги, бывшихъ питомцевъ Императорскаго Техническаго Училища, опечаленная преждевременной кончиной дорогого Александра Павловича, шлетъ свое соболѣзнованіе Училищу, потерявшему всѣми уважаемаго и лю-

бимаго директора и профессора. Просимъ Васъ выразить наше глубокое сочувствіе семьѣ покойнаго въ постигшемъ ее горѣ.

Брюхоненко, Елицуръ, Зерцевъ, Келеръ, Козьминъ,
Малининъ, Мальцевъ, Назаретскій, Никитинъ,
Нюренбергъ, Полозовъ, Поляковъ, Скачковъ.

Присоединяю свою скорбь горю Техническаго Училища по поводу неожиданной тяжелой утраты дорогого намъ всѣмъ директора-друга.

Признательный ученикъ *Тарбеевъ.*

Просимъ принять наше искреннее соболѣзнованіе по поводу внезапной кончины незабвеннаго Александра Павловича Гавриленко, въ лицѣ котораго Училище понесло такую большую потерю.

Инженеры: *Барановъ, Карташевъ,*
Иванъ Купріяновъ, Максимовъ,
Рышковскій, Салтычевъ.

Глубоко опечаленные кончиной Александра Павловича бакинцы, питомцы Училища, выражаютъ свою скорбь по поводу неожиданной утраты незамѣнимаго директора, профессора и наставника.

Семья Бакинскихъ техниковъ.

Общество технологовъ выражаетъ Императорскому Московскому Техническому Училищу глубокое и искреннее соболѣзнованіе по поводу безвременной кончины глубокоуважаемаго профессора Александра Павловича Гавриленко, въ лицѣ котораго вся русская техника понесла невознаградимую утрату.

Правленіе Общества Технологовъ.

Потрясенные безвременной кончиной дорогого учителя, любимаго директора Александра Павловича Гавриленко, техники инженеры ф-ки Коншина просятъ принять искреннее сочувствіе невозвратной утратѣ.

Разумовъ, Прозоровъ, Татариновъ,
Чубыринъ, Борисовъ, Гильманъ.

Мы, инженеры Ярославской большой мануфактуры, бывшіе питомцы Московскаго Техническаго Училища, пораженные безвременной кончиной нашего дорогого незабвеннаго учителя, незабвеннаго Александра Павловича, почтительнѣйше просимъ Учебный Комитетъ принять отъ насъ выраженіе нашего глубокаго сочувствія въ постигшей Училище и насъ тяжкой утратѣ.

Андреевъ, Барековъ Михаилъ, Барековъ
Павелъ, Бычевъ, Грязновъ, Кожевниковъ,
Мореевъ, Носѣкинъ, Недумовъ, Никифоровъ,
Никольскій, Русановъ, Свѣшниковъ,
Серебренниковъ, Тейковцевъ, Фетисовъ.

Прошу семьѣ скончавшагося и Училищу выразить глубокое сочувствіе въ постигшемъ горѣ.

Сидоренко.

Присоединяемся къ глубокой скорби осиротѣвшей семьи дорогого намъ Техническаго Училища.

Инженеры завода Гартманъ:
Вандингъ, Русаковъ.

Присоединяюсь общему горю технической семьи по поводу кончины незабвеннаго Александра Павловича.

Оранжиреевъ.

Потрясенные извѣстіемъ о преждевременной кончинѣ дорогого Александра Павловича, присоединяемся къ скорби, постигшей семью, товарищей и учениковъ покойнаго.

Инженеръ-механики:

Кудрявцевъ, Бардуковъ, Ляленковъ,
Качмарскій, Мочаровъ.

Выражаемъ наше искреннее сочувствіе по поводу смерти дорогого Александра Павловича

Инженеры: *Коминіеръ, Слепянъ.*

Не могу присутствовать при послѣднихъ проводахъ незабвеннаго Александра Павловича; недоумѣваю предъ внезапнымъ тяжкимъ горемъ, постигшимъ его семью, наше общество, наше Техническое Училище, и предъ той утратой, которую несетъ техническая наука.

Н. В. Поповъ.

Не хочется вѣрить. Поклонитесь праху дорогого Александра Павловича. Въ нашихъ сердцахъ онъ не умеръ.

Стражевскій, Кацауровъ, Багрецовъ.

Пораженные преждевременной кончиной Александра Павловича Гавриленко, мы, съ чувствомъ искренняго горя, присоединяемъ нашу глубокую печаль по поводу невозвратимой утраты, понесенной Техническимъ Училищемъ и всѣмъ техническимъ міромъ.

Инженеры:

Булгаковъ, Бухаровъ, Гоголинъ, Добровъ,
Зѣвакинъ, Купріяновъ, Мациновскій,
Никитинъ, Сумеркинъ, Цаповъ, Якубовъ.

Инженеры Брянскаго завода, бывшіе ученики почившаго Александра Павловича, просятъ Учебный Комитетъ принять выраженіе сочувствія по поводу безвременной утраты гуманнаго и высоко-авторитетнаго предсѣдателя.

Инженеры Брянскаго завода:

Арутиновъ, Бабуринъ, Больсонъ, Буховцевъ,
Высоцкій, Гиппъ, Грачевъ, Григорьевъ,
Губинъ, Добровольскій, Дьяконовъ, Ивановъ,
Касаткинъ, Кастальскій, Костылевъ,
Малаховъ, Мануковъ, Матвѣевъ, Недѣлко,
Поздоровкинъ, Прокофьевъ, Пряхинъ, Равичъ,
Рожковъ, Сахаровъ, Соколовъ.

Техники-нижегородцы, глубоко огорчены печальной вѣстью о кончинѣ Александра Павловича; они шлютъ свои соболѣзнованія Училищу и семьѣ покойнаго въ тяжелой утратѣ.

Волковичъ.

Поражены внезапнымъ извѣстіемъ о кончинѣ дорогого Александра Павловича. Искренно раздѣляемъ ваше горе и сочувствуемъ отъ всей души.

Волконскіе.

Пораженные безвременной кончиной дорогого Александра Павловича, шлемъ свое сочувствіе осиротѣвшей Alma Mater.

Инженеры завода Понизовкиныхъ.

Потрясенъ извѣстіемъ кончины дорогого Александра Павловича, незамѣнимаго директора и рѣдкаго товарища.

Профессоръ Лялинъ.

Прошу принять чувства глубочайшей скорби по поводу безвременной кончины Александра Павловича Гавриленко.

Профессоръ Саввинъ.

Шлю сердечное сочувствіе Учебному Комитету по случаю тяжелой утраты, понесенной въ лицѣ скончавшагося Александра Павловича Гавриленко, незамѣнимаго директора и прекраснаго человѣка.

Чугаевъ.

Прошу передать Учебному Комитету Училища чувство глубокаго горя и искреннее сердечное соболѣзнованіе, по случаю тяжелой и незамѣнимой утраты, которую понесло Училище въ лицѣ незабвеннаго руководителя его, дорогого Александра Павловича.*) Техническое Училище было такъ исключительно счастливо отношеніями между нимъ и своимъ выборнымъ директоромъ; такія прочныя и такія дружныя они служили прочной основой энергичной, плодотворной дѣятельности Училища въ послѣднія девять лѣтъ. Въ скорби, которую испытываетъ Училище, сливаюсь съ нимъ и я, давній товарищъ покойнаго по Училищу.

Профессоръ Зерновъ.

Примите выраженіе глубочайшаго соболѣзнованія. Вѣчная память благороднѣйшему заступнику лучшихъ идеаловъ высшей школы.

Мануиловъ.

Прошу передать Учебному Комитету и семьѣ почившаго Александра Павловича мое искреннее соболѣзнованіе. Душевно скорблю объ утратѣ глубокочтимаго директора, рѣдкой душевной чистоты человѣка.

Рыковъ.

*) Начиная со словъ „Техническое Училище“ текстъ настоящей телеграммы сильно искаженъ телеграфомъ: искаженная часть телеграммы „выправлена“ но весьма возможно, что она все-таки отличается отъ подлинника. *Прим. ред.*

Глубоко потрясенный безвременной кончиной незабвеннаго Александра Павловича, тѣмъ скорблю сильнѣй, что разстояніемъ лишенъ возможности проститься съ учителемъ. Ушла жизнь, другихъ такъ щедро заражавшая, но мысль, ее питавшая, будетъ вѣчно съ нами жить. Слишкомъ тихо мысль его росла, слишкомъ громкіе плоды, за то, несла.

Инженеръ-механикъ *Константинъ Гордонъ.*

Правленіе Общества взаимопомощи студентовъ евреевъ при Московскомъ Университетѣ выражаетъ товарищамъ техникамъ свое глубочайшее соболѣзнованіе по поводу безвременной кончины ихъ директора, учителя и защитника студенческихъ интересовъ, профессора-гражданина Александра Павловича Гавриленко.

Студенты инженернаго отдѣленія Московскаго Сельскохозяйственнаго Института выражаютъ студенчеству Императорскаго Техническаго Училища свое глубокое сочувствіе по поводу постигшей ихъ тяжелой утраты въ лицѣ скончавшагося директора-гражданина Александра Павловича Гавриленко.

Инженерное Бюро при Сельскохозяйственномъ Институтѣ.

„Спеціалисты по паровой техникѣ Кіевскаго Политехникума искренно соболѣзнуютъ объ утратѣ учителя — профессора Гавриленко“.

Глубоко огорченъ тяжелой утратой. Сохраните завѣты дорогого покойника.

Григинъ.

Пораженный неожиданной кончиной незабвеннаго Александра Павловича, выражаю дорогому училищу искреннее сочувствіе въ тяжелой утратѣ. Перевожу на ваше имя двадцать пять рублей въ капиталъ имени покойнаго.

Вороновъ.

Глубоко потрясенъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ незабвеннаго Александра Павловича; не хочется вѣрить, что семья московскихъ техниковъ, наше Училище и Общество понесли эту, дѣйствительно невознаградимую, потерю. Вмѣсто вѣнка прошу принять въ капиталъ имени сто рублей, которые высылаю одновременно. Товарищей извѣщу.

Рулевъ.

Присоединяюсь къ общему горю, постигшему нашу семью со смертью незабвеннаго Александра Павловича.

Инженеръ *Давидъ Левинсонъ.*

Васъ, уважаемаго, любимаго товарища, прошу передать друзьямъ, товарищамъ, Совѣту Общества мою скорбь. Сегодня узналъ о кончинѣ Александра Павловича, благороднаго человѣка, старшаго товарища, любимаго профессора. Миръ праху, вѣчная жизнь его духу. Ушелъ, оставилъ завѣтъ всей своей жизнью—тѣснѣе сплотиться, сердечнѣй любить другъ друга.

Лавровъ.

Потрясенный извѣстіемъ о безвременной кончинѣ дорогого учителя Александра Павловича, прошу передать его семьѣ мое соболѣзнованіе въ постигшемъ ихъ горѣ; пусть утѣшеніемъ служитъ сознаніе, что свѣтлая память о покойномъ всегда будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, знавшихъ его. Миръ праху твоему, другъ учащейся молодежи.

Инженеръ *Кацановичъ.*

Ouznali o smerti dorogogo outchitela y tovarischa Gavrilenko. Ne nachodim slov dla wyrajenia naschego goria.

Ingenieur-mec. *Berngard Mitkiewicz.*

Потрясенные безвременной кончиной дорогого учителя, любимаго предсѣдателя Александра Павловича Гавриленко, техники-инженеры фабрики Коншина просятъ принять искреннее сочувствіе въ невозвратной утратѣ.

Разумовъ, Прозоровъ, Татариновъ,
Губыринъ, Борисовъ, Гильманъ.

Члены Общества инженеровъ Брянскаго завода, глубоко опечаленные преждевременной кончиной дорогого руководителя Общества*), выражаютъ увѣренность, что творческій благородный духъ его дѣятельности всегда будетъ живъ въ памяти всѣхъ товарищей.

Арутиновъ, Бабуринъ, Больсонъ, Буховцевъ,
Высоцкій, Гиппъ, Грачевъ, Григорьевъ,
Губинъ, Добровольскій, Дьяконовъ, Ивановъ,
Касаткинъ, Касталъскій, Костылевъ,
Малаховъ, Мануковъ, Матвѣевъ, Недѣлко,
Поздоровкинъ, Прокофьевъ, Пряхинъ,
Равичъ, Рожковъ, Сахаровъ, Соколовъ.

Глубоко потрясенные безвременной кончиной дорогого учителя, шлемъ свое соболѣзнованіе осиротѣвшей технической семьѣ.

Горѣловъ, Фельдманъ, Шполянскій.

Съ далекаго Урала, Екатеринбурга шлемъ сочувствіе въ общемъ горѣ, постигшемъ родную семью инженеръ-механиковъ, въ тяжелой утратѣ незабвеннаго товарища и учителя Александра Павловича Гавриленко. Просимъ поклониться дорогому праху и передать семьѣ покойнаго наше глубокое сочувствіе и соболѣзнованіе.

Гадеевъ, Рулевъ, Приббе, Дьячковъ,
Кроненбергъ, Кроль, Бѣленковъ, Ивановъ.

*) Политехническаго Общества. *Прим. ред.*

Удрученные и потрясенные горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ дорогого Александра Павловича, просимъ принять сердечное сожалѣніе и скорбь нашу въ незамѣнимой утратѣ рѣдкаго руководителя и предсѣдателя Общества. Собравшись въ день похоронъ, присоединяемъ свои молитвы къ вашимъ. Просимъ передать нашу скорбь и соболѣзнованіе семьѣ покойнаго.

Семья Бакинскихъ техниковъ.

Московское отдѣленіе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества выражаетъ чувства глубокой скорби по случаю безвременной кончины предсѣдателя вашего Общества. Желаетъ мужественно перенести постигшее васъ горе.

За предсѣдателя *Юреневъ.*
Секретарь *Касаткинъ.*

Sotchouvstvuiem goru y skorbim potere velikago tecnika Gavrilenko.

Société des ingenieurs Russes à Paris.

Общее собраніе Общества Технологовъ, выслушавъ съ глубокой скорбью сообщеніе о кончинѣ вашего глубокоуважаемаго предсѣдателя, Александра Павловича Гавриленко, пользовавшагося широкой популярностью среди петроградскихъ технологовъ, постановило, выразить Политехническому Обществу искреннее соболѣзнованіе по поводу тяжелой потери.

Предсѣдатель общаго собранія Общества Технологовъ *Ротманъ.*

Potryaseni konchinoy milago druga, otsa wsem i nastawnika Ale xandra Pawlowicha Gawrilenko.

Ingineri is Anglii:
Melnikoff, Egoroff, Brusnikin.

Телеграммы, адресованныя семьѣ Александра Павловича.

Потрясенные безвременной кончиной высокопочитаемаго Александра Павловича, просимъ принять выраженіе глубочайшаго соболѣзнованія.

Редакція и издатели Энциклопедическаго словаря т-ва Братья Гранатъ и К°.

Глубоко потрясенные постигшимъ Васъ горемъ, вмѣстѣ съ Вами оплакиваемъ безвременную кончину дорогого намъ Александра Павловича.

Инженеры Брянскаго завода.

Всей душой сочувствую Вашему горю.

Сумбатова.

Горячо оплакиваю въ далекомъ Тавризѣ смерть дорогого учителя. Миръ праху человѣка, отдавшаго свою жизнь интересамъ науки и студенчеству. Память о гуманнѣйшемъ человѣкѣ будетъ передаваться изъ рода въ родъ его многочисленными учениками.

Инженеръ *Бичераховъ.*

Potrjaseny uzastnim izwestiem konczini dorogogo nezabwennago druga. Gluboko sobolesnuem wsey semje.

Antonina, Viktor List.

Послѣднее прости директору, отцу и гражданину, дорогому Александру Павловичу.

Студентъ *Волынскій.*

Глубоко скорбя вмѣстѣ съ Вами и студентами нашего Училища о смерти любимаго профессора, прошу принять сочувствіе Вашему горю.

Инженеръ, выпуска 1899 года, *Антошинъ.*

Глубоко сочувствую горю и скорблю о безвременной кончинѣ дорогого товарища и профессора.

Смирновъ.

Находясь внѣ Москвы, прошу принять глубокое сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Ханевскій.

Tief erschüttert über den Tod unseres unvergesslichen Lehrers und Freundes, teilen wir mit Ihnen Schmerz und trauern von ganzem Herzen.

Bludoff, Bondarewsky, Bulgakoff, Rutowsky, Serpionoff.

Просимъ принять наше искреннее соболѣзнованіе по поводу кончины глубокоуважаемаго Александра Павловича.

Рындзюнскіе.

Wsej duschoi sobolesnujem, platschu wmeste swami nezamenimoi potero Bog da podderjit was wsech.

Tiraspolsky.

Какое страшное несчастье! Нельзя примириться съ мыслью о кончинѣ дорогого Александра Павловича,—онъ такъ всѣмъ дорогъ, такъ нуженъ. Оплакиваю его отъ всей души. Общая скорбь, общая любовь, добрая память навѣки да облегчатъ Вамъ тяжесть постигшаго семью горя.

Зерновъ.

Вѣсть о постигшемъ Васъ горѣ не могла не коснуться воспитанниковъ нашего, всѣми любимаго директора. Утрата Ваша тяжела, но все въ волѣ Божьей.

Поповъ, Тимешовъ.

Огорченные невознаградимой утратой глубокоуважаемаго Александра Павловича, выражаемъ Вамъ наше искреннѣйшее сожалѣніе и участіе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Андрей Штуцеръ, Николай, Марія Ивановы.

Вмѣстѣ съ Вами искренне скорбимъ объ утратѣ одного изъ лучшихъ людей нашей родины, своей сердечностью, правдивостью, стойкостью и знаніями оставившемъ неизгладимую память среди всѣхъ, знающихъ его.

Инженеры:

Владимиръ Штуцеръ, Николай Тихомировъ.

Не хочется сознать, что не увижу болѣе сердечнаго, любимаго Александра Павловича. Глубоко жалѣю, что дальность разстоянія лишила возможности отдать послѣдній долгъ.

Петровъ.

Выражаемъ глубокое сочувствіе къ постигшему Васъ горю; да пошлетъ Богъ Вамъ силы перенести утрату глубокоуважаемаго Александра Павловича.

Товарищество Шуйской мануфактуры.

Глубоко опечаленъ вѣстью о преждевременной кончинѣ дорогого Александра Павловича. Примите мои искреннія соболѣзнованія въ постигшемъ Васъ несчастьѣ.

Владимиръ Штуцеръ.

Просимъ Васъ, глубокоуважаемая Софія Петровна, принять отъ насъ, бывшихъ учениковъ незабвеннаго Александра Павловича, наше искреннее сочувствіе и глубокое сожалѣніе по поводу его, безвременной и поразившей всѣхъ насъ своей неожиданностью, кончины.

Инженеры Ярославской большой мануфактуры: *Андреевъ, Барековъ Михаилъ, Барековъ Павелъ, Брычевъ, Грязновъ, Кожевниковъ, Мареевъ, Носѣкинъ, Недумовъ, Никифоровъ, Никольскій, Русиновъ, Свѣшниковъ, Серебрянниковъ, Тейковцевъ, Фетисовъ.*

Опечаленные неожиданной тяжелой утратой дорогого учителя Александра Павловича, приносимъ Вамъ наше глубокое соболѣзнованіе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Инженеры Истомкинской мануфактуры:
Князевъ, Коробановъ, Чаадаевъ

Глубоко потрясенный внезапностью и величиной нашей общей потери, выражаю Вамъ глубокое соболѣзнованіе.

Профессоръ Деппъ.

Комитетъ московскаго отдѣленія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи проситъ Васъ принять выраженіе искренняго соболѣзнованія по случаю постигшаго Васъ горя. Комитетъ опечаленъ преждевременной кончиной незабвеннаго Александра Павловича, благороднаго и гуманнаго носителя просвѣщенія, сердечнаго, отзывчиваго друга всѣхъ, стремившихся къ свѣту знанія.

Глубоко скорбимъ и сочувствуемъ Вамъ въ постигшемъ Васъ тяжеломъ горѣ.

Инженеры: *Жаковъ, Пауткинъ.*

Выражаемъ наше искреннее, глубокое сочувствіе въ постигшей Васъ тяжелой утратѣ. Сохраняя свѣтлую память о безвременно почившемъ дорогомъ Александрѣ Павловичѣ, просимъ Бога дать Вамъ и семьѣ Вашей силъ перенести ниспосланное горе.

Искренно преданные Вамъ,
Марія, Павелъ, Николай Акимовы.

Правленіе студенческой библіотеки-читальни при Техническомъ Училищѣ выражаетъ свое глубокое сочувствіе въ незамѣнимой утратѣ.

Правленіе.

Не нахожу словъ утѣшенія въ Вашемъ горѣ. Да утѣшитъ Васъ Богъ. Глубоко скорблю о томъ, что судьба такъ безжалостно отняла у насъ всѣхъ благороднѣйшаго и гуманнѣйшаго Александра Павловича.

А. Коренблитъ.

Пораженныя вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Александра Павловича, глубоко скорбимъ и соболѣзнуемъ Твоему горю и Россіи потерѣ мощнаго, честнаго гражданина и дѣятеля.

Соковнины.

Поражены ужаснымъ извѣстіемъ смерти дорогого Саши. Очень скорбимъ, что пріѣхать нельзя. Да поможетъ Вамъ Господь перенести тяжелое горе.

Прокофьевы.

Искренно сочувствуемъ Вашему горю. Оплакиваемъ вмѣстѣ съ Вами потерю истинно-порядочнаго человѣка и настоящаго гражданина. Дай Вамъ Богъ мужественно перенести несчастье и сносно устроиться послѣ него.

Федоровы.

Глубокоуважаемая Софья Петровна, отъ всей души соболѣзную утратѣ дорогого и глубокоуважаемаго Александра Павловича. Болѣзнь не позволяетъ мнѣ присутствовать на погребеніи.

Иванъ Аристовъ.

ПИСЬМЕННЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ СОБОЛѢЗНОВАНІЯ.

Письменныя выраженія соболѣзнованія, адресованныя семьѣ Александра Павловича и Императорскому Техническому Училищу.

И. д. Московскаго Городского Головы.

Мая 16-го дня, 1914 года, № 890.

Ея Превосходительству, С. П. ГАВРИЛЕНКО.

Милостивая Государыня,

Софья Петровна!

Московская Городская Дума, выслушавъ въ собраніи 12 сего мая заявленіе мое о кончинѣ супруга Вашего, Александра Павловича Гавриленко, единогласно постановила: выразить Вамъ глубокое соболѣзнованіе Городской Думы по поводу понесенной Вами тяжелой утраты.

Доводя о таковомъ постановленіи Городской Думы до Вашего свѣдѣнія, позволяю себѣ просить Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и глубокой преданности.

Вашъ покорный слуга
Дувакинъ.

Московскій Коммерческій Институтъ.
Попечительный Совѣтъ.

Мая 13 дня, 1914 г. № 2279.
Б. Серпуховка, Стремянный пер.

Ея Превосходительству, С. П. ГАВРИЛЕНКО.

Милостивая Государыня,
Софья Петровна!

Попечительный Совѣтъ Московскаго Коммерческаго Института въ засѣданіи своемъ 10-го сего мая, освѣдомившись съ глубокимъ сожалѣніемъ о кончинѣ супруга Вашего, Александра Павловича Гавриленко, единогласно постановилъ выразить Вамъ искреннее соболѣзнованіе въ постигшей Васъ тяжелой утратѣ.

Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ постановилъ: 1) ассигновать на похороны покойнаго Александра Павловича суму въ 500 руб. и 2) учредить въ память его въ Коммерческомъ Институтѣ одну стипендію имени Александра Павловича Гавриленко.

О таковыхъ постановленіяхъ Совѣта считаю своимъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и глубокой преданности

Вашего покорнаго слуги *Алексѣя Вишнякова.*

Директоръ Московскаго Промышленнаго Училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II.

Мая 10 дня, 1914 г. № 647.
Москва, Міусская площадь.

Ея Превосходительству, СОФІИ ПЕТРОВНѢ ГАВРИЛЕНКО.

Педагогическій Совѣтъ Московскаго Промышленнаго Училища, пораженный внезапной кончиной дорогого Александра Павловича, поручилъ мнѣ выразить истинное сочувствіе и соболѣзнованіе Вашему

Превосходительству въ Вашей тяжелой, незамѣнимой потерѣ. Дай Богъ перенести Вамъ эту невознаградимую утрату. Пусть хоть легкимъ утѣшеніемъ послужитъ Вамъ то, что всѣ служащіе ввѣреннаго мнѣ училища раздѣляютъ Ваше горе.

Директоръ *К. Зографъ.*

Городское Попечительство о бѣдныхъ Басманнаго участка г. Москвы.

Мая 17 дня, 1914 г., № 203.
Разгуляй, домъ Бостанжогло.

Госпожѣ СОФЬѢ ПЕТРОВНѢ ГАВРИЛЕНКО.

Милостивая Государыня!

Скорбя объ утратѣ своего отзывчиваго члена Александра Павловича Гавриленко, Басманное Городское Попечительство выражаетъ Вамъ чувство глубокаго соболѣзнованія по поводу постигшаго Васъ горя.

Предсѣдатель Совѣта *(Подпись).*

Совѣтъ общества для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности.

7 іюня, 1914 г., № 4184.
Москва, Мясницкая, М. Харитоньевскій пер., д. Политехническаго О-ва.

Госпожѣ С. П. ГАВРИЛЕНКО.

Милостивая Государыня,
Софья Петровна!

Совѣтъ Общества для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности въ засѣданіи своемъ отъ 28 мая с. г. постановилъ выразить Вамъ свое глубокое соболѣзнованіе въ постигшей Васъ тяжелой утратѣ. Ваше горе намъ тоже очень близко, ибо потеря такого безкорыстнаго и вѣрнаго своему долгу труженика, ка-

кимъ былъ покойный супругъ Вашъ, Александръ Павловичъ, учитель и наставникъ многихъ изъ дѣятелей нашего Общества, трудно замѣнима.

Отъ всего сердца желаемъ, чтобы свѣтлая память покойнаго и та любовь, которую онъ заслужилъ отъ всѣхъ, его знавшихъ, да послужатъ Вамъ утѣшеніемъ въ Вашемъ горѣ.

Предсѣдатель *О. Карповъ.*
Секретарь *Н. Кукинъ.*

Директоръ Московскаго Промышленнаго Училища въ память 25-лѣтія царствованія Императора Александра II.

Мая 10 дня, 1914 г. № 648.
Москва, Міусская площадь.

ВЪ УЧЕБНЫЙ КОМИТЕТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

Педагогическій Совѣтъ Московскаго Промышленнаго Училища, пораженный внезапной кончиной незабвеннаго директора Императорскаго Техническаго Училища, Александра Павловича, проситъ Учебный Комитетъ принять сочувствіе въ трудно замѣнимой, крайне тяжелой утратѣ человѣка, такъ много положившаго труда и энергіи при управленіи Училищемъ въ очень тревожное время и такъ много сдѣлавшаго для преуспѣванія ввѣреннаго ему Училища.

Директоръ *К. Зографъ.*

Книжный магазинъ И. Александрова, комиссіонеръ Императорскаго Техническаго Училища.

12 мая, 1914 г.
Москва, Разгуляй.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Выражая глубокую скорбь о смерти глубокоуважаемаго Александра Павловича, просимъ возложить прилагаемый при семъ вѣнокъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *И. Александровъ.*

НАДПИСИ НА ВѢНКАХЪ.

„Политехническое Общество
Своему незабвенному Предсѣдателю".

„Императорское Московское Техническое Училище
Своему директору, Александру Павловичу Гавриленко.

„Осиротѣлое студенчество И. Т. У.
Старому, испытанному другу, Александру Павловичу Гавриленко".
„Свѣтлое, живое не умираетъ, но живетъ".

„Старые" студенты И. М. Т. У.
Дорогому Александру Павловичу".

„За тобой, какъ за твердой скалой,
Отъ реакціи волнъ укрывались.
Но ушелъ ты отъ насъ,
—Лучъ надежды угасъ,
Безъ защитника всѣ мы остались".

„Отъ бюро труда И. Т. У.
Единственному, послѣднему".

„Воздухоплавательный кружокъ И. Т. У.
Дорогому Александру Павловичу“.

„Студенческое Издательское Общество при И. Т. У.
Послѣдній привѣтъ... дорогому Александру Павловичу“.

„Отъ Московскаго Политехническаго Кружка.
Незабвенному Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ Комитета Музея Прикладныхъ знаній.
Александру Павловичу Гавриленко“.

„Московское Общество Сельскаго Хозяйства
Своему дѣйствительному члену, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Институтъ Механической Технологіи волокнистыхъ веществъ И. Т. У.
Незабвенному Александру Павловичу Гавриленко“.

„Члены Электротехническаго Кружка при И. Т. У.
Горячо любимому директору Александру Павловичу“.

„Комитетъ Общества Вспом. нужд. Студ. И. М. Т. У.
Дорогому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Инженеры Московскаго Трамвая
Глубокочтимому учителю и рѣдкому человѣку, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ Коммиссаровскаго Техническаго Училища.

Директору Императорскаго Техническаго Училища, Александру Павловичу Гавриленко".

„Русское Общество испытанія матеріаловъ

Незабвенному члену Совѣта, Александру Павловичу Гавриленко".

„Благодарное Тульское землячество

Свѣтлому другу-директору Александру Павловичу".

„ ...и нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту".

„Отъ техническаго персонала Московскаго Общества для надзора за паровыми котлами.

Глубокоуважаемому А. П. Гавриленко".

„Студенческое Страховое Бюро

Всегда отзывчивому на нужды студенчества, Александру Павловичу Гавриленко".

„Библіотека Студентовъ-Техниковъ

Послѣднему изъ немногихъ".

„Инженеры Брянскаго Завода

Дорогому учителю".

„Отъ инженеровъ Коломенскаго Машиностроительнаго Завода.

Дорогому, незабвенному Александру Павловичу".

„Механическій Институтъ И. Т. У.

Дорогому Александру Павловичу".

„Отъ Т-ва Шуйской М-ры.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу".

„Московскій Коммерческій Институтъ

Глубокоуважаему Александру Павловичу Гавриленко".

„Студенты-Поляки И. Т. У.

Дорогому незамѣнимому профессору-учителю, Александру Павловичу Гавриленко. Nieocenionemu professorowi-naucrycielowi Studenci-Polacy W. S. T."

„Отъ Маріи Владиміровны, Мити и Кости.

Дорогому Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ инженеровъ Московской Городской Управы.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ Инженеровъ Московской Губернской Земской Управы.

Дорогому Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ Т-ва м-ръ Н. Н. Коншина въ Серпуховѣ.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко".

„Общество для содѣйствія улучшенію и развитію Мануфактурной Промышленности

Неутомимому труженику на поприщѣ науки и промышленности, Александру Павловичу Гавриленко.

„Евреи-инженеры И. М. Т. У.

Дорогому Александру Павловичу Гавриленко".

„Искавшій правды и милости найдетъ вѣчную жизнь и славу". Притчи XXI, 21.

„Общество Студентовъ И. М. У. по устройству Студенческой Столовой

Другу студенчества“.

„Отъ Моск. Отд. Русск. Общ. „Всеобщая Компанія Электричества“

Высокочтимому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ Смоленско-Вяземскаго Земл-ва при И. Т. У.

Александру Павловичу Гавриленко. Прими, Учитель, нашу скорбь и печаль“.

„Отъ „Студенческаго Издательства“.

Поборнику академической свободы, А. П. Гавриленко“.

„Отъ Студенческаго Кружка Теплотехниковъ при И. М. Т. У.

Любимому учителю и другу“.

„Отъ Ѳедора Ѳедоровича Гакенталь.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ сохраняющихъ наилучшую память учениковъ-сормовцевъ

Дорогому учителю А. П. Гавриленко“.

„Отъ Московскаго Городского Общественнаго Управленія

Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ дамъ, работающихъ въ буфетѣ при И. Т. У.

Глубокоувожаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ служащихъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища.

Дорогому Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ Товарищества московскаго металлическаго завода.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ семейства Несмѣяновыхъ.

Дорогому другу, Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ семьи Савурскихъ.

Дорогому А. П. Гавриленко".

„Холодильный кружокъ при И. М. Т. У.

Дорогому учителю".

„Соредакторы, сотрудники и издатели Энциклопедическаго словаря Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°"

Незабвенному редактору, Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ А. Г. Розенблюмъ.

Дорогому Александру Павловичу Гавриленко послѣднее „прости" послѣ сорокалѣтней безпрерывной дружбы".

„Московскіе Высшіе Женскіе Курсы

Незабвенному Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ Виктора и Антонины Листъ.

Дорогому, незабвенному другу, Александру Павловичу Гавриленко".

„Студенты-кавказцы И. М. Т. У.

Незамѣнимому Александру Павловичу

„Нѣсть ни эллин, ни іудей“.

„Отъ инженеръ-механиковъ Технич. к-ры инженера Р. Эрихсонъ.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ Сони Аронзонъ.

Дорогому Александру Павловичу“.

„Ростовское-на Дону Землячество

Любимому учителю и дорогому человѣку“.

„Отъ признательныхъ низшихъ служителей И. Т. У.

Незабвенному директору, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ благодарнаго Московскаго Общества для надзора за паровыми котлами.

Глубокоуважаемому члену Правленія и долголѣтнему своему доброжелателю“.

„Отъ Залѣсскихъ.

Александру Павловичу

„Всѣ думы, все сердце“!..

„Отъ Совѣта Общества имени Х. С. Леденцова.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ Михайловцевъ.

Другу и защитнику студентовъ, Александру Павловичу".

„Учні-украінці

Незабутньому учителеві.

«Разъ добром налите сердце в вік не прохолоне».

„Петербургское Общество Инженеровъ Императорскаго Техническаго Училища

Глубокоуважаемому, дорогому профессору, Александру Павловичу Гавриленко".

„Эксплуатаціонная комиссія по Дому Политехническаго Общества

Своему незабвенному члену, Александру Павловичу Гавриленко".

„Отъ Бобровскихъ.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко".

„Коммерческо-Техническое Отдѣленіе Московскаго Коммерческаго Института

Дорогому товарищу".

„Отъ Кружковъ Химиковъ и Сахароваровъ И. Т. У.

Незабвенному кормчему, Александру Павловичу Гавриленко.

„Духомъ Твоимъ живы будемъ!..
Среди бурь и испытаній ты умѣлъ спасти корабль"...

„С. П. Гавриловъ

А. П. Гавриленко“.

„Московское отдѣленіе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества

Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ благодарнаго Воронежскаго Землячества.

Незабвенному Александру Павловичу“.

„Московское Общество Воздухоплаванія

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ учениковъ—бакинцевъ.

Дорогому учителю, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ инженеровъ Т/Д. „В. Залѣсскій и В. Чаплинъ“.

Дорогому, незабвенному учителю, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ электротехниковъ.

Глубокоуважаемому техническому, общественному дѣятелю, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ семьи Л. Я. Бершадскаго.

Дорогому другу и товарищу, рѣдкому человѣку, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ акціонернаго О-ва „Густавъ Листъ“.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Физико-электротехническій институтъ

Дорогому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Студенты Общежитія

Александру Павловичу“.

„Отъ книжнаго магазина И. Александрова, комиссіонера Императорскаго Техническаго Училища.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Городской Университетъ имени А. Л. Шанявскаго

Александру Павловичу Гавриленко“.

„Студенчество Московскаго Коммерческаго Института

Уважаемому профессору, Александру Павловичу Гавриленко.

„Отъ Нижегородскаго землячества студентовъ И. Т. У.

Лучшему человѣку и незамѣнимому директору“.

„?

Защитнику свободной школы“.

„Студенты Московскаго Института П. С. Императора Николая II

Первому выборному Директору Императорскаго Техническаго Училища“.

„Типографія Русскаго товарищества печатнаго и издательскаго дѣла

Глубокоувожаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

„Студенты-техники, куряне и харьковцы

Дорогому Александру Павловичу“.

„Отъ профессоровъ и преподавателей Моск. Института Инженеровъ Путей Сообщенія, Императора Николая II.

Безвременно скончавшемуся Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ семейства Зиминыхъ.

Незамѣнимому руководителю-другу молодежи, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ студентовъ-евреевъ И. М. Т. У.

„Умеръ праведникъ!.. Да пріидетъ съ миромъ и найдетъ покой свой шедшій стезей правды“...

„Отъ техниковъ ф-къ Саввы Морозова.

Любимому учителю и дорогому товарищу, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ Кружка технологовъ московскаго района.

Уважаемому профессору и другу учащихся, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ С. Г. Киричко, С. И. Шабарова, П. Н. Бочарова и А. И. Котельникова.

Дорогому товарищу и другу, Александру Павловичу Гавриленко“.

„Отъ А. И. Штуцеръ, В. И. Штуцеръ, Н. И. и М. И. Ивановыхъ и Н. Н. Тихомирова.

Глубокоуважаемому Александру Павловичу Гавриленко“.

РѢЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ НА МОГИЛѢ.

Кромѣ рѣчей, случайно сохраненныхъ и приводимыхъ ниже, на могилѣ говорили: Н. Е. Жуковскій—отъ Имп. Техн. Уч., Л. С. Бобровскій—отъ О-ва электротехниковъ и студенты: И. П. Захаровъ, С. С. Козловъ, Н. Я. Гордонъ и Я. С. Голицынъ.

РѢЧЬ ИНЖЕНЕРА А. Н. ДЕРЖАВИНА — ОТЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Прощай, дорогой Александръ Павловичъ!

Двадцать-пять долгихъ лѣтъ упорнаго и талантливаго труда посвятилъ ты дорогому Техническому Училищу и Политехническому Обществу

Твоей незабвенной памяти пришелъ я поклониться и сказать благодарное слово отъ Политехническаго О-ва.

Ты сталъ во главѣ его съ 1898 года и съ тѣхъ поръ неуклонно несъ тяжелый трудъ руководительства Обществомъ и редактированія нашего журнала. Еще 10 лѣтъ назадъ твои заслуги были единодушно признаны О-вомъ, избравшимъ тебя своимъ почетнымъ членомъ. Избранный въ слѣдующемъ году на чрезвычайно отвѣтственный въ то время постъ директора Техническаго Училища, ты не оставилъ руководительства О-вомъ. За время твоего предсѣдательства, Политехническое О-во

выросло въ крупную общественную единицу, которая отзывалась на многія важнѣйшія явленія въ технико-экономической жизни, которая успѣла объединить значительную часть другихъ московскихъ Обществъ, въ стѣнахъ своего дома, созданнаго при твоемъ же дѣятельномъ участіи.

Ты былъ душою всѣхъ начинаній О-ва, въ твоей головѣ кристаллизовалась мысль и отчетливо складывались различныя стороны предпринимаемаго дѣла. Крупный общественный дѣятель, ты не любилъ чѣмъ-либо выдѣляться и хотѣлъ итти въ ногу со всѣми въ товарищеской работѣ. А твоя искренность и простота обращенія создавали чрезвычайно благопріятныя условія для совмѣстной работы.

Еще недавно ты руководилъ обсужденіемъ предстоящаго важнаго шага въ жизни Политехническаго О-ва — организаціи общаго журнала русскихъ инженеровъ, но тебѣ не суждено было довести задуманнаго дѣла до конца. Преждевременно угасъ свѣтлый умъ и рано остановилось сердце, которое билось всегда за идейные интересы технической семьи: такъ горящая свѣча сжигаетъ себя, давая свѣтъ другимъ; и ты пронесъ сквозь земную юдоль яркимъ пламенемъ твой свѣтлый духъ, освѣщая путь другимъ.

Сохранимъ же, уходя отсюда высокую нравственную красоту твоего образа и будемъ вѣрить, что твои трудовые завѣты не умрутъ въ обширной семьѣ нашей.

Прими, нашъ незабвенный предсѣдатель и почетный членъ, прими отъ Политехническаго Общества этотъ послѣдній привѣтъ и да будетъ надъ твоимъ прахомъ легка земля твоей родины, которой ты съ такою честью послужилъ при жизни.

РѢЧЬ А. И. ГОМОЛИЦКАГО—ОТЪ ИМЕНИ СЛУЖАЩИХЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

Умеръ Александръ Павловичъ...

Когда умираютъ люди науки, далекіе отъ жизни, когда умираютъ писатели, доктора, инженеры, адвокаты и прочіе, — трудно перечесть

всѣ профессіи, приносящія людямъ пользу, — люди собираются на могилѣ, чтобы почтить заслуги покойнаго.

Не то сегодня. Не инженера только, не профессора только собрались мы проводить туда, откуда нѣтъ возврата.

Мы, люди, хоронимъ хорошаго человѣка, въ лучшемъ, идеальномъ смыслѣ этого слова...

Умеръ Александръ Павловичъ. А онъ былъ для насъ примѣромъ, какъ надо жить, чтобы имѣть оправданіе жизни; онъ каждымъ словомъ училъ и требовалъ не лукавства, а прямоты; онъ не принадлежалъ ни этимъ, ни тѣмъ,—онъ принадлежалъ всѣмъ, кому могъ помочь.

Надъ могилами знаменитыхъ людей говорятъ рѣчи, характеризующія дѣятельность усопшихъ. На этой могилѣ рѣчамъ мѣшаютъ слезы...

Плачьте! Плакать слѣдуетъ. Эти слезы — слезы искреннія, очищающія. Вѣдь мы хоронимъ того, кого мы такъ любили, уважали какъ человѣка, цѣнили какъ учителя, кому нѣтъ преемника...

Спи спокойно, незабвенный Александръ Павловичъ. А мы, расходясь отсюда, слезами оросимъ почву въ насъ самихъ, чтобы зерна добра и правды, заброшенныя въ наши души тобою, дали богатые всходы.

РѢЧЬ А. М. ДОНДЕ—ОТЪ ОБЩЕСТВА ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ СТУДЕНТАМЪ И. Т. У.

На мою долю выпала печальная обязанность сказать отъ имени Общества пособія нуждающимся студентамъ И. М. Т. У-ща послѣднее „прости“ почетному члену О-ва и непремѣнному члену его Комитета, незабвенному профессору, Александру Павловичу Гавриленко.

Александръ Павловичъ состоялъ членомъ О-ва съ самаго его основанія по день своей неожиданной кончины,—болѣе 25 лѣтъ. Ни въ какой толпѣ онъ не могъ затеряться, не могъ остаться незамѣченнымъ; былъ онъ отмѣченъ и въ нашемъ скромномъ Обществѣ:

изъ тѣхъ 25-ти лѣтъ, что онъ пробылъ нашимъ членомъ, онъ около двадцати лѣтъ былъ должностнымъ лицомъ Общества, около десяти лѣтъ членомъ ревизіонной Комиссіи и около десяти лѣтъ непремѣннымъ членомъ Комитета по должности директора И. Т. У.; наконецъ, всего мѣсяцъ тому назадъ Александръ Павловичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ О-ва.

Александръ Павловичъ не принадлежалъ къ тѣмъ активнымъ членамъ Общества, которые проявляютъ свою дѣятельность въ собираніи для него денежныхъ средствъ, но тѣмъ не менѣе Общество, вмѣстѣ со всѣми организаціями, связанными съ И. Т. У., остро чувствуетъ потерю этого своего долголѣтняго сотрудника. Эту остроту нашего горя слѣдуетъ, несомнѣнно, приписать выдающимся качествамъ ума и характера покойнаго. Александръ Павловичъ не искалъ ни власти, ни популярности, тѣмъ не менѣе, гдѣ бы онъ ни появлялся, вездѣ ему охотно отдавались подъ власть, а добрая слава опережала его, заставляла радоваться его присутствію, заставляла съ довѣріемъ отнестись ко всему, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ. Этимъ онъ былъ обязанъ своему уму, справедливости, практичности, отсутствію формализма, а главное—необыкновенной снисходительности къ чужимъ заблужденіямъ и виртуозному чувству такта, позволявшему ему съ одинаковымъ спокойствіемъ выслушивать и рѣчь увлекающагося, но не умудреннаго еще жизненнымъ опытомъ, юноши и рѣчь стараго „человѣка въ футлярѣ“, видящаго вездѣ одни препятствія и невозможности.

Когда дѣятельность Общества шла гладко, присутствіе въ Обществѣ Александра Павловича не било въ глаза, было какъ бы незамѣтнымъ,—такъ мы не замѣчаемъ здороваго органа своего организма. Но какъ только въ дѣятельности Общества наступала заминка, особенно, когда эта заминка происходила отъ взаимной розни „отцовъ“ и „дѣтей“, всѣ взоры обращались къ Александру Павловичу, и не напрасно. Сколько непреодолимыхъ, казалось, препятствій, нерѣдко будто бы грозившихъ самому существованію Общества, было шутя устранено благодаря незабвенному нашему сочлену!..

Черезъ нѣсколько минутъ мы скажемъ послѣднее „прости“ бренной земной оболочкѣ Александра Павловича. Но душа безсмертна.

Душа покойнаго, проявлявшаяся въ дѣлахъ его, будетъ жить съ нами; она должна побуждать насъ къ тому добру, справедливости и

истинной, безшумной любви къ ближнему, которыми такъ богатъ былъ Александръ Павловичъ. Память о немъ мы свято будемъ хранить въ сердцахъ нашихъ, передадимъ нашимъ дѣтямъ и завѣщаемъ передать ее грядущимъ поколѣніямъ...

Прощай, дорогой Александръ Павловичъ! Мирно спи. Ты съ честью и съ пользой для ближнихъ прожилъ свою недолгую жизнь.

СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЯ ПАМЯТИ А. П. ГАВРИЛЕНКО, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ МОСКОВСКИХЪ ГАЗЕТАХЪ ВЪ БЛИЖАЙШІЕ ПОСЛѢ ЕГО КОНЧИНЫ ДНИ.

I.

10 мая, 1914 г., въ 3-мъ часу утра, скончался профессоръ Императорскаго Техническаго Училища Александръ Павловичъ Гавриленко. Не стало человѣка, полнаго силъ и жизненной энергіи. Еще пять дней назадъ онъ, какъ всегда, дѣлалъ свое любимое дѣло преподаванія въ Училищѣ, питомцемъ котораго былъ самъ и въ которомъ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ работалъ надъ техническимъ образованіемъ будущихъ инженеровъ. Еще четыре дня тому назадъ онъ былъ призванъ къ разрѣшенію сложнаго техническаго вопроса изъ фабричной дѣйствительности и давалъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ авторитетныхъ совѣтовъ, благодаря которымъ его имя такъ широко извѣстно въ техническихъ кругахъ. Не прошло еще 3 сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, несмотря на болѣзнь, все-таки продолжалъ исполнять свою неустанную работу по направленію всѣхъ дѣлъ Училища, и лишь температура свыше 40° заставила его уйти изъ засѣданія Хозяйственнаго Комитета, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ. А въ столѣ покойнаго осталась почти законченная къ печати рукопись третьяго, заново переработаннаго, изданія одного изъ его многочисленныхъ сочиненій, — курса построенія паровыхъ котловъ.

Трудно въ газетной замѣткѣ нарисовать обликъ этого недюжиннаго человѣка. Острый, наблюдательный инженерный умъ, обширныя познанія и громадная практика, мягкій, отзывчивый, въ высшей степени скромный по своему характеру, но, въ то же

время, неутомимый, упорный работникъ въ разнообразныхъ областяхъ науки и техники, — вотъ черты, встающія въ памяти тѣхъ, кто близко соприкасался съ нимъ. Въ 1905 году, послѣ указа 27-го августа Учебный Комитетъ Училища остановилъ на немъ свой выборъ и поставилъ его во главѣ Училища въ качествѣ директора въ то необыкновенно трудное время. Вся дальнѣйшая жизнь Училища много, много разъ доказала, что выборъ былъ удаченъ. Не по правилу „de mortuis aut bene, aut nihil", а какъ непреложную правду можно сказать, что его спокойная уравновѣшенность не разъ отвела отъ Училища сгущавшіяся надъ нимъ тучи, спасла не одну молодую судьбу отъ многочисленныхъ злоключеній. Но только самые близкіе къ Александру Павловичу люди знали, чего стоила ему эта спокойная уравновѣшенность. Когда осенью 1913 года исполнилось 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности, то справедливо подчеркивалось и то, что ему, какъ директору, Училище очень многимъ обязано, но въ особенности тѣмъ, что въ періодъ коренной перестройки учебной системы онъ умѣлъ своимъ добродушнымъ и прямымъ образомъ дѣйствій сглаживать неизбѣжныя шероховатости и недоразумѣнія. Отклонивъ самымъ рѣшительнымъ образомъ всякія юбилейныя чествованія со стороны учрежденій, товарищей, друзей, Александръ Павловичъ уступилъ только настойчивому желанію студентовъ не пропустить молча этого юбилея, и тутъ съ необычной яркостью сказалось, съ какой сердечной теплотой и уваженіемъ относилось къ нему студенчество Техническаго Училища. За десять лѣтъ директорства Александра Павловича Училище пережило много трудныхъ минутъ, начиная съ тревожной эпохи забастовокъ, продолжая эпохой полнаго расцвѣта ученой и учебной дѣятельности, встрѣчавшей препятствія лишь въ полномъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, пережило эпоху ревизій и властныхъ вмѣшательствъ... Александръ Павловичъ Гавриленко продолжалъ свое дѣло, и это дѣло должно было дать богатые плоды. Судьба положила предѣлъ этой работѣ. Горька утрата! Особенно теперь, когда такъ много перемѣнъ и вольныхъ и невольныхъ. Мирно почивай, много и упорно работавшій, и пусть то, чему ты отдалъ такъ много знанія, силъ и любви, — культурная дѣятельность осиротѣвшаго безъ тебя Училища, — продолжаетъ неуклонно развиваться на общее благо.

Проф. Ал. Астровъ.

„Русск. Вѣд.", № 108, 1914 г.

II.

Вчера, 10 мая въ 3 часа утра, послѣ кратковременной тяжкой болѣзни скончался директоръ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища, профессоръ Александръ Павловичъ Гавриленко. Въ лицѣ почившаго Училище и Московскій Коммерческій Институтъ, въ которыхъ онъ преподавалъ рядъ предметовъ, Политехническое Общество и рядъ научныхъ учрежденій, дѣятельнымъ членомъ которыхъ онъ являлся, семья техниковъ, къ которой онъ принадлежалъ и въ которой занималъ столь почетное мѣсто, наконецъ, русская техническая наука понесли тяжелую потерю. Въ этой короткой замѣткѣ можно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ коснуться различныхъ сторонъ плодотворной научной, преподавательской и общественной дѣятельности Александра Павловича: слишкомъ свѣжа еще горечь утраты и слишкомъ обширна и значительна была дѣятельность покойнаго, чтобы можно было здѣсь пытаться освѣтить ее съ подобающей полнотой.

Научная и педагогическая дѣятельность проф. А. П. Гавриленко опиралась на обстоятельное знакомство съ технической практикой, которую онъ пріобрѣлъ не совсѣмъ обычнымъ способомъ: въ теченіе трехъ лѣтъ по окончаніи имъ (въ 1882 г.) курса въ Училищѣ, онъ работалъ на лучшихъ американскихъ заводахъ въ качествѣ простого рабочаго, а потомъ — чертежника. Затѣмъ, исполненіе въ теченіе ряда лѣтъ обязанностей конструктора, помощника директора завода и опытъ техническаго и коммерческаго руководителя предпріятія въ роли совладѣльца завода дали ему вдобавокъ къ теоретическимъ познаніямъ ту особенную практическую сноровку, ту важнѣйшую способность въ педагогическомъ руководствѣ — сразу направлять вниманіе новичка на важныя стороны дѣла, не отвлекаясь въ сторону второстепенныхъ подробностей, которая дѣлала особенно цѣннымъ его участіе въ руководствѣ проектированіемъ. Поставивъ на должную высоту преподаваніе порученныхъ ему съ 1893 г. предметовъ (механической технологіи металловъ и дерева, а съ 1894 г. паровыхъ котловъ) и руководя въ теченіе 25 лѣтъ проектированіемъ по важнѣйшимъ отдѣламъ машиностроенія и технологіи, А. П. Гавриленко отдавалъ также очень много времени научной и литературной работѣ. Свой цѣнный личный опытъ и свою обширную эрудицію, пополненные многократными посѣщеніями заводовъ, выставокъ, участіемъ въ эксперти-

захъ частнаго и государственнаго значенія, А. П. использовалъ въ рядѣ статей, докладовъ и капитальныхъ научныхъ трудовъ. Изъ докладовъ, помѣщенныхъ на страницахъ „Бюллетеней Политехническаго Общества“, можно указать на слѣдующіе: „О паровой машинѣ Вестингауза“—1888 г., „Опыты съ раскаленными стѣнками паровыхъ котловъ“—1892 г., „Случай деформаціи топочныхъ трубъ“—1893 г., „О примѣненіи электричества для нагрѣванія металла“—1893 г., „Пневматическіе пирометры“—1894 г., „Объ установленіи размѣра задѣльной платы“—1896 г., „Изъ американской литейной практики“, и т. д. Изъ научныхъ трудовъ слѣдуетъ указать на курсъ „Паровые котлы“ и трехтомный трудъ „Технологія металловъ“, выдержавшіе по два изданія и пользующіеся всеобщей извѣстностью.

Состоя съ 1898 г. вице-предсѣдателемъ, а съ 1905 года предсѣдателемъ Политехническаго Общества, А. П. Гавриленко на протяженіи 15 лѣтъ несъ на себѣ постоянный трудъ редактора „Бюллетеней Политехническаго Общества“, и его руководству научной стороной дѣятельности Общества журналъ Общества, принадлежащій къ числу наиболѣе распространенныхъ русскихъ техническихъ изданій, обязанъ своимъ постепеннымъ развитіемъ. Обширная эрудиція Александра Павловича и его неизмѣнный живой интересъ къ вопросамъ техники не позволяли ему пропускать ни одной изъ сколько-нибудь выдающихся новостей въ разныхъ областяхъ техники безъ соотвѣтствующей обстоятельной оцѣнки путемъ доклада въ Обществѣ или статьи въ „Бюллетеняхъ“.

Исключительная работоспособность, разностороннія познанія, обширный опытъ и талантъ инженера соединялись въ немъ съ горячей любовью къ наукѣ, къ техникѣ, съ чуткостью и талантомъ педагога, а высокія качества ума, необычайная отзывчивость и доброта сердца покоряли всѣхъ, кто имѣлъ счастье съ нимъ соприкасаться по тому или иному поводу.

Высокое обаяніе личности Александра Павловича Гавриленко, какъ профессора и человѣка, навсегда сохранится среди его сотрудниковъ по работѣ и многочисленныхъ учениковъ, и память о немъ не умретъ ни въ тѣхъ учрежденіяхъ, которымъ онъ посвящалъ свои силы, ни въ сердцахъ тѣхъ, кто приближался къ нему, а приблизиться къ нему, это значило высоко оцѣнить и полюбить его.

„Русск. Вѣд.“, № 108, 1914 г. *Инж.-мех. Н. Чарновскій.*

III.

Въ ночь на 10 мая, 1914 г. скончался одинъ изъ виднѣйшихъ представителей московскаго міра, директоръ Императорскаго Техническаго Училища А. П. Гавриленко. Въ настоящее время трудно оцѣнить всю значительность утраты, которую понесло Техническое Училище, потерявъ въ лицѣ А. П. прекраснаго профессора и замѣчательнаго директора, и въ настоящей замѣткѣ я не предполагаю давать оцѣнку его ученой и административной дѣятельности. Но есть одна сторона, на которую мнѣ хотѣлось бы указать въ настоящій тяжелый моментъ и которая представляется мнѣ особенно цѣнной въ дѣятельности А. П. Сталкиваясь весьма часто съ А. П., сначала какъ лаборантъ и преподаватель, а затѣмъ, какъ профессоръ Училища, я всегда бывалъ пораженъ той удивительной мягкостью и отзывчивостью, съ которыми А. П. входилъ во всѣ нужды тѣхъ, кто къ нему обращался. Будучи занятъ почти цѣлый день, А. П. находилъ постоянно время, чтобы лично объясняться какъ съ преподавателями, такъ и со студентами, и двери его кабинета были открыты всегда всѣмъ, кто нуждался въ его помощи и совѣтѣ. Помню, какъ иногда мнѣ приходилось заходить къ нему по дѣлу ранѣе 9 часовъ утра или же говорить съ нимъ по телефону позднѣе 11 часовъ вечера, и никогда я не встрѣчалъ ничего, кромѣ самаго предупредительнаго и доброжелательнаго отношенія. Эта простота и доступность позволяли создать ту прекрасную, рабочую атмосферу въ стѣнахъ Училища, которая не измѣнялась въ самые смутные и трудные моменты. Это же обстоятельство позволило А. П. пріобрѣсти то уваженіе и авторитетъ, которыми онъ пользовался и у преподавательскаго персонала, и у учащихся. Перебирая въ памяти факты прошлой жизни Училища, я не могъ бы указать ни одного, гдѣ А. П. вызвалъ своими распоряженіями неудовольствіе съ какой бы то ни было стороны, и благодарное Техническое Училище никогда не забудетъ своего профессора и директора А. П. Гавриленко.

П. Лазаревъ.

„Русск. Вѣд.“, № 108, 1914 г.

IV.

Скончался Александръ Павловичъ Гавриленко...

Мощная фигура диерктора Императорскаго Техническаго Училища, десять лѣтъ уже безсмѣнно выбираемаго рулевымъ одного изъ самыхъ большихъ высшихъ учебныхъ заведенiй Россiи, всегда поражала своимъ спокойствiемъ, обвѣяннымъ горячей любовью къ людямъ вообще и молодежи въ особенности. Нельзя вспомнить безъ благоговѣйнаго трепета, какъ велъ этотъ кормчiй корабль Техническаго Училища въ годы чрезвычайнаго смятенiя, какъ спокойно смотрѣлъ онъ на волну общественнаго движенiя 1905—1907 гг., какъ и сердцемъ, и умомъ понималъ онъ тогдашнiя переживанiя молодости, какъ многихъ спасалъ изъ бѣды, нависавшей острымъ мечомъ надъ буйными головами, учитывая и ихъ искреннее молодое увлеченiе, и незнанiе жизни, и отсутствiе того хладнаго мышленiя, которое такъ несвойственно молодости.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ Александръ Павловичъ былъ для студентовъ болѣе чѣмъ роднымъ отцомъ, часто журившимъ ихъ, но всегда выручавшимъ изъ бѣды по мѣрѣ силъ и возможности. А что сама молодежь всегда чувствовала, и чувствуетъ эту сокровенную близость отца-директора къ студентамъ Техническаго Училища, уже видно изъ того, что отношенiе студенчества къ покойному было тоже благодарное и благожелательное какъ въ годы лихолѣтiя, такъ и въ настоящее время. Съ гордо поднятой головой, съ прямымъ, открытымъ, глубокимъ, добрымъ взглядомъ шелъ покойный всегда впередъ, вѣря, что онъ дѣлаетъ Божье дѣло, объединяя людей для труда, тяжелаго техническаго труда, ободряя отстающихъ, помогая падающимъ и слабымъ, зовя далѣе впередъ сильныхъ. Всюду и вездѣ, будучи объединяющимъ центромъ, покойный выковывалъ звенья дружной общественно-технической работы, и мы, его ученики, не знаемъ ни одного случая, когда бы эта свѣтлая атмосфера, окружавшая Александра Павловича во всѣхъ его многообразныхъ и многочисленныхъ трудахъ, была омрачена чѣмъ-либо съ его стороны.

Миръ праху твоему, дорогой учитель! Мы будемъ хранить твои завѣты, мы подхватимъ и понесемъ впередъ выпавшее изъ твоихъ рукъ знамя гуманности и любви къ людямъ, къ молодежи.

Б. Угримовъ.

„Русск. Вѣд.“, № 108, 1914 г.

V.

Вчера скончался директоръ Императорскаго Техническаго Училища, А. П. Гавриленко. Кончина эта явилась полной неожиданностью для всѣхъ, его знавшихъ. Совершенно не думалось, что скоро не станетъ среди насъ этого замѣчательнаго человѣка. И теперь, стоя предъ совершившимся фактомъ, столь неожиданнымъ, невольно хочется вылить тѣ чувства преклоненія предъ этой замѣчательной личностью, какими полно сердце каждаго студента, близко знавшаго покойнаго.

Мы не будемъ отмѣчать всей многогранности души его. Для насъ онъ былъ, есть и будетъ примѣромъ рѣдкой человѣчности въ отношеніяхъ къ студенчеству. То благородство души, чуткость ея, какими отличался А. П., будутъ памятны для насъ всегда. Его отеческая заботливость, его способность всегда, во всякую трудную для студента минуту войти съ товарищеской искренностью въ его положеніе и подать руку помощи знакомы каждому изъ насъ. Такая душевная чуткость въ отношеніяхъ къ студенчеству порождала въ каждомъ изъ насъ вѣру въ свои силы, вселяла бодрость духа. Сколькихъ онъ окрылилъ на пути ихъ, сколькимъ онъ помогъ пройти всѣ трудности нашей студенческой жизни! И въ этомъ — его глубокая заслуга. И не только мы, студенты (это не мое личное мнѣніе, а мнѣніе, раздѣляемое широкимъ кругомъ товарищей), обязаны ему за это, но и все общество, вся страна является должникомъ А. П., ибо много-много силъ и дарованій сберегъ А. П. и, тѣмъ самымъ, далъ полезныхъ работниковъ обществу и государству. Эту человѣчность, это необычное для нашего времени сердечное отношеніе къ студентамъ, мы подчеркиваемъ въ данный моментъ.

Спи, нашъ дорогой и единственный учитель жизни! Твой образъ навсегда запечатлѣется въ нашей памяти и будетъ служить путеводной звѣздой въ нашей жизненной дѣятельности.

Студентъ Императорскаго Техническаго Училища

В. Сибаровъ.

„Русск. Вѣд.“, № 108, 1914 г.

VI.

Рѣдкая смерть, даже людей очень большой популярности, поднимала такъ высоко волну симпатій, самыхъ глубокихъ, и сожалѣній, самыхъ искреннихъ, какъ недавняя кончина директора Московскаго Техническаго Училища, Александра Павловича Гавриленко.

Не потому, что смерть вообще примиряетъ и заставляетъ всякіе укоряющіе голоса умолкнуть, заслоняетъ тѣневыя стороны въ жизни и дѣятельности того, кто отошелъ подъ вѣчные своды, но потому лишь, что и не было въ личности и работѣ А. П. Гавриленко такихъ тѣневыхъ сторонъ, — единодушны и трогательно-однотонны всѣ рѣчи, всѣ вспоминанія у этой нежданной, обидно ранней могилы. Ей отдана смертная часть того, кто такъ благородно, такъ достойно проходилъ весь свой жизненный путь, кто въ полной мѣрѣ оправдалъ свое пребываніе на землѣ...

Не традиціонная фраза, не некрологическій трафаретъ, что это — невознаградимая утрата. Одно изъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній по-настоящему осиротѣло въ ночь на 10-мая, и долго, въ разныхъ случаяхъ и по разнымъ поводамъ, будетъ оно остро чувствовать свое сиротство. Самъ — питомецъ Московскаго Техническаго Училища, связанный съ нимъ своими юношескими школьными годами, А. П. Гавриленко затѣмъ, послѣ возвращенія изъ двухлѣтней поѣздки въ Америку, гдѣ работалъ въ Филадельфіи въ качествѣ простого слесаря, связалъ всю свою послѣдующую жизнь съ тѣмъ же Училищемъ, какъ его преподаватель, а въ послѣдніе годы — и какъ его директоръ, и отдалъ этому Училищу всѣ силы, всѣ заботы, всю недюжинную энергію и еще болѣе рѣдкую выдержку и стойкость. Эти его качества были уже давно оцѣнены въ Училищѣ, въ профессорской средѣ. И когда Техническое Училище получило въ освободительный 1905 г. автономію, а профессорская корпорація — право выбирать себѣ директора, — выборъ сразу остановился на А. П. Гавриленко. И съ тѣхъ поръ возобновлялся неизмѣнно. Ни у кого ни на мигъ не являлась мысль, что можетъ ему быть предпочтенъ кто-нибудь другой.

Не легки были эти годы директорства. Не разъ сгущались надъ Училищемъ всякія тучи, угрожали ему всякія напасти, не разъ входилъ

этотъ академическій корабль въ полосу бурныхъ водъ. И всегда кормчій корабля былъ на высотѣ задачи, сочетая непоколебимую преданность интересамъ Училища съ неменьшею преданностью принципу академической автономіи. Онъ хорошо понималъ, что не можетъ быть добытъ цѣною униженія достоинства Училища какой-либо серьезный и подлинный выигрышъ для его интересовъ. И съ рѣдкимъ тактомъ и стойкостью примирялъ обѣ эти задачи, въ наше время, къ сожалѣнію, все чаще оказывающіяся въ конфликтѣ...

Кто былъ на панихидахъ по Гавриленко, кто былъ на его грандіозныхъ похоронахъ, для того до очевидности ясно, какъ не только профессура Училища, но и его студенчество высоко цѣнило Гавриленко и нѣжно любило. Ему пришлось быть директоромъ и въ очень бурныя, труднѣйшія времена, когда „ладъ" между учащеюся молодежью и профессурою разлаживался, когда начинали эти двѣ части академіи говорить на разныхъ языкахъ. Даже лица большой и очень заслуженной популярности становились въ такія времена жертвою этого „разноязычія". Но у Гавриленко не вышло и въ то время никакихъ недоразумѣній, никакихъ столкновеній. И сколько молодыхъ жизней, сколько талантливыхъ силъ сумѣлъ онъ уберечь! Сколько разъ отводилъ угрожающую руку...

За А. П. Гавриленко — рядъ большихъ заслугъ характера, такъ сказать, спеціальнаго, заслугъ ученаго-техника, давшаго и нѣсколько выдающихся научныхъ работъ, и рядъ прекрасныхъ курсовъ. Его консультаціи по паровымъ котламъ цѣнились очень высоко, его авторитетъ въ этихъ техническихъ дисциплинахъ былъ непререкаемый. Но не эта сторона неизбѣжно выдвигается сейчасъ, подъ впечатлѣніемъ нежданной утраты, на первый планъ, не о ней думаешь. Защитникъ академической автономіи и защитникъ студенчества, — предъ такимъ А. П. Гавриленко склоняется сейчасъ съ глубокою признательностью русскій интеллигентный и прогрессивный міръ, объ его утратѣ скорбитъ особенно сильно. Потому что уже рѣдки такіе, вытѣсняются все сильнѣе академическими дѣятелями иной формаціи, иного закала и противоположныхъ идеаловъ...

Москвичъ.

„Солнце Россіи", № 223—20, 1914 г.

VII.

Большое горе, когда умираютъ несвоевременно такіе большіе люди, какимъ былъ А. П. Гавриленко. Это былъ сильный человѣкъ съ большой, но упругой, не жестокой волей, — человѣкъ, любившій людей, широко понимавшій значеніе просвѣщенія для Россіи и служившій ему неустанно до послѣднихъ силъ и въ то же время исключительно скромный, а потому и коллегіальный. Выдающійся профессоръ и большой знатокъ своей спеціальности, замѣчательный администраторъ, искренній, прямой, деликатный и изящной души человѣкъ, какимъ былъ А. П., — рѣдкое явленіе въ жизни. Глубокой любовью и уваженіемъ давно окружали А. П. въ Техническомъ Училищѣ учащіе и учащіеся, и онъ ихъ любилъ, а въ этомъ и тайна той стройной, выдающейся по успѣхамъ учебной жизни, которою можетъ быть отмѣчено въ этомъ Училищѣ его директорство.

За послѣднее время А. П. примкнулъ и къ другой высшей школѣ, — Московскому Коммерческому Институту; здѣсь онъ преподавалъ сначала курсъ паровыхъ котловъ, а затѣмъ и курсъ прикладной механики. Проложеніе новыхъ путей научной работы, лежащее въ основѣ новой школы, очень привлекало А. П. вмѣстѣ съ инымъ для него строемъ всей учебной жизни Института и симпатіями къ новой коллегіи, о чемъ онъ не разъ говорилъ. А. П. съ большимъ интересомъ участвовалъ въ созидательной работѣ профессоровъ и любилъ новую для него школу, которая и его полюбила.

Вѣчная память Александру Павловичу! Дай Богъ побольше такихъ людей.

Яковъ Никитинскій.

„Русск. Вѣд.“, № 109, 1914 г.

VIII.

Сегодня опускаютъ въ могилу выдающагося профессора — друга молодежи — Александра Павловича Гавриленко. Намъ, товарищамъ покойнаго по Московскому Техническому Училищу и его ученикамъ, особенно тяжела эта потеря. Въ прошломъ году миновало 25 лѣтъ педа-

гогической дѣятельности А. П., и мы, инженеры Московскаго Техническаго Училища, привѣтствовали его въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Принимая живое участіе во всѣхъ нашихъ общественныхъ начинаніяхъ, Вы своимъ бодрымъ и сердечнымъ участіемъ поднимали духъ своихъ товарищей, когда дѣло плохо налаживалось, и весело шли съ нами рука-объ-руку, когда все было благополучно. Мы привѣтствуемъ Васъ за ту упорную, стойкую и согрѣтую любовью къ своимъ товарищамъ по Техническому Училищу и къ руководимымъ вами студентамъ этого Училища работу, освѣщенную строгими общественными идеалами. Привѣтствуя Васъ, какъ нашего товарища по Политехническому Обществу, мы не можемъ отдѣлить Вашей дѣятельности по Обществу отъ Вашей работы по Училищу. Чуждый угодничества и политиканства, Вы во всѣхъ вопросахъ всегда идете открыто и прямо, неуклонно защищая научные интересы Училища, его преподавателей и студентовъ. Мы знаемъ, что такое открытое и настойчивое поведеніе Ваше вызываетъ не только несочувствіе, но и нѣкоторое недоброжелательство со стороны Вашего вѣдомства, но такое пренебреженіе къ Вашей честной и безкорыстной дѣятельности со стороны властей только увеличиваетъ нашу любовь къ Вамъ. Всегда прямой и доброжелательный къ людямъ, Вы проявили себя такимъ же и въ интимныхъ отношеніяхъ сложной, а иногда и нечуждой мелочности жизни Училища. Совершенно опредѣленная постановка самыхъ запутанныхъ вопросовъ и готовность принять на себя отвѣтственность за свою работу характеризуютъ въ Васъ не только ясность мысли души, но и чистоту сердца и красоту души“.

Вотъ главнѣйшія мѣста адреса покойному, подписаннаго огромнымъ количествомъ товарищей-инженеровъ.

Особенно необходимо отмѣтить ту глубокую любовь къ своимъ студентамъ, которой отличался А. П. Эта любовь сказывалась въ необыкновенной бережности, съ которой покойный относился въ самые сложные моменты нашей жизни. Стоитъ вспомнить 1905 годъ съ грандіозной политической манифестаціей, связанной съ похоронами Баумана. Манифестація началась съ Техническаго Училища, когда А. П. былъ его первымъ выборнымъ директоромъ, и никакихъ эксцессовъ на территоріи Училища не вызвала. Стоитъ узнать, съ какой стойкостью, чуткостью и любовью покойный выслушивалъ студентовъ, которые иногда высказывали свои сужденія въ видѣ требованій, и

бывали случаи — въ рѣзкой формѣ, чтобы сказать, что со смертью А. П. осиротѣло не одно Техническое Училище, а и все русское общество.

„Русск. Вѣд.“, № 109, 1914 г. *Ф. Даниловъ.*

IX.

Интересными воспоминаніями о покойномъ А. П. Гавриленко подѣлился его товарищъ, связанный 40-лѣтней дружбой съ А. П., инж. А. Г. Розенблюмъ.

— Моя дружба съ покойнымъ завязалась еще очень давно. Мы вмѣстѣ учились съ нимъ не только въ Техническомъ училищѣ, а и доброй памяти, въ приготовительныхъ классахъ. Сошлись мы со второго класса и въ продолженіе 40 лѣтъ оставались очень близкими друзьями.

Вспоминая прошлое, приходитъ на память случай изъ нашего студенчества. Въ 1879 г. въ Москвѣ была объявлена усиленная охрана. Въ учебныхъ заведеніяхъ начали подтягивать. И у насъ въ Училищѣ это подтягиваніе вылилось въ очень странную форму: въ общежитіи начали преслѣдовать за занятія ночью. Однажды явился бывшій директоръ Делавосъ; въ коридорѣ его освистали и, какъ разъ, возлѣ нашего класса. Взбѣшенный директоръ тотчасъ отправился къ генералъ-губернатору, кн. В. А. Долгорукову и добился исключенія всего нашего курса, въ числѣ 52 чел.; изгнаны были А. П. Гавриленко, я и др.

Исключеніе это вызвало въ московскомъ обществѣ большое волненіе. Въ нашей судьбѣ принялъ большое участіе тогдашній попечитель училища Барешевъ. Послѣ долгихъ хлопотъ намъ разрѣшено было держать экзамены.

Въ 1882 году, по окончаніи Техническаго Училища, собралась компанія: А. П. Гавриленко, С. А. Владимірскій, А. П. Македонскій, В. И. Штуцеръ, и я, и рѣшила, для бо́льшаго усовершенствованія въ техникѣ, поѣхать за границу. Выборъ палъ на Америку, въ то время сразу выдвинувшуюся на первое мѣсто среди промышленныхъ странъ міра.

По пріѣздѣ въ Америку, мы поселились въ Филадельфіи и всѣ

поступили простыми слесарями на механическіе заводы. А. П. Гавриленко устроился на машиностроительномъ заводѣ Бементъ, Майлсъ и К°. Первое время мы получали по 5 долларовъ въ недѣлю, а платить за столъ и квартиру приходилось по $4^1/_2$ доллара. Вскорѣ А. П. и я перешли на заводъ Браунъ и Шарпъ, гдѣ изготовлялись фрезерные станки. Послѣ двухлѣтней работы, скопивъ деньги, мы вмѣстѣ съ А. П. (насъ осталось только двое, остальные уѣхали въ Россію) отправились въ путешествіе по Америкѣ.

Подробно изслѣдовали центръ механической промышленности Чикаго—Питсбургъ. Ѣздили мы около полугода, и въ 1885 г. вернулись въ Москву.

Пріѣхали мы уже опытными и знающими инженерами. Съ американскимъ производствомъ мы познакомились очень основательно.

По пріѣздѣ, А. П. недолго работалъ на городскомъ водопроводѣ, а затѣмъ перешелъ на механическій заводъ въ Климовкѣ, возлѣ Серпухова; въ 1888 г. онъ оставилъ его, такъ какъ былъ приглашенъ въ число преподавателей Техническаго Училища.

Какъ о человѣкѣ, объ А. П. можно говорить безъ конца. Но я буду кратокъ — это былъ изумительно милый, обаятельный человѣкъ, котораго любили всѣ, кому приходилось сталкиваться съ нимъ.

„В. Изв.“, № 465, 1914 г.

X.

Вчера не стало одного изъ виднѣйшихъ профессоровъ Москвы — Александра Павловича Гавриленко, директора Императорскаго Техническаго Училища.

Преждевременная смерть застала А. П. Гавриленко наканунѣ новыхъ выборовъ директора Училища и явилась для всѣхъ полной неожиданностью. А. П. могъ бы спокойно дожидаться ближайшаго понедѣльника, когда должно было состояться очередное засѣданіе Учебнаго Комитета: со временъ дарованія автономіи Училищу онъ былъ безсмѣннымъ его директоромъ и всегда выбирался на эту должность единогласно.

Чуждый всякой мелочности, мелкаго самолюбія и тщеславія, покойный являлся залогомъ существованія самой автономіи Училища: въ его лицѣ воплощался тотъ академизмъ, который дѣлалъ его одинаково близкимъ и понятнымъ какъ профессорамъ, такъ и студентамъ. Не разъ послѣ выборовъ коллегія въ лицѣ своихъ заслуженныхъ профессоровъ выражала ему свою признательность за укрѣпленіе началъ автономіи, благодарила за устраненіе треній между старшими и младшими преподавателями, за проведеніе принципіально важныхъ вопросовъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. На единодушныя привѣтствія А. П. всегда отвѣчалъ привѣтливой улыбкой, говоря, что онъ лично ничего не сдѣлалъ, а если что и вышло хорошее, то благодаря лишь участію всѣхъ членовъ коллегіи. Въ этихъ словахъ выявляется нынѣ все его огромное значеніе въ жизни Училища: соединить воедино всѣ отдѣльныя силы и направить ихъ въ общее русло. Этимъ постояннымъ его заботамъ и обязано Техническое Училище своимъ высокимъ положеніемъ, которое оно нынѣ занимаетъ среди высшихъ учебныхъ заведеній Россіи. Въ этомъ отношеніи немало содѣйствовалъ покойный и какъ профессоръ. Его ученики высоко цѣнятъ его глубокое проникновеніе въ техническія науки механическаго отдѣленія. Его трезвый взглядъ на задачи инженера и на важность всесторонней подготовки молодыхъ инженеровъ являлся краеугольнымъ камнемъ въ постановкѣ порученныхъ ему предметовъ. Даже значительное увеличеніе обязанностей по должности директора Училища не помѣшало ему вести свою излюбленную манеру преподаванія — заниматься съ каждымъ студентомъ въ отдѣльности, считаясь съ индивидуальными способностями каждаго изъ нихъ. Его обширныя руководства по технологіи металловъ и дерева, по паровымъ котламъ хорошо извѣстны каждому русскому инженеру. Его методъ преподаванія проектированія на механическомъ отдѣленіи Техническаго Училища нашелъ себѣ общее примѣненіе и поставилъ тѣмъ самымъ Техническое Училище на первое мѣсто.

Еще не хочется вѣрить въ утрату этого благороднаго, гуманнаго человѣка, чтобы подводить итогъ его дѣятельности. Вліяніе этой жизни никогда не умретъ не только въ стѣнахъ Императорскаго Техническаго училища, но и въ отдаленнѣйшихъ углахъ великой Россіи.

„Гол. Москвы", № 108, 1914 г. *Е. Г. Кестнеръ.*

ИЗЪ ХРОНИКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА И ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО О-ВА.

ПРОТОКОЛЪ ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ЗАСѢДАНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА 10 МАЯ, 1914 г.

Присуствовали: А. И. Астровъ, Н. А. Васильевъ, Н. Е. Жуковскій, С. П. Ланговой, П. П. Петровъ, М. П. Прокунинъ, Б. И. Угримовъ, Н. Ф. Чарновскій, А. Е. Чичибабинъ, В. В. Шарвинъ и многіе преподаватели.

Ст. I. Предсѣдательствующій, Помощникъ Директора А. И. Астровъ довелъ до свѣдѣнія Учебнаго Комитета о кончинѣ Директора И. М. Т. У-ща Александра Павловича Гавриленко и предложилъ почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено.

Постановили: Въ виду долголѣтней и выдающейся дѣятельности А. П. Гавриленко, Учебный Комитетъ считаетъ необходимымъ принять похороны его на счетъ Училища, ассигновавъ на этотъ предметъ 1000 рублей.

Ст. 2. Поступили заявленія отъ Московскаго Коммерческаго Института, отъ Политехническаго Общества и отъ Общества надзора за паровыми котлами о томъ, что они также ассигнуютъ средства на похороны А. П. Гавриленко. Поступили также заявленія отъ студенческихъ организацій, о томъ, что онѣ своимъ трудомъ и средствами хотятъ принять участіе въ организаціи похоронъ. Для ближайшей организаціи похоронъ избрана комиссія въ составѣ А. И. Астрова, В. В. Зворыкина, К. А. Круга, В. И. Ясинскаго, В. Е. Павлова,

Н. Н. Шварцвана, Д. И. Виноградова. Въ комиссію должны также войти представители тѣхъ учрежденій, которыя ассигнуютъ средства на похороны, а также представители студенческихъ организацій.

СОСТАВЪ КОМИССІИ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПОХОРОНЪ А. П. ГАВРИЛЕНКО.

Н. Н. Вашковъ, Б. И. Угримовъ, В. И. Ясинскій, К. В. Киршъ, П. П. Розановъ, Д. И. Виноградовъ К. А. Кругъ, Н. Е. Жуковскій, В. Е. Павловъ, Н. Н. Шварцманъ, В. В. Зворыкинъ, Н. К. Лахтинъ, Н. Ф. Чарновскій, А. И. Астровъ, И. И. Ветчинкинъ, И. П. Валевахинъ, С. И. Шабаровъ, Н. А. Алексѣевъ, П. Н. Бочаровъ, С. Н. Литковъ; студенты: Ковалевъ, Сбитневъ, Соколовъ, Фестеръ, Федотовъ, І. И. Васильевъ, В. Н. Литковъ.

ПРОТОКОЛЪ ЭКСТРЕННАГО ЗАСѢДАНІЯ СОВѢТА ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО О-ВА 10 МАЯ, 1914 г., ВЪ 7 ЧАС. ВЕЧЕРА, ВЪ АКТОВОМЪ ЗАЛѢ И. Т. У.

Предсѣдательствуетъ *Н. Н. Вашковъ;* присутствуютъ: К. В. Киршъ, В. М. Чаплинъ, В. В. Зворыкинъ, П. П. Розановъ, П. А. Велиховъ и Д. И. Виноградовъ.

1. Предсѣдательствующій выражаетъ глубокую скорбь собравшихся по поводу кончины предсѣдателя О-ва А. П. Гавриленко и предлагаетъ почтить память почившаго вставаніемъ, что и было исполнено присутствующими; Н. Н. Вашковъ полагаетъ, что Полит. О-во не забудетъ завѣтовъ покойнаго и увѣковѣчитъ его память особымъ засѣданіемъ и особыми изданіями, а также учредитъ и капиталъ его имени. Настоящее же засѣданіе имѣетъ цѣлью принятіе экстренныхъ мѣръ, вызванныхъ кончиною.

2. Секретарь читаетъ §§ 28, 33 и др. устава П. О., изъ которыхъ ясно, что предсѣдатель О-ва можетъ быть избранъ лишь на Годичномъ Собраніи О-ва; въ случаѣ его отсутствія обязанности его исполняетъ вице-предсѣдатель. Постановлено: возложить обязанности

предсѣдателя О-ва, впредь до Годичнаго Собранія 1915 г., на вице-предсѣдателя О-ва Н. Н. Вашкова.

3 Разсматривается вопросъ о „Б. П. О.“, редактированіе которыхъ велось покойнымъ А. П. единолично. Постановлено: передать редактированіе, впредь до избранія новаго лица для выполненія обязанностей редактора, также вице-предсѣдателю О-ва Н. Н. Вашкову.

4. Для принятія дѣлъ по О-ву у семьи покойнаго А. П. постановлено: уполномочить (предположительно) вице-предсѣдателя и секретаря О-ва.

5. О вступленіи въ исполненіе обязанностей предсѣдателя О-ва вице-предсѣдателя Н. Н. Вашкова постановлено немедленно извѣстить банки, съ которыми имѣетъ дѣло О-во, съ указаніемъ подписей—его, казначея и секретаря О-ва.

6. Разсмотрѣнъ вопросъ объ организаціи общественныхъ похоронъ А. П.

Учебный Комитетъ И. Т. У. назначилъ особую Комиссію, въ которую, кромѣ нѣсколькихъ преподавателей Училища, вошли представители студентовъ училища, а также представители Коммерческаго Инст., Полит. О-ва и О-ва вспомощ. нуждающимся студ. И. Т. У.

Постановлено: принять участіе въ организаціи общественныхъ похоронъ А. П., ассигновавъ въ распоряженіе комиссіи, учрежденной Учеб. Комит. И. Т. У., 500 руб.; уполномочить вице-предсѣдателя и секретаря О-ва войти въ составъ этой комиссіи, назначить панихиду для членовъ П. О. въ 8 час. веч. въ понедѣльникъ 12-го мая; одобрить расходы секретаря О-ва на публикаціи въ газетахъ (на сумму до 50 руб.) и на вѣнокъ (50 р.) съ надписью на лентахъ: „Политехническое О-во своему незабвенному предсѣдателю“; одобрить дѣйствія секретаря, телеграфно извѣстившаго о смерти А. П. болѣе значительныя)не Московскія) группы инженеровъ И. Т. У.

7. Постановлено: для утвержденія перечисленныхъ мѣропріятій и обсужденія вопроса объ увѣковѣченіи памяти А. П. Гавриленко въ П. О. назначить Обыкновенное Собраніе О-ва 16 мая 1914 г.

Вице-предсѣдатель *Н. Н. Вашковъ.*

Секретарь *Д. И. Виноградовъ.*

ПРОТОКОЛЪ ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ЗАСѢДАНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА 12 МАЯ, 1914 г.

Предсѣдательствовалъ Помощникъ Директора А. И. Астровъ.

Присутствовали: члены Учебнаго Комитета: Н. А. Васильевъ, П. А. Велиховъ, Н. Е. Жуковскій, А. В. Кузнецовъ, С. П. Ланговой, П. П. Петровъ, М. П. Прокунинъ, А. И. Сидоровъ, Б. И. Угримовъ, П. К. Худяковъ, Н. Ф. Чарновскій, А. Е. Чичибабинъ, В. В. Шарвинъ; приглашенные преподаватели и лаборанты: Л. Г. Киферъ, Н. К. Лахтинъ, В. В. Зворыкинъ, Е. Г. Кестнеръ, В. Е. Павловъ, И. С. Кустовъ, І. П. Залѣсскій, Р. В. Поляковъ, Л. П. Смирновъ, Ф. К. Герке, А. С. Бриткинъ, И. Е. Михалевскій, Ѳ. В. Церевитиновъ, Н. И. Вѣнковъ, П. П. Розановъ, А. Н. Долговъ, К. Н. Горскій, Г. И. Лукьяновъ, К. И. Шенферъ, Д. И. Виноградовъ, И. А. Калинниковъ, С. П. Финиковъ, Б. С. Зерновъ, А. А. Зерновъ, А. А. Гетье, А. П. Поляковъ, А. П. Величковскій, А. М. Бочваръ, А. Н. Шустовъ, Я. М. Катушевъ.

Обязанности Секретаря исполнялъ ад.-проф. Б. И. Угримовъ.

Засѣданіе открылось въ $8^1/_2$ час. вечера предложеніемъ проф. А. И. Астрова почтить вставаніемъ память скончавшагося Директора А. П. Гавриленко. Было подтверждено постановленіе предыдущаго засѣданія отъ 10-го мая о томъ, чтобы похороны А. П. Гавриленко были приняты на счетъ Училища, для чего ассигновать 1000 рублей и возбудить соотвѣтствующее ходатайство. Рѣшено выразить соболѣзнованіе семьѣ почившаго. Доложены и заслушаны телеграммы, полученныя Училищемъ по поводу незамѣнимой утраты Училища. Е. Г. Кестнеръ высказался за желательность повѣсить портретъ А. П. Гавриленко въ актовомъ залѣ. Проф. С. П. Ланговой и преп. Л. П. Смирновъ предложили учредить въ память Александра Павловича комнату въ санаторіи для больныхъ студентовъ. Всѣ эти предложенія должны быть обсуждены предстоящею осенью въ связи съ вопросомъ объ увѣковѣченіи памяти скончавшагося.

Разсматривался вопросъ объ измѣненіи расписанія экзаменовъ въ связи со смертью и похоронами А. П. Гавриленко. Незаконченныя покойнымъ испытанія студентовъ по курсу паровыхъ котловъ рѣшено

предложить закончить преподавателямъ проектированія паровыхъ котловъ на Механическомъ Отдѣленіи и П. П. Розанову на Химическомъ Отдѣленіи. Студенты, сдававшіе у проф. А. П. Гавриленко въ частные сроки экзамены по его предметамъ, безъ различія — въ полномъ объемѣ или отчасти, извѣщаются, что полученныя ими отмѣтки будутъ зачтены. О порядкѣ установленія, кто именно и сколько сдалъ, будетъ объявлено. Экзаменъ по паровымъ котламъ для студентовъ механиковъ въ маѣ мѣсяцѣ состоится только для тѣхъ, кому полученіе отмѣтки по этому предмету необходимо для того, чтобы открыть доступъ къ слѣдующей работѣ. Для остальныхъ экзаменъ по этому предмету относится на осень, при чемъ студенты приглашаются къ этому сроку привести въ ясность полученныя ими у проф. Гавриленко частныя отмѣтки. Экзаменъ по паровымъ котламъ для студентовъ Химическаго Отдѣленія состоится въ назначенный срокъ и будетъ произведенъ П. П. Розановымъ. По всѣмъ отдѣламъ технологіи экзаменъ состоится также въ назначенный срокъ и будетъ произведенъ Н. Ф. Чарновскимъ совмѣстно съ Р. В. Поляковымъ. По отношенію ко всѣмъ проектамъ, исполнявшимся подъ руководствомъ проф. А. П. Гавриленко, предлагается: въ случаяхъ неотложныхъ обращаться за руководствомъ къ другимъ руководителямъ соотвѣтствующихъ проектовъ. Проекты законченные представляются въ комиссіи для осмотровъ и сопровождаются письменными указаніями самихъ студентовъ о времени, когда ими получено заданіе, о томъ, пользовались ли, а также, по возможности, въ какой мѣрѣ указаніями проф. Гавриленко. Въ тѣхъ случаяхъ, когда окончаніе работы требуетъ еще существенной помощи со стороны руководителя и если льготный семестръ еще не истекъ, студентамъ предлагается вписаться на осенній семестръ въ группы другихъ руководителей и, совмѣстно съ послѣдними, установить, надлежитъ ли заканчивать начатое заданіе или слѣдуетъ взять новое. При этомъ студенты пусть имѣютъ въ виду, что будетъ сдѣлано все возможное и цѣлесообразное, чтобы безвременная кончина проф. А. П. Гавриленко не принесла имъ ущерба по отношенію къ выполненію работы.

Е. Г. Кестнеръ произноситъ рѣчь о томъ великомъ духовномъ наслѣдіи, которое оставилъ покойный въ создавшемся укладѣ Училища, и проситъ старѣйшихъ дѣятелей Училища П. К. Худякова, Н. Е. Жуковскаго, Я. Я. Никитинскаго, П. П. Петрова, А. И. Астрова и В. И. Гриневецкаго сохранить традиціи Училища. Н. К. Лахтинъ указываетъ,

что онъ вѣритъ въ безсмертіе духа усопшаго и, потому, вѣритъ, что и всѣ его добрыя начинанія не умрутъ, а будутъ жить вѣчно.

Разсмотрѣніе всѣхъ очередныхъ вопросовъ повѣстки отложено въ знакъ траура до слѣдующаго засѣданія.

ПРОТОКОЛЪ ОБЫКНОВЕННАГО СОБРАНІЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО О-ВА

16 МАЯ, 1914 г.

Предсѣдательствуетъ вице-предсѣд. О-ва Н. Н. Вашковъ. Присутствуютъ 77 дѣйств. членовъ О-ва, 1 чл.-сотрудн. и 6 гостей.

Предсѣдательствующій, сообщая, что настоящее собраніе созвано для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ безвременной кончиной предсѣдателя О-ва А. П. Гавриленко, приглашаетъ присутствующихъ почтить его память вставаніемъ, что и было исполнено.

1. Затѣмъ Н. Н. Вашковъ докладываетъ о мѣрахъ, принятыхъ экстреннымъ засѣданіемъ Совѣта П. О. 10-го мая, 1914 г. (см. протоколъ засѣд. Совѣта).

Секретарь разсказываетъ объ организаціи общественныхъ похоронъ А. П., о роли и поведеніи студенчества И. Т. У., желавшаго совершенно особенно отмѣтить свою любовь къ покойному, о работахъ Комиссіи, назначенной Уч. Комит. И. Т. У., и распорядительнаго Комитета (въ составѣ А. И. Астрова, Н. Н. Шварцмана и Д. И. Виноградова); далѣе Д. И. Виноградовъ говоритъ о выраженіяхъ сочувствія, полученныхъ О-вомъ, и читаетъ рядъ телеграммъ и писемъ (текстъ ихъ будетъ помѣщенъ въ спеціальномъ № „Б. П. О“.).

Постановлено:

a) возложить исполненіе обязанностей предсѣдателя О-ва, согласно уставу, впредь до годичнаго собранія, на вице-предсѣд. О-ва Н. Н. Вашкова;

b) утвердить ассигнованіе: на организацію похоронъ А. П. въ распоряженіе Уч. Комит. И. Т. У. 500 р., на вѣнокъ 50 р., панихиду — 30 р. и на публикаціи и телеграммы—108 руб. 65 коп.;

c) поручить Совѣту О-ва принять дѣла О-ва отъ семьи покойнаго А. П. Гавриленко;

d) благодарить Совѣтъ О-ва и, въ частности, Н. Н. Вашкова и Д. И. Виноградова за ихъ труды въ эти тяжелыя для О-ва минуты.

2. Предсѣдатель говоритъ по вопросу объ организаціи изданія „Б. П. О“. Изданіе велось А. П. единолично, теперь своевременный выпускъ очередныхъ №№ особенно труденъ въ виду того, что Редакціонный Комитетъ, намѣченный Годичнымъ Собраніемъ, соберется только осенью.

Постановлено: издать № 5 (майскій) „Б. П. О“. такъ, какъ онъ былъ подготовленъ А. П., дополнивъ его только портретомъ А. П. и сообщеніемъ о его кончинѣ; издать одинъ или нѣсколько №№ „Б. П. О“., посвященныхъ памяти покойнаго, и, если окажется возможнымъ, отдѣльный сборникъ—съ тою же цѣлью. Очередные №№ „Б. П. О“., по возможности, выпустить, поручивъ это Совѣту О-ва (Е. Г. Кестнеръ заявляетъ, что весь № 6 „Б. П. О“. предполагалось занять его статьей; В. И. Ясинскій говоритъ, что матеріала много и на дальнѣйшіе №№).

3. Для составленія траурныхъ №№ и сборника назначается Комиссія въ составѣ членовъ Совѣта О-ва, а также П. А. Богданова, А. Г. Розенблюма, Н. М. Щапова, Р. В. Полякова, П. Н. Бочарова, А. Н. Державина, Л. Г. Кифера, П. К. Худякова, Ф. А. Данилова и Г. А. Якобсона.

4. Предсѣдатель ставитъ на обсужденіе вопросъ объ увѣковѣченіи памяти А. П. въ Полит. О-вѣ.

Послѣ обмѣна мнѣній постановлено:

a) помѣстить портретъ А. П. въ залѣ засѣд. Совѣта П. О.;

b) въ день кончины ежегодно служить панихиду на его могилѣ;

c) учредить медаль имени А. П. Гавриленко въ П. О., выдаваемую ежегодно за лучшую работу по техникѣ (предложеніе Е. Г. Кестнера);

d) организовать осенью (приблизительно въ октябрѣ) торжественное засѣданіе, посвященное памяти покойнаго.

Вносятся предложенія:

О постановкѣ памятника на могилѣ А. П. (М. П. Прокунинъ и др.);

объ учрежденіи одной или нѣсколькихъ стипендій для сиротъ членовъ Полит. О-ва;

объ учрежденіи капитала при И. Т. У., изъ котораго выдавались бы пособія на лѣченіе студентовъ, тяжко больныхъ (предложеніе Е. Г. Кестнера);

о немедленномъ сборѣ въ особый фондъ для увѣковѣченія памяти А. П. (П. А. Богдановъ, В. М. Чаплинъ, В. В. Зворыкинъ и др.).

Предсѣдатель по вопросу о памятникѣ заявляетъ, что въ Ко-

миссіи по организаціи похоронъ А. П. высказывалось мнѣніе, чтобы остатокъ суммъ, назначенныхъ на похороны, ассигнованъ былъ на памятникъ, почему Н. Н. Вашковъ и предлагаетъ вопросъ этотъ отложить до выясненія оставшейся суммы.

Собраніе, признавая желательнымъ устройство памятника, постановляетъ — вопросъ о средствахъ на это и друг. детали обсудить по полученіи справки отъ Совѣта о положеніи дѣла.

Относительно другихъ, упомянутыхъ выше, предложеній постановлено:

e) немедленно приступить къ сбору пожертвованій въ особый фондъ на увѣковѣченіе памяти А. П. Гавриленко въ П. О., при чемъ къ осени должна быть сдѣлана сводка заявленій членовъ о назначеніи фонда и доложена одному изъ осеннихъ собраній О-ва;

g) желательно пріобрѣсти кинематографическую фильму похоронъ А. П. въ собственность Полит. О-ва.

5. Н. Н. Вашковъ, закрывая собраніе, говоритъ, что, соглашаясь баллотироваться на должность вицепредсѣдателя О-ва, онъ совершенно не имѣлъ въ виду, что на него ляжетъ такое бремя, какъ исполненіе почти въ теченіе года обязанностей предсѣдателя; тѣмъ не менѣе, онъ приложитъ всѣ свои силы къ выполненію обязанностей и расчитываетъ въ этомъ отношеніи на поддержку членовъ О-ва.

Въ Собраніи О-ва 16-го мая поступило, по подписному листу, пожертвованій отъ присутствовавшихъ въ особый фондъ для увѣковѣченія памяти А. П. Гавриленко 2260 руб.: Н. Вашковъ 25 р., Д. Виноградовъ 25, В. Зворыкинъ 100 (2 пая Д. П. О.), М. Эпштейнъ 100, В. Чаплинъ 300, М. Цоллеръ 100, А. Устрицевъ 200, Б. Стюнкель 25, С. Кричевскій 25, П. Богдановъ 50, Е. Кестнеръ 25, А. Долговъ 50, Н. Шевелевъ 25, В. Барбашевъ 25, А. Алексѣевъ 25, Д. Вѣниковъ 50, В. Ганешинъ 25, І. Урысонъ 50, Е. Бѣлянинъ 25, С. Розенъ 25, Ю. Банковскій 25, Н. Михайловъ 50, В. Нефедьевъ 25, Н. Шевелевъ 100, Л. Боришанскій 25, С. Соколовъ 50, В. Ольденборгеръ 50, П. Бочаровъ 100, Д. Равдинъ 25, А. Розенблюмъ 100, А. Кондрашевъ 10, В. Кононовъ 5, Ѳ. Вонзблейнъ 15, М. Цейтлинъ 15, П. Никифоровъ 20, Н. Васильевъ 20, В. Жадинъ 10, Е. Шойгамъ 20, В. Цыдзикъ 20, С. Мокіевскій-Зубокъ 25, С. Шабаровъ 25, Р. Поляковъ 25, П. Розановъ 25, П. Кругъ 25, В. Ясинскій 25, И. Калинниковъ 25, К. Шенферъ 25, А. Державинъ 50, С. Киричко 50 (пай дома).

ПОРЯДОКЪ ПОХОРОНЪ *).

I. Во вторникъ, 13 мая, 1914 г., до 9 часовъ утра отъ воротъ, ведущихъ во дворъ Императорскаго Техническаго Училища, до подъѣзда Училища ставятся двѣ цѣпи студентовъ; онѣ пропускаютъ въ зданіе Училища лицъ, имѣющихъ пригласительные билеты для входа въ церковь Училища, а также членовъ депутацій учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, знавшихъ покойнаго лично; остальные участники похоронъ пропускаются во дворъ Училища.

Въ вестибюлѣ Училища помѣщаются члены преподавательской коллегіи Императорскаго Техническаго Училища, контролирующіе распредѣленіе пропущенныхъ въ зданіе Училища; лицъ, имѣющихъ билеты для входа въ церковь они пропускаютъ, не имѣющихъ таковыхъ они направляютъ въ актовый залъ Училища, въ коридоръ и чертежныя.

II. По окончаніи заупокойнаго служенія гробъ выносится родственниками и сослуживцами покойнаго во дворъ Училища, гдѣ совершается литія.

Траурная процессія строится въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) двѣ шеренги студентовъ по шести человѣкъ поперекъ улицы такъ, чтобы было занято менѣе половины ея ширины; отъ нихъ вдоль всей процессіи двойныя цѣпи студентовъ, охраняющихъ шествіе;

2) икона;

3) хоръ пѣвчихъ;

4) духовенство;

5) гробъ, который несутъ ученики покойнаго и студенты; по бокамъ гроба дополнительная цѣпь студентовъ;

*) Порядокъ, намѣченный Комиссіей по организаціи похоронъ. *Прим. Ред.*

6) семья и родственники покойнаго;

7) учебная коллегія Императорскаго Техническаго У-ща и Московскаго Коммерческаго Института;

8) делегаціи учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и студентовъ;

9) члены ученыхъ обществъ;

10) студенты;

11) прочіе участники;

12) катафалкъ;

13) карета съ фельдшеромъ и медикаментами;

14) экипажи.

III. Процессія слѣдуетъ изъ воротъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища по: Бригадировскому пер., Нѣмецкой ул., Денисовскому пер., Гороховскому пер., Старой Басманной ул., Садовой Черногрязской ул., Б. Харитоньевскому пер., М. Харитоньевскому пер., Мясницкой ул., Златоустинскому пер., Георгіевскому пер., Лубянскому проѣз., Китайскому проѣз., Лубянской площ., Театральному проѣз., Театральной площ., Воскресенской площ., проѣз. Историческ. музея, Красной площ., Васильевской площ., Москварѣцкому мосту, Балчугу, Чугунному мосту, Пятницкой ул., Валовой ул., Строченовскому пер., Стремянному пер., Вознесенскому пер., М. Серпуховской ул., Арсеньевскому пер., Хавской ул., Варваринскому пер., Шаболовкѣ, 1-му Донскому проѣзду, Донской площ., къ воротамъ Донского монастыря.

Литіи совершаются въ слѣдующихъ мѣстахъ: во дворѣ Императорскаго Техническаго Училища; передъ зданіемъ Общежитія студентовъ Училища (уголъ Бригадир. пер. и Коров. брода); передъ домомъ Политехническаго Общества (Малый Харитоньевскій пер.); передъ зданіемъ Музея Прикладныхъ Знаній (Шиповскій проѣз.); передъ зданіемъ Городской Думы (Воскресенская площ.); передъ зданіемъ Московскаго Коммерческаго Института (Стремян. пер.) и на могилѣ.

IV. На кладбищѣ Донского монастыря заблаговременно устанавливаются цѣпи студентовъ, охраняющихъ свободный проходъ къ могилѣ; при приближеніи похоронной процессіи эти цѣпи смыкаются съ цѣпями, охраняющими процессію. Послѣ совершенія литіи и преданія тѣла землѣ произносятся рѣчи: представителемъ Императорскаго Техническаго Училища, заслуженнымъ профессоромъ Н. Е. Жуковскимъ; представителемъ Московскаго Коммерческаго Института, однимъ изъ профессоровъ Института; представителемъ Политехническаго Общества,

инженеромъ А. Н. Державинымъ (предположительно); представителемъ Общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго Техническаго Училища (однимъ изъ членовъ Комитета), и представителями студентовъ Московскаго Императорскаго Техническаго Училища (не болѣе трехъ).

V. За порядкомъ во время похоронъ наблюдаетъ Комитетъ, состоящій изъ: помощника директора Императорскаго Техническаго Училища, профессора А. И. Астрова, секретаря Общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго Техническаго Училища, преподавателя Н. Н. Шварцмана, и секретаря Политехническаго Общества, преподавателя Императорскаго Московскаго Техническаго Училища, Д. И. Виноградова.

Часть III.

ГОДОВЩИНА КОНЧИНЫ.

ПРОТОКОЛЪ

ТОРЖЕСТВЕННАГО ЗАСѢДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА И ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ПОСВЯЩЕННАГО ПАМЯТИ ПОЧИВШАГО ДИРЕКТОРА УЧИЛИЩА И ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА, АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ГАВРИЛЕНКО, 17 МАЯ, 1915 Г. ВЪ $7^1/_2$ ЧАС. ВЕЧ. ВЪ ПОМѢЩЕНІИ И. М. Т. У.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Почетные члены Политехническаго Общества:

А. И. Астровъ, П. А. Велиховъ, В. И. Гриневецкій, Н. Е. Жуковскій, К. В. Киршъ, П. П. Лазаревъ, М. П. Прокунинъ, А. И. Сидоровъ, Б. И. Угримовъ, Н. Ф. Чарновскій, В. В. Шарвинъ и А. Н. Шиловъ.

Дѣйствительные члены:

Н. Шварцманъ, А. Ставровскій, А. Милюковъ, В. Цыдзикъ, С. Данцигеръ, Н. Шевелевъ, Н. Брызгаловъ, В. Павловъ-Серебряковъ, С. Хржановскій, П. Розановъ, А. Кремеръ, Я. Перельштейнъ, Н. Вишневецкій, А. Князевъ, Я. Звягинскій, М. Пахомовъ, Р. Поляковъ, С. Соколовъ, А. Державинъ, А. Филатовъ, М. Цоллеръ, В. Чаплинъ, В. Залѣсскій, К. Чаадаевъ, І. Залѣсскій, П. Смирновъ, И. Валевахинъ, А. Поляковъ, М. Эпштейнъ, В. Худяковъ, Я. Катушевъ, К. Гордонъ, В. Грибановъ, А. Авенаріусъ, С. Батмановъ, К. Городской, И. Пысинъ, К. Шенферъ, В. Малининъ, В. Барбашевъ, М. Цейтлинъ, В. Камзолкинъ, С. Киричко, П. Войтеховъ, В. Игумновъ, С. Ладыгинъ, І. Грингаузъ, И. Калинниковъ, В. Эттемъ, Г. Васильевъ, Н. Рубцовъ, Н. Петровъ, А. Шахно, Н. Брилингъ, Л. Рамзинъ, А. Долговъ, А. Шустовъ, Н. Вѣнковъ, Ѳ. Вонзблейнъ, Н. Вашковъ, И. Ишунинъ, Н. Лахтинъ, Д. Вѣниковъ, Ф. Бузниковъ, В. Кононовъ, А. Ровенскій, І. Урысонъ, С. Розенъ, И. Коганъ, Н. Эшлиманъ, А. Донде, Г. Николаенко, В. Листъ, Л. Боришанскій, А. Курицынъ, В. Жадинъ, В. Федоровъ, А. Предтеченскій, Ф. Бальсонъ, С. Чернышевъ, А. Бунинъ, Х. Кривоносовъ, Ф. Даниловъ, Д. Виноградовъ, В. Епанешниковъ, Ф. Герке, Е. Мазингъ, С. Харичкинъ, Н. Марть-

яновъ, А. Толоконниковъ, П. Васильевъ, А. Вессель, И. Тереховъ, С. Фриденсонъ, Н. Полянскій, Д. Равдинъ, Ю. Бонковскій, И. Эгизъ, С. Шабаровъ, Н. Булашевичъ, В. Румянцевъ, М. Поливановъ.

Депутаціи:

Служащихъ Городского Управленія и постояннаго Бюро водопроводныхъ съѣздовъ, Императорскаго Московскаго Университета, Коммерческаго Института, Сельскохозяйственнаго Института, Института Инженеровъ Путей Сообщенія, Городского Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго, Общества Московскаго Научнаго Института Томскаго Технологическаго Института, Императорскаго Строгановскаго Промышленнаго Училища, Императорскаго Общества Испытателей природы, Общества Воздухоплаванія, Общества имени, Х. С. Леденцова, Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Московское Отдѣленіе), Общества Испытанія матеріаловъ, Общества Электротехниковъ, Общества для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности, Общества Технологовъ въ Петроградѣ, Кружка Технологовъ Московскаго района, Совѣта Общества Рижскихъ Политехниковъ, Бюро Объединенныхъ техническихъ организацій, Студенческихъ организацій И. М. Т. У.

Семья покойнаго.

Студенты Императорскаго Московскаго Техническаго Училища въ количествѣ 265 человѣкъ и 62 гостя.

Засѣданіе было открыто предсѣдателемъ Политехническаго Общества, директоромъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища проф. В. И. Гриневецкимъ.

Проф. В. И. Гриневецкій произнесъ слѣдующую вступительную рѣчь:

„Кончина того, чью память мы сегодня торжественно чтимъ, нашла широкій откликъ во всѣхъ техническихъ кругахъ и въ обществѣ. Русская общественность знаетъ и чтитъ своихъ вождей и борцовъ, своихъ учителей въ жизни, литературѣ и наукѣ. Принадлежалъ ли къ такимъ людямъ покойный Александръ Павловичъ? По своимъ личнымъ даннымъ онъ могъ бы быть вождемъ: онъ обладалъ сильной волей и могъ импонировать людямъ, могъ воздѣйствовать на ихъ волю. Большую часть жизни провелъ онъ въ тѣснѣйшей связи съ высшей школой и могъ быть учителемъ: онъ обладалъ сильной логикой и съ своимъ яснымъ умомъ могъ легко критиковать и убѣ-

ждать людей, могъ воздѣйствовать на ихъ умъ. Стремился ли Александръ Павловичъ къ тому, чтобы быть вождемъ и учителемъ? На этотъ вопросъ можно безъ колебаній отвѣтить — нѣтъ. Обладая богатыми къ тому данными, онъ все-таки менѣе всего стремился воздѣйствовать на волю и умъ окружающихъ, на всю ихъ индивидуальность; онъ, оставаясь самъ духовно свободнымъ, и въ людяхъ и въ своемъ отношеніи къ нимъ выше всего ставилъ эту свободу. Это-то и мѣшало ему быть вождемъ и учителемъ въ мѣру своихъ личныхъ качествъ. Если онъ все-таки былъ таковымъ, — то лишь постольку, поскольку на людей оказываютъ вліяніе не принужденіе и убѣжденіе, а примѣръ и показъ. А этого пока еще недостаточно вездѣ, и всего менѣе умѣемъ цѣнить это мы въ Россіи, но отчасти сумѣло оцѣнить это наше студенчество. Кѣмъ же былъ Александръ Павловичъ въ своей общественной дѣятельности? Онъ былъ работникомъ въ чистомъ значеніи этого слова, и вся его психологія удивительно отвѣчала такому типу дѣятеля. Практическую цѣль, результатъ дѣятельности онъ ставилъ всегда выше формальныхъ соображеній, но шелъ къ этому результату всегда прямыми путями. Трудно найти другого дѣятеля, который бы такъ послѣдовательно направлялся въ своихъ поступкахъ тѣмъ началомъ, что „суббота“ существуетъ для человѣка, а не человѣкъ — для „субботы“. Это основное свойство Александра Павловича придавало ему исключительную мягкость въ отношеніяхъ съ людьми и облегчало ему мирное и плодотворное разрѣшеніе иногда весьма запутанныхъ и острыхъ вопросовъ. Какова же общественная цѣнность такого дѣятеля-работника? Никому другому, какъ техникамъ, не можетъ быть столь ясно, какъ велико разстояніе между идеей, затѣмъ проектомъ и, наконецъ, законченнымъ созданіемъ; это разстояніе заполняется дѣятельностью работника. И въ общественной жизни между тѣмъ, чтобы указать и направить, затѣмъ научить и, наконецъ, — достигнуть, претворить въ жизнь — разстояніе большое вездѣ и еще большее у насъ въ Россіи, гдѣ условія общественной работы крайне тяжелы. Александръ Павловичъ дѣйствовалъ на общественномъ полѣ въ предшествовавшее двадцатилѣтіе, въ переходное время, когда пережитки крѣпостной старины колебались, когда выростали новыя соціальныя группы и проявлялись новыя общественныя силы, когда складывались новыя формы для общественной и государственной работы, когда закладывался фундаментъ той новой Россіи,

которой суждено выступить на историческую сцену послѣ настоящей войны. Это время было временемъ подготовки силъ, созиданія и отчасти разрушенія формъ жизни, работники были ему не менѣе нужны, чѣмъ вожди и учителя. Въ Политехническомъ Обществѣ и Императорскомъ Техническомъ Училищѣ въ томъ періодѣ шла также большая работа формированія прежняго и созиданія новаго. Всякая общественная работа, какъ и механическая, сопровождается вредными сопротивленіями; немало было ихъ и здѣсь, но нельзя было бы найти другого человѣка, который могъ бы такъ ослаблять вредныя сопротивленія и такъ повышать продуктивность работы, какъ то сдѣлалъ Александръ Павловичъ въ обоихъ учрежденіяхъ, избравшихъ его своимъ главой. Нужно отдать должное проницательности Политехническаго Общества и Учебнаго Комитета Императорскаго Техническаго Училища, сразу и безъ колебаній избравшихъ въ нужное время настоящаго человѣка на настоящее дѣло. И если всегда тяжело терять большого работника, а теперь съ предстоящимъ освобожденіемъ творческихъ силъ Россіи — особенно, то горечь утраты Александра Павловича смягчается для насъ сознаніемъ того, что въ рядахъ Политехническаго Общества и среди преподавателей Императорскаго Техническаго Училища такой большой работникъ въ нужное время оказался и что обстоятельства сложились для него такъ счастливо, что свою большую работу онъ могъ совершить, сопровождаемый общимъ уваженіемъ и сотрудничествомъ, съ меньшей долей разочарованій и неудачъ, чѣмъ это является обычнымъ для русскаго общественнаго работника. Да будетъ жива навсегда въ Политехническомъ Обществѣ и здѣсь, въ дорогомъ намъ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ, память объ Александрѣ Павловичѣ, какъ о большомъ общественномъ работникѣ!“

По окончаніи рѣчи былъ оглашенъ списокъ присутствующихъ депутацій и имъ было предоставлено слово.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ К. П. Карельскихъ.

К. П. КАРЕЛЬСКИХЪ: Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Въ 1887 году, во время постройки новаго Мытищенскаго водопровода, А. П. Гавриленко былъ приглашенъ на должность завѣдующаго эксплуатаціей городской сѣти трубъ Московскаго водопровода. Несмотря на свои молодые годы и начало своей практической дѣятельности, А. П. быстро вошелъ въ курсъ дѣла и въ теченіе 2 лѣтъ исполнялъ возложенныя на него обязанности съ большимъ успѣхомъ.

За этотъ короткій срокъ службы А. П. успѣлъ зарекомендовать себя хорошимъ техникомъ и отличнымъ товарищемъ, съ прямымъ, открытымъ характеромъ, что и считаю своею обязанностью засвидѣтельствовать отъ лица служащихъ Московскаго Городского Управленія. По оставленіи городской службы А. П. нѣкоторое время завѣдывалъ эксплуатаціей водопровода и канализаціи университетскихъ клиникъ на Дѣвичьемъ Полѣ, а затѣмъ принималъ участіе въ организаціи и дѣятельности русскихъ водопроводныхъ съѣздовъ. Четвертый русскій водопроводный съѣздъ, состоявшійся въ Одессѣ, единогласно избралъ А. П., въ засѣданіи 10 апрѣля 1898 г., на 4 года членомъ постояннаго Бюро. При участіи А. П. въ Бюро былъ разработанъ весьма важный вопросъ о нормировкѣ чугунныхъ водопроводныхъ трубъ и фасонныхъ частей, упорядочившій существовавшіе способы ихъ изготовленія и пріемки на заводахъ. Какъ одна изъ мѣръ усиленія дѣятельности водопроводныхъ съѣздовъ, при участіи А. П. былъ разработанъ вопросъ объ установленіи званія постоянныхъ членовъ русскихъ водопроводныхъ съѣздовъ, который, постепенно развиваясь, въ концѣ концовъ привелъ къ образованію мѣстныхъ группъ постоянныхъ членовъ, не мало способствующихъ разработкѣ очередныхъ вопросовъ обширнаго санитарно-техническаго дѣла. Наконецъ, третій вопросъ, также не менѣе важный, а именно, описаніе русскихъ водопроводовъ, былъ расширенъ собираніемъ свѣдѣній о канализаціи русскихъ городовъ. Упомяну также, что Всероссійскій Пожарный Съѣздъ, состоявшійся въ Москвѣ съ 1-го по 6-е апрѣля 1902 г., избралъ А. П. предсѣдателемъ секціи „Пожарная Техника“, и подъ его руководствомъ былъ заслушанъ цѣлый рядъ докладовъ, спеціально техническаго характера, изъ которыхъ наиболѣе важными являются доклады, посвященные вопросу о приспособленіи городскихъ водопроводовъ для обезпеченія городовъ въ пожарномъ отношеніи. Лично отъ себя позволяю себѣ добавить, что я лично познакомился съ А. П. въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, когда онъ былъ еще студентомъ Московскаго Императорскаго Техническаго Училища. Еще на школьной скамьѣ А. П. отличался недюжинными способностями, серьезностью и вдумчивостью, благодаря которымъ онъ всегда состоялъ въ разрядѣ лучшихъ по успѣхамъ студентовъ своего блестящаго курса и выпуска.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Императорскаго Московскаго Университета, проф. Н. Е. Жуковскому.

Н. Е. ЖУКОВСКІЙ: Мнѣ поручено принести соболѣзнованіе по поводу горестной утраты Императорскому Техническому Училищу и Политехническому Обществу отъ имени Императорскаго Московскаго Университета, отъ его математическаго факультета, отъ Общества Испытателей природы и Общества Воздухоплаванія, въ которыхъ покойный состоялъ членомъ съ самаго начала ихъ существованія.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Московскаго Коммерческаго Института, проф. П. П. Гензель.

П. П. ГЕНЗЕЛЬ: Московскій Коммерческій Институтъ поручилъ мнѣ выразить въ настоящемъ собраніи чувства глубочайшей скорби по поводу утраты такого человѣка и такого профессора, какимъ являлся А. П. Онъ вошелъ въ число первыхъ учителей Коммерческаго Института. Несмотря на то, что онъ былъ такъ безконечно занятъ своей административной дѣятельностью въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ Училищѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ учрежденій, тѣмъ не менѣе онъ посвятилъ Коммерческому Институту глубокое вниманіе. Достаточно припомнить, какъ усердно онъ посѣщалъ засѣданія Учебнаго Комитета и съ какимъ живымъ интересомъ онъ относился къ строенію новой школы. Достаточно указать, какъ А. П. за все это время относился къ своимъ занятіямъ и какъ онъ любилъ свою аудиторію. Онъ говорилъ намъ: „аудиторія эта мнѣ глубоко симпатична, я отдыхаю среди слушателей; они такъ стремятся къ знаніямъ, такъ внимательно ищутъ ихъ“ — и вотъ за эту его дѣятельность, за эти его слова мы должны быть необычайно ему благодарны. Мы цѣнимъ память этого человѣка, цѣнимъ выдающагося, талантливаго профессора, цѣнимъ также въ немъ нашего прекраснаго товарища, истиннаго друга учащейся молодежи, и мы цѣнимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ гуманнаго, добраго, милаго человѣка.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителямъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института проф. А. И. Астрову и И. П. Прокофьеву.

А. И. АСТРОВЪ: Совѣтъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института поручилъ намъ выразить здѣсь свое глубокое соболѣзнованіе Техническому Училищу и Политехническому Обществу по поводу постигшей ихъ годъ тому назадъ тяжелой утраты, какъ техникамъ, такъ и ученымъ и всей вообще преподавательской коллегіи. Студентамъ и семьѣ почившаго тяжела утрата, но нужно помнить завѣты его и быть бодрыми, какъ былъ бодръ тотъ, память котораго мы сегодня чтимъ.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Университета имени Шанявскаго, проф. А. А. Эйхенвальдъ.

А. А. ЭЙХЕНВАЛЬДЪ: Попечительный Совѣтъ Городского Народнаго Университета имени Шанявскаго поручилъ мнѣ присоединить наши горячія соболѣзнованія и искреннее чувство скорби на этомъ торжественномъ собраніи, посвященномъ памяти А. П.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Московскаго Научнаго Института, проф. П. П. Лазареву.

П. П. ЛАЗАРЕВЪ: Московскій Научный Институтъ просилъ меня передать чувства живѣйшей скорби по поводу утраты А. П., который являлся крупной величиной въ области техники и который объединилъ вокругъ себя какъ техниковъ, такъ и научныхъ дѣятелей.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Томскаго Технологическаго Института, А. П. Шахно.

А. П. ШАХНО: А. П. былъ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ и профессоромъ, но такихъ людей цѣнятъ не только въ центрѣ, но и на окраинахъ. Какъ представитель Томскаго Технологическаго Института, прошу принять наши соболѣзнованія по поводу кончины А. П.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Императорскаго Московскаго Строгановскаго Училища, П. П. Пашкову.

П. П. ПАШКОВЪ: Искусство и техника неразрывно связаны между собой, и успѣхъ въ дѣлѣ художественно-техническаго образованія всецѣло зависитъ отъ того, насколько удачно поставлены и гармонично разрѣшены задачи, какъ искусства, такъ и техники. Императорское Строгановское Промышленное Училище еще 10 лѣтъ тому назадъ, во время съѣзда дѣятелей по художественному и промышленному образованію въ Москвѣ, въ 1905 году, въ засѣданіи Комиссіи, гдѣ А. П. работалъ подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Чупрова, видѣло его отношеніе къ вопросамъ искусства, связаннымъ съ техникой, и въ настоящее время Строгановское Училище сочло своимъ нравственнымъ долгомъ присоединить и свой голосъ сочувствія въ утратѣ А. П., такъ беззавѣтно отдавшаго всего себя на служеніе своей родинѣ.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю О-ва содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ имени Х. С. Леденцова проф. И. А. Каблукову.

И. А. КАБЛУКОВЪ: Отъ О-ва содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ имени Леденцова имѣю честь выразить Императорскому Техни-

ческому Училищу и Политехническому О-ву искреннее сочувствіе въ постигшемъ ихъ горѣ, вызванномъ потерей славнаго директора, профессора и предсѣдателя. Покойный А. П. въ качествѣ члена Совѣта О-ва принималъ дѣятельное участіе въ развитіи Леденцовскаго О-ва съ самаго основанія его, и очеркъ его дѣятельности вы услышите отъ секретаря О-ва, профессора Н. Ф. Чарновскаго.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Императорского Русскаго Техническаго О-ва, П. П. Юреневу.

П. П. ЮРЕНЕВЪ: Въ переживаемые нами тяжелые дни, дни ужасающей переоцѣнки моральныхъ цѣнностей, въ дни, когда сила кулака пытается стать выше силы права, въ эти дни мысль наша съ особой любовью останавливается на воспоминаніи изъ области явленій противоположныхъ. Мысль обращается къ свѣтлой памяти почившаго А. П. Мы, ученики его, его друзья и товарищи по общей работѣ, его сограждане по великой родинѣ, почтимъ память его также, какъ борца, но борца за свободу науки, за свободу высшей русской школы, за свободу высокаго стремленія человѣческой мысли, и въ твердой надеждѣ на окончательную побѣду этихъ великихъ общеміровыхъ и нашихъ національныхъ началъ чтимъ память его. Но, потерявъ своего сотрудника, дружно сомкнемъ ряды свои, а ему да легка будетъ земля.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю О-ва Испытанія матеріаловъ, Н. К. Лахтину.

Н. К. ЛАХТИНЪ: Четверть вѣка тому назадъ я, молодой инженеръ, увидѣлъ начинающаго тогда, молодого инженера, А. П. Вмѣстѣ со своими питомцами, студентами Техническаго Училища, онъ посѣтилъ лабораторію Петроградскаго Института Путей Сообщенія. У меня сохранилась съ тѣхъ поръ карточка А. П., вмѣстѣ со студентами. То время и та обстановка для меня дороги и я берегу эту группу. Нужно отмѣтить дѣятельность А. П. въ области испытанія матеріаловъ, гдѣ имѣется американская машина его имени. Когда въ Москвѣ образовывалось Русское Общество Испытанія матеріаловъ, то А. П. первымъ долгомъ примкнулъ къ нему и занялъ мѣсто одного изъ самыхъ дѣятельныхъ работниковъ. Почтимъ память его и будемъ надѣяться, что онъ своей дѣятельностью будетъ служить намъ примѣромъ.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю О-ва для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности, проф. П. П. Петрову.

П. П. ПЕТРОВЪ: О-во для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности раздѣляетъ скорбь Императорскаго Техническаго Училища и Политехническаго Общества о потерѣ покойнаго незабвеннаго А. П. Несмотря на свои многочисленные труды по Техническому Училищу и Политехническому О-ву, А. П. находилъ возможность состоять и членомъ многихъ О-въ. Несмотря на небольшіе остатки своего времени, онъ всѣ ихъ отдавалъ научной и общественной дѣятельности. О-во для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности представляетъ собою одно изъ тѣхъ обществъ, которое пользовалось его трудами, и въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Общество наше чрезвычайно обязано А. П. развитіемъ своей дѣятельности. Я отъ имени этого Общества могу засвидѣтельствовать, что въ исторіи его память объ А. П. будетъ сохраняться на долгое время и что О-во считаетъ его однимъ изъ своихъ ревностныхъ дѣятелей.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Московскаго О-ва Электротехниковъ, М. К. Поливанову.

М. К. ПОЛИВАНОВЪ: Московское О-во Электротехниковъ поручило мнѣ передать Императорскому Техническому Училищу и Политехническому Обществу свое глубокое сожалѣніе объ утратѣ незабвеннаго А. П. и выражаетъ увѣренность, что память о немъ всегда будетъ жива.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю О-ва Технологовъ въ Петроградѣ, Н. Н. Вознесенскому.

Н. Н. ВОЗНЕСЕНСКІЙ: Правленіе Петроградскаго О-ва Технологовъ, высоко цѣня дѣятельность А. П., какъ выдающагося русскаго инженера и воспитателя инженеровъ, поручило мнѣ почтить память покойнаго и передать здѣсь московскимъ товарищамъ выраженіе своей глубокой скорби и глубокаго сочувствія въ незабываемой утратѣ.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Кружка технологовъ Московскаго района, С. И. Кричевскому.

С. И. КРИЧЕВСКІЙ: Кружокъ технологовъ Московскаго района вмѣстѣ съ Московскимъ Техническимъ Училищемъ и Политехническимъ О-вомъ удрученъ утратой выдающагося профессора, общественнаго дѣятеля и гражданина въ лицѣ А. П., и поручилъ мнѣ и присутствующимъ здѣсь моимъ товарищамъ выразить по этому поводу свое глубокое соболѣзнованіе.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Совѣта Общества Рижскихъ Политехниковъ, С. С. Гуревичу.

С. С. ГУРЕВИЧЪ: Московское О-во Рижскихъ Политехниковъ полагаетъ, что незабвенный А. П., какъ профессоръ, какъ личность и какъ техникъ, переросъ стѣны Московскаго Техническаго Училища, а потому онъ принадлежитъ не одному Моск. Технич. Училищу, но всѣмъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ и всѣмъ техникамъ Россіи. Онъ былъ роднымъ и нашему Рижскому Политехникуму и нашему Московскому О-ву Рижскихъ Политехниковъ, и потому мы пришли сюда въ это торжественное собраніе преклониться предъ святой памятью А. П. и выразить свое глубокое сочувствіе Моск. Техн. Училищу и Политехническому О-ву.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю Бюро объединенныхъ техническихъ организацій, П. П. Юреневу.

П. П. ЮРЕНЕВЪ: Бюро объединенныхъ техническихъ организацій поручило мнѣ выразить наше соболѣзнованіе по поводу тяжелой утраты въ лицѣ А. П. выдающагося дѣятеля и уважаемаго профессора.

Предсѣдатель: Слово принадлежитъ представителю студенческихъ организацій, студенту А. А. Стефанову.

А. А. СТЕФАНОВЪ: Я являюсь представителемъ слѣдующихъ студенческихъ организацій:

Научныхъ кружковъ: Автомобильнаго, Воздухоплавательнаго, Сахароваренного, Теплотехниковъ (почетн. членомъ котораго былъ А. П. Гавриленко), Химиковъ, Холодильнаго, Христіанскаго, Электротехниковъ; библіотеки и читальни; Бюро Труда; Издательскаго О-ва; землячествъ: Брянскаго, Воронежскаго, Иваново-Вознесенскаго, Калужскаго, Касимовскаго, Клинцовскаго, Костромского, Курскаго, Муромскаго, Нижегородскаго, Орловскаго, Пермскаго, Симбирскаго, Смоленско-Вяземскаго, Тверского, Тульскаго, Украинскаго; О-ва взаимопомощи бывшихъ Комиссаровцевъ; Польскаго Кружка Взаимопомощи; Кружка студентовъ евреевъ И. Т. У.; Кружка студентовъ, работающихъ въ санитарной группѣ.

Всѣ эти студенческія организаціи, крестнымъ отцомъ которыхъ былъ А. П. и защитѣ котораго онѣ обязаны своимъ существованіемъ въ стѣнахъ этого Училища, поручили мнѣ выразить отъ лица ихъ острое чувство скорби, вслѣдствіе тяжелой утраты дорогого, любимаго

учителя, директора, профессора и друга въ лицѣ А. П. Выражая эти чувства, мы не можемъ не сказать и о томъ, что память о немъ наполняетъ гордостью наши сердца.

Послѣ депутацій было прочитано письмо Дамскаго Комитета по буфету для студентовъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища, слѣдующаго содержанія:

„Дамскій Комитетъ по буфету для студентовъ Императорскаго Техническаго Училища вспоминаетъ съ чувствомъ глубокаго уваженія всегда отзывчивое и внимательное отношеніе покойнаго Александра Павловича къ тѣмъ многочисленнымъ и, часто, мелкимъ просьбамъ, съ которыми приходилось къ нему обращаться.

Эта черта въ отношеніи Главы Училища, обремененнаго массой серьезныхъ и отвѣтственныхъ дѣлъ по службѣ, къ такому скромному учрежденію, какъ студенческій буфетъ, заслуживаетъ быть отмѣченной здѣсь въ торжественномъ собраніи, посвященномъ чествованію памяти Александра Павловича; при этомъ Дамскій Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что имъ учреждается стипендія въ память покойнаго Александра Павловича преимущественно для дѣтей служащихъ въ Училищѣ, распоряженіе которой и предоставляетъ Учебному Комитету Училища“.

Затѣмъ оглашены были слѣдующія телеграммы профессора Деппа и проф. Чаплыгина отъ имени Совѣта и Физико-математическаго факультета Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

„Лишенный возможности присутствовать лично на сегодняшнемъ торжественномъ засѣданіи, прошу принять выраженіе солидарности въ оцѣнкѣ заслугъ незабвеннаго Александра Павловича, память свѣтлой личности котораго среди насъ не погаснетъ“.

Профессоръ *Деппъ*.

„Въ день воспоминаній о почившемъ Александрѣ Павловичѣ Гавриленко отъ имени Совѣта и Физико-математическаго факультета Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ выражаю Учебному Комитету чувства глубокаго и искренняго соболѣзнованія по поводу понесенной въ лицѣ покойнаго тяжелой и незабываемой утраты; память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, въ дни мира и въ дни тревоги

съ непоколебимымъ, олимпійскимъ спокойствіемъ охранявшемъ лучшія традиціи и принципы высшей школы, навсегда не омраченной сохранится въ сердцахъ всѣхъ, имѣвшихъ счастье его знать".

Чаплыгинъ.

Предсѣдатель: Если есть представители еще какихъ-нибудь общественныхъ организацій, которые не были заявлены, то я просилъ бы ихъ теперь высказаться, а потомъ слово будетъ предоставлено другимъ лицамъ, которыя болѣе детально охарактеризуютъ личность незабвеннаго А. П. Сейчасъ мы выслушали выраженія соболѣзнованія въ той утратѣ, которую понесли годъ тому назадъ Моск. Техническое Училище, Политехническое О-во и всѣ русскіе техники, которые цѣнили и знали А. П., и раньше, чѣмъ предоставить слово тѣмъ лицамъ, которыя болѣе полно и ясно будутъ характеризовать личность покойнаго А. П.,*) я просилъ бы почтить вставаніемъ его память (всѣ встаютъ).

---

*) Рѣчи эти приводятся ниже въ формѣ отдѣльныхъ статей. Окончаніе протокола—въ концѣ послѣдней рѣчи. *Прим. ред.*

А. П. ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ДИРЕКТОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

РѢЧЬ ПРОФ. А. И. АСТРОВА.

Исполнился годъ со дня смерти Александра Павловича, и вотъ насъ всѣхъ вновь соединила память того человѣка, который такъ долго и такъ плодотворно объединялъ насъ въ общей работѣ. Мнѣ выпала на долю нелегкая задача отмѣтить образъ А. П. какъ директора Императорскаго Техническаго Училища. Нелегка эта задача уже въ той мѣрѣ, какъ трудно вообще давать оцѣнку всякому большому явленію; а дѣятельность А. П. безспорно была явленіемъ крупнымъ. Усугубляется же трудность задачи тѣмъ, что слишкомъ глубокими и тѣсными переплетеніями проникалъ въ организмъ Техническаго Училища его нервъ — личность его директора Гавриленко, такъ что всякому, стоявшему близко къ жизни этого организма, его нервная система представлялась какъ неотъемлемая часть организма, прочно и неизмѣнно ему присущая.

Избранъ онъ былъ осенью 1905 года, вслѣдъ за изданіемъ указа 27-го августа. Нужно ли напоминать характерныя черты того незабываемаго момента?! Ясно сознавалась невозможность сохранять старыя изжитыя формы школьной жизни. Подготовленныя въ предшествовавшей работѣ предположенія и начинанія по обновленію учебнаго строя, если еще не казались близкими къ осуществленію, то все-таки уже были формулированы, и чувствовалось приближеніе момента, когда осуществленіе ихъ сдѣлается мыслимымъ. Но еще настоятельнѣе, чѣмъ улучшеніе учебнаго строя, представлялась необходимость коренного измѣненія всего уклада школьной жизни — отношеній къ министерству и въ особенности къ студенчеству. Старый режимъ, возводившій въ систему недовѣріе и запрещеніе, отождествившій

простое и естественное „идемъ на сходку“ для однихъ — съ величайшимъ правонарушеніемъ, чуть не преступленіемъ, а для другихъ — если не съ доблестью, то во всякомъ случаѣ съ товарищескимъ и общественнымъ долгомъ; режимъ — то объявлявшій досрочную сдачу студентовъ въ солдаты, то провозглашавшій „сердечное попеченіе“, но безъ искренняго и рѣшительнаго довѣрія; режимъ — приведшій къ почти непрерывнымъ волненіямъ, затѣмъ къ массовымъ увольненіямъ студентовъ, къ отвѣтнымъ забастовкамъ и химическимъ обструкціямъ, къ экзаменамъ въ присутствіи посторонней власти, ничего общаго со школой не имѣющей... Нужно ли напоминать подробнѣе? Нужно ли называть несчастную дальневосточную войну? пронесшуюся по всей Россіи эпоху „весны“ осенняго періода 1904 года? Эпоху всеподданнѣйшихъ адресовъ представителей земствъ и отъ Московской городской думы? и, наконецъ, какъ оглушительный ударъ грома, разразившееся событіе 9-го января и все то, что за нимъ послѣдовало?! И попрежнему покидая событія внѣшней жизни, останавливая вниманіе лишь на жизни самой школы, мы найдемъ со стороны учебной коллегіи знаменитую „записку 342 ученыхъ“ — „О нуждахъ просвѣщенія“ [1]), въ короткій срокъ ставшую запиской болѣе чѣмъ 2140 человѣкъ, далѣе — академическій союзъ съ его резолюціями [2]) и въ частности со стороны Московскаго Техническаго Училища — памятную многимъ изъ насъ „Докладную записку министру народнаго просвѣщенія“ [3]), а со стороны студентовъ — наглухо запертыя двери всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, на все весеннее полугодіе остановившееся слово преподаванія...

И вотъ послѣ всего этого, по силѣ указа 27-го августа, Учебному Комитету предоставляется право не только избрать директора Училища и черезъ него направлять дѣятельность инспекціи, но и вообще — такъ по крайней мѣрѣ было тогда всѣми понято — руководить всѣми дѣлами Училища. И Учебный Комитетъ избралъ Александра Павловича. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ни указъ 27-го августа, ни наилучшія начинанія, на немъ основанныя, не могли отгородить школу отъ вихря окружающей жизни: мнѣ кажется, исторической необходимостью оказалось, чтобы все то, что настойчиво и десятилѣтіями

---

[1]) См. напр. „Всемірный Вѣстникъ“ за 1905 г., № 4.

[2]) См. „Вѣстникъ Политехническаго Общества“ за 1905 г., № 5.

[3]) См. „Право“ за 1905 годъ, № 16.

изгонялось изъ школы, при усиленномъ стремленіи насадить въ ней то же явленіе, хотя и прямо противоположнаго направленія, чтобы все это властно вошло въ школу; и, дѣйствительно, она, принужденная раньше изгонять студенческую сходку, преслѣдовать земляческую взаимопомощь, другими словами—вынужденная служить правительственной политикѣ, теперь сдѣлалась ареной политической пропаганды иного направленія. Конечно, при такихъ условіяхъ учебная жизнь была немыслима, и Училище было снова закрыто, но новый директоръ уже былъ виденъ и понятъ студентами. Прямой и честный, спокойный и твердый, онъ умѣлъ внушить другимъ полное довѣріе къ своимъ словамъ и уваженіе къ своимъ крайнимъ условіямъ и требованіямъ. Не многословный, ставящій конечный результатъ выше необходимости соблюдать тѣ или иныя формальности, не допускающій иныхъ путей, кромѣ прямыхъ, А. П. сразу овладѣлъ уваженіемъ и довѣріемъ какъ руководителей студентовъ, такъ и всей ихъ массы вообще.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь одинаково играла роль, какъ его въ высшей степени доброжелательное и искреннее отношеніе къ молодежи, такъ и его честное и цѣльное міровоззрѣніе, его непосредственное и прямое реагированіе на событія. Знаменательнымъ было одно изъ первыхъ заявленій А. П., тогда еще не директора. Оно было сдѣлано въ томъ многолюдномъ студенческомъ собраніи начала февраля 1905 года, на которое студенты пригласили учебную коллегію, чтобы выразить, что порѣшенная ими забастовка никакъ не является протестомъ противъ внутреннихъ отношеній въ Училищѣ. Когда значительная группа преподавателей появилась въ собраніи, то въ рѣчахъ студентовъ, между прочимъ, были высказаны сужденія, болѣе чѣмъ рѣзкія, по поводу событій послѣднихъ дней. А. П. тутъ же смѣло и опредѣленно сказалъ, что студенты не должны думать, чтобы преподаватели раздѣляли или одобряли такія сужденія, и прибавилъ, что по его убѣжденію политики не должно быть въ школѣ, ни съ той, ни съ другой стороны.

И какъ много разъ позднѣе давалъ онъ доказательства того, что это было дѣйствительнымъ его убѣжденіемъ. Всякій, кто близко стоялъ къ его дѣятельности, видѣлъ, что не боязнь отвѣтственности передъ Министерствомъ заставляла его возставать противъ развитія въ Училищѣ организацій ярко-политическихъ и что дѣлалъ онъ это не прежними пріемами „недопусканія“ и „пресѣченія“; и, наоборотъ,

всякій видѣлъ также, что въ отношеніяхъ съ Министерствомъ или съ администраціей, отстаивая ли необходимость смягченія крутыхъ мѣръ противъ студентовъ или доказывая ненужность введенія полиціи внутрь Училища, директоръ былъ внѣ политики, былъ вѣренъ основному убѣжденію, что въ школѣ не должно быть для нея мѣста.

Но рядомъ съ этимъ нужно старательно подчеркнуть сознательную вѣру А. П. въ прочность здороваго и хорошаго идеала въ молодежи. Отсюда его прямое открытое отношеніе къ студенческимъ организаціямъ. Не по доктринерскому желанію исполнить одинъ изъ пунктовъ программы, но по живому сознанію, что это нужно и полезно, создавалъ онъ условія, благопріятныя для развитія студенческихъ организацій въ Училищѣ, и заботливо оберегалъ ихъ отъ суровыхъ вмѣшательствъ извнѣ. И я думаю, что въ этихъ стѣнахъ, въ присутствіи вѣроятно многихъ участниковъ этихъ организацій, я могу громко сказать, что онѣ чувствовали себя здѣсь не терпимыми только, а сознательно признанными. Вспомните исполнительную комиссію, вспомните постановку дѣла о распредѣленіи стипендій, вспомните рядъ тревожныхъ напряженныхъ моментовъ, улаженныхъ непосредственнымъ обращеніемъ А. П. къ студенческимъ организаціямъ... Вспомните также, что учебная жизнь послѣ грозы 1905 года возстановилась въ Училищѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, что послѣ того она не прерывалась ни разу по внутреннимъ поводамъ и ни разу на сколько-нибудь долгій срокъ, несмотря на многіе поводы къ тому извнѣ. Конечно, многіе скажутъ, что послѣднія обстоятельства нельзя приписывать одному директору; это, конечно, результатъ большого числа факторовъ и явленій. Но безспорно, что въ этомъ комплексѣ вліяній характеръ директора и его взаимныя отношенія со студенчествомъ имѣютъ выдающееся значеніе.

Не только со студенчествомъ, но и съ коллегіей, конечно! Для А. П. было не звукомъ только, что школа должна управляться автономною коллегіей. Это положеніе проходило красной нитью черезъ всю его дѣятельность. Большимъ счастьемъ для Училища было, что воззрѣнія А. П. такъ хорошо примыкали къ общему духу, царившему въ коллегіи. И даже придирчивая критика не отмѣтитъ важныхъ случаевъ, когда А. П. отступалъ бы отъ идеи главенства Учебнаго Комитета, и даже больше — отъ идеи привлеченія къ болѣе активному участію въ учебныхъ дѣлахъ Училища всей преподавательской коллегіи. Хотя

вѣдь не секретъ, конечно, и можно сказать здѣсь вслухъ, что именно эти три обстоятельства — отношеніе А. П. къ студенческимъ организаціямъ, отношеніе его къ непредусмотрѣннымъ Уставомъ Собраніямъ Отдѣленій и, наконецъ, сильный своимъ единствомъ подъ его предсѣдательствомъ Учебный Комитетъ — эти три обстоятельства и были причиною частенько сгущавшихся тучъ на служебномъ горизонтѣ А. П. Гавриленко, давали поводъ къ ревизіямъ, къ „постановкамъ на видъ", къ неутвержденію на пятилѣтіе и т. д.

Въ этомъ краткомъ словѣ я не хочу и пытаться дать полную характеристику А. П.; но она была бы слишкомъ неполна, если бы не сказать, что съ нимъ было легко работать. Думаю, въ этомъ согласятся и подчиненные, съ которыхъ въ нужную минуту онъ все-таки умѣлъ требовать, правда больше примѣромъ собственной большой работы и лишь крайне рѣдко настойчивостью. Но согласятся и товарищи по учебной коллегіи — съ такою охотою давалъ онъ просторъ иниціативѣ отдѣльныхъ лицъ и — что, можетъ-быть, не менѣе важно — съ такою деликатною мягкостью умѣлъ онъ сглаживать неизбѣжныя въ большомъ дѣлѣ угловатости и рѣзкости отдѣльныхъ положеній, отношеній, характеровъ. Да, съ нимъ было легко работать даже тѣмъ, кто не во всемъ съ нимъ соглашался — до такой степени очевидна была его искренняя прямота и глубокая преданность тому дѣлу, которое онъ дѣлалъ по мѣрѣ крайняго своего разумѣнія и въ буквальномъ смыслѣ слова — за совѣсть.

Въ заключеніе одно характерное воспоминаніе. Когда исполнилось 25-лѣтіе его профессорской дѣятельности, мнѣ нѣсколько разъ давалось товарищами порученіе уговорить А. П. согласиться отмѣтить это событіе. Но никакіе доводы не могли заставить его согласиться на чествованіе сколько-нибудь офиціальнаго характера. Мотивировалъ онъ „слабымъ сердцемъ", но въ сущности это былъ отказъ крайне скромнаго человѣка, тяготящагося обстановкою, слишкомъ выдвигающей на первый планъ, и въ то же время очень строгаго къ себѣ. Эта черта была характерна даже для всей его манеры обращенія: она настолько была лишена всякаго внѣшняго „директорскаго престижа", что даже петроградская ревизія серьезно усумнилась въ томъ, чтобы такой директоръ могъ пользоваться авторитетомъ. Но для насъ всѣхъ этотъ скромный обликъ вырастаетъ въ мощную фигуру честнаго, трезваго, убѣжденнаго работника. Во весь могучій

ростъ поднимается тотъ человѣкъ, благодарить котораго за его директорство собралась вся такъ называемая ново-химическая аудиторія, переполненная такъ, какъ это бывало развѣ на собраніяхъ 1905 — 07 годовъ. И да позволено будетъ мнѣ высказать отъ лица всѣхъ, кому дорого Техническое Училище, еще и еще разъ земной поклонъ и вѣчную память его первому выборному директору, Александру Павловичу Гавриленко.

А. П. ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ УЧЕНЫЙ ИНЖЕНЕРЪ И КОНСТРУКТОРЪ.

РѢЧЬ ПРОФ. Н. Е. ЖУКОВСКАГО.

На мою долю выпадаетъ честь охарактеризовать незабвеннаго Александра Павловича, какъ ученаго инженера и конструктора.

Завершивъ свое техническое образованіе, по окончаніи курса въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ, трехлѣтнею службою на заводахъ Америки, расширивъ свой кругозоръ посѣщеніемъ выставокъ въ Орлеанѣ, въ Чикаго и въ Парижѣ, приглашаясь консультантомъ на многочисленныя экспертизы и работая на собственномъ чугунно-литейномъ заводѣ, А. П. являлся блестящимъ техническимъ дѣятелемъ. Его прекрасные курсы по обработкѣ металловъ и по котламъ, его статьи въ „Бюллетеняхъ" по различнымъ вопросамъ техники характеризуютъ его, какъ автора, стоящаго на стражѣ развитія современнаго машиностроенія.

Мнѣ вспоминается характеристика, которая была дана профессоромъ Стодоля на первомъ математическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ двумъ категоріямъ инженеровъ.

Первой категоріи—инженеровъ исполнителей, по словамъ Стодоля, принадлежитъ работа по установленнымъ хорошимъ шаблонамъ; второй же категоріи—ученыхъ инженеровъ принадлежитъ самостоятельное творчество. Не обиліемъ запоминаемыхъ формулъ и выполненій теоретическихъ изслѣдованій характеризуется эта вторая категорія, а умѣніемъ видѣть въ данномъ техническомъ вопросѣ самую суть дѣла, знать, какого рода анализъ далекъ отъ практическаго осуществленія и какія теоретическія соображенія лягутъ въ основу разсматриваемаго явленія, въ умѣньѣ чувствовать тѣ усовершенствованія, которыя предстоятъ данной конструкціи. Въ этомъ смыслѣ А. П. несомнѣнно былъ

ученый инженеръ. Мнѣ вспоминаются многочисленныя дружескія бесѣды, которыя мы вели съ А. П. послѣ засѣданій Политехническаго Общества по поводу различныхъ рефератовъ, относящихся къ сложнымъ техническимъ задачамъ: о реакціи жидкости, о вольномъ колесѣ, о кривой балкѣ, объ истеченіи газовъ, о нерабочемъ теченіи въ рѣкѣ и т. д. Всѣми этими вопросами А. П. живо заинтересовывался и всегда схватывалъ въ нихъ самую суть дѣла. Его остроумныя замѣчанія часто служили референтамъ основаніемъ для дальнѣйшей удачной разработки интересующихъ ихъ задачъ. Таково было отношеніе покойнаго къ изслѣдованію тонкихъ вопросовъ техники. Но, если въ этомъ изслѣдованіи онъ охотно прибѣгалъ къ указанію теоретиковъ, то въ вопросахъ конструктивныхъ онъ самъ являлся незамѣнимымъ совѣтникомъ. Покойный профессоръ В. Л. Кирпичевъ въ своей рѣчи при открытіи Кіевскаго Политехникума сравнилъ конструкторскій талантъ съ талантомъ художника. Нужно родиться конструкторомъ, какъ нужно родиться художникомъ. И А. П. былъ прирожденнымъ конструкторомъ. Подобно тому, какъ ухо музыканта сразу слышитъ малѣйшій диссонансъ въ музыкальномъ исполненіи, глазъ А. П. сразу замѣчалъ малѣйшіе конструктивные недочеты разсматриваемаго проекта. Присутствуя на экзаменахъ государственной комиссіи, я всегда удивлялся той быстротѣ, съ которою А. П. усматривалъ конструктивные недостатки защищаемаго проекта и той находчивости, съ которою онъ указывалъ на необходимыя исправленія.

Со смертію А. П. Императорское Техническое Училище лишилось конструктора, который составлялъ его славу, а Политехническое Общество—благожелательнаго ученаго руководителя своихъ засѣданій.

А. П. ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ.

РѢЧЬ ПРОФ. А. И. СИДОРОВА.

Почти въ одинъ и тотъ же день, въ началѣ сентября 1888 года, мы поступили съ А. П. въ Императорское Техническое Училище, я въ качествѣ студента, а А. П. въ качествѣ преподавателя. Съ этого времени и до дня поразившей всѣхъ насъ безвременной кончины дорогого нашего товарища, мнѣ пришлось работать вмѣстѣ съ покойнымъ, сперва, какъ его ученику, а съ 1891,—какъ его сослуживцу по преподаванію въ нашемъ Училищѣ. Такимъ образомъ, я очень близко былъ знакомъ съ развитіемъ дѣятельности А. П. и теперь скажу нѣсколько словъ, характеризующихъ А. П., какъ преподавателя.

А. П. поступилъ въ Училище преподавателемъ въ очень горячее время. Конецъ восьмидесятыхъ и начало девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка явились въ исторіи развитія машиностроенія періодомъ, когда вопросы, касающіеся изученія машинъ съ кинематической и динамической сторонъ, были уже достаточно подробно разработаны, и когда приходилось зато усиленно заниматься вопросами о совершенствованіи машинъ съ конструктивной точки зрѣнія. Все возрастающая конкуренція странъ и заводовъ, новыя и болѣе трудныя условія работы машинъ, появленіе совершенно новыхъ типовъ машинъ, новыхъ матеріаловъ и способовъ обработки—всѣ эти обстоятельства ставили для вновь выпускаемыхъ на житейскую арену инженеровъ все болѣе строгія требованія въ смыслѣ подготовки ихъ къ конструированію такихъ машинъ и къ обращенію съ ними. Къ чести нашего дорогого Училища надо сказать, что оно не застыло въ старыхъ формахъ, а своевременно отозвалось на эти измѣнившіяся условія въ дѣлѣ машиностроенія и принимало всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, что-

бы своимъ питомцамъ привить это новое, конструктивное направленіе, получившее за послѣднія десятилѣтія такое важное значеніе. Почти одновременный уходъ изъ числа преподавателей Училища профессора Эшлимана и доцента Мальцева возложилъ на многіе годы значительную долю этой работы на А. П. Гавриленко и потомъ на меня.

Главный починъ въ дѣлѣ приданія преподаванію машиностроенія въ И. Т. Училищѣ такого, необходимаго по условіямъ времени, конструктивнаго направленія, принадлежалъ, какъ намъ всѣмъ извѣстно, нашему уважаемому учителю и сотоварищу, профессору П. К. Худякову, который, изучивши за границей дѣло преподаванія современнаго машиностроенія и постановку машиностроенія на многочисленныхъ заводахъ Европы, первое время совершенно одинъ несъ трудъ по проведеніи въ жизнь, въ дѣло преподаванія, новыхъ идей и взглядовъ и стремился поставить дѣло сообразно требованіямъ современной техники.

Въ 1888 году П. К. Худяковъ пригласилъ къ себѣ помощникомъ по веденію проектированія деталей машинъ недавно вернувшагося изъ-за границы, изъ-за океана, изъ Америки, молодого, талантливаго и энергичнаго инженера.—Инженеръ этотъ былъ Александръ Павловичъ Гавриленко! Въ первые же годы его службы въ Училищѣ ему поручены были репетиціи по многимъ предметамъ, а также веденіе проектированія по подъемнымъ машинамъ, паровымъ машинамъ, паровымъ котламъ и водянымъ турбинамъ. Затѣмъ къ А. П. перешло также чтеніе курсовъ паровыхъ котловъ и механической технологіи; такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ огромная доля работы по преподаванію машиностроенія ложилась на П. К. Худякова и А. П. Гавриленко. Начиная съ 1893 года, постепенно пришлось принимать все большее участіе въ этой работѣ и мнѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ намъ пришлось работать рука объ руку, руководить группами по проектированію однихъ и тѣхъ же предметовъ, производить по нимъ репетиціи и экзамены, составлять руководства, производить экскурсіи со студентами и совмѣстно же, путемъ чтенія докладовъ и обработки статей, оригинальныхъ и переводныхъ, принимать все большее участіе въ нарождающейся и развивающейся литературно-технической дѣятельности Политехническаго Общества, созданной и налаженной трудами того же неутомимаго Петра Кондратьевича, и развиваемой

затѣмъ его достойнымъ преемникомъ — Александромъ Павловичемъ Гавриленко. И лишь черезъ много лѣтъ, съ постепеннымъ развитіемъ техники, шедшимъ за это время необыкновенно быстро, и расширеніемъ преподаванія, были привлечены къ этой работѣ и дальнѣйшія силы, преимущественно изъ нашихъ же учениковъ, инженеръ-механиковъ И. Т. У., благодаря которымъ Училище теперь вполнѣ обезпечено контингентомъ такихъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ профессоровъ, преподавателей и лаборантовъ, который ставитъ его въ области преподаванія машиностроенія въ ряды лучшихъ техническихъ заведеній, я бы сказалъ не только Россіи, но и Европы. Я позволю себѣ только указать, что въ 1903 году на съѣздѣ по техническому образованію въ Петроградѣ, Училище единогласно было признано первымъ въ Россіи по постановкѣ преподаванія машиностроенія.

Послѣ этой исторической справки, которая имѣетъ цѣлью напомнить — въ какое горячее и отвѣтственное время пришлось начать и вести свою работу въ Училищѣ А. П., я перехожу къ оцѣнкѣ того, какъ эта работа покойнымъ была производима.

Говорить о талантливости, энергичности и трудолюбіи А. П. я не стану. Слишкомъ хорошо намъ всѣмъ извѣстны эти качества его, и слишкомъ часто каждый изъ насъ имѣлъ дѣло съ нимъ; слишкомъ много сдѣлалъ А. П. и для Училища, какъ преподаватель, и для всѣхъ окончившихъ его, какъ товарищъ! Всѣ многочисленные ученики А. П. хорошо чувствовали, какъ много они получаютъ отъ этого преподавателя, и я здѣсь хочу только формулировать основное качество А. П., въ особенности, какъ преподавателя проектированія. Это — здоровая практичность и непосредственная свѣжесть его техническаго чувства и настроенія. Здоровую практичность я понимаю здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ ее правильно формулировалъ, еще 200 лѣтъ назадъ, Леупольдъ въ своемъ театрумъ машинаріумъ, именно какъ способность гармонически сочетать знаніе основныхъ научныхъ законовъ съ умѣніемъ примѣнять ихъ къ дѣлу, пользуясь и всѣми результатами опыта или практики въ тѣхъ сложныхъ случаяхъ, гдѣ одной отвлеченной теоріи недостаточно. Свѣжесть же техническаго чувства А. П. обусловливалась его искреннней любовью къ дѣлу, его непосредственной, прямой и простой натурой и, наконецъ, свѣжестью впечатлѣній отъ знакомства его съ заморской, столь оригинальной сама по себѣ, страной. Многіе свѣжіе и оригинальные взгляды и свѣдѣнія, принесенные А. П.

изъ-за океана, выгодно отличались иногда среди нашихъ, европейскихъ, часто слишкомъ онѣмеченныхъ взглядовъ и представленій по многимъ вопросамъ техники.

А. П. держался того взгляда, что проектированіе должно непосредственно приготовлять студента къ работѣ въ той обстановкѣ, въ которой ему придется работать на заводѣ. То, что не поддается простому расчету, и что въ дѣйствительности должно быть взято на основаніи опыта и данныхъ, выработанныхъ жизнью, то А. П. пріучалъ и студента выбирать самого, развивая у него глазъ и конструкторское чутье.—А. П. требовалъ только основныхъ важнѣйшихъ расчетовъ, а затѣмъ предлагалъ студенту брать чертежную бумагу и карандашъ и при чертежѣ постепенно выяснять все нужное. — Иногда это даже смущало начинающихъ, для которыхъ даже сложные расчеты представляются дѣломъ несравненно болѣе легкимъ, нежели задача конструированія; но при умѣломъ, непрерывномъ и незамѣтномъ для студента руководствѣ, учащійся постепенно входилъ въ кругъ техническихъ представленій, и смущеніе постепенно замѣнялось сознаніемъ все большей успѣшности работы. Всѣ мы учили такимъ образомъ, но А. П. въ особенности умѣлъ сдѣлать это легко, понятно и постепенно.

Благодаря своей широкой заводской подготовкѣ, А. П. всегда необыкновенно ясно и интересно объяснялъ студентамъ всѣ такіе случаи, когда теорію приходится пополнять опытомъ и практикою, развивая у нихъ конструктивное мышленіе и чутье, благодаря чему занятія проектированіемъ всегда шли у него необыкновенно живо и интересно. Обширное знакомство съ американскими машинами, американскими пріемами обработки и съ американской литературой и взглядами придавало такимъ объясненіямъ отпечатокъ оригинальности и новизны и оказало также вліяніе и на сотоварищей А. П., возбудивъ интересъ и уваженіе къ американскимъ конструкціямъ и американской технической литературѣ, на которыя мы, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ взглядовъ, привыкли смотрѣть слишкомъ пренебрежительно и свысока (и совершенно несправедливо).

Не вовлекая студентовъ въ излишнія упражненія въ теоріи, А. П. именно потому, что очень хорошо чувствовалъ неполноту нашихъ знаній въ области теоретическаго машиностроенія, самъ всю жизнь усиленно искалъ пополненія этихъ знаній, совѣтовался часто съ нами,

своими товарищами, по различнымъ вопросамъ, слѣдилъ за всей литературой. Но въ курсъ онъ считалъ возможнымъ вводить только то, что уже установилось, выработалось и приняло удобную и простую для изложенія форму — качества, противъ которыхъ такъ часто грѣшатъ современные курсы.

А. П. не переоцѣнивалъ значенія теоріи, а требовалъ гармоническаго сочетанія теоріи съ опытомъ, и именно благодаря тому, что онъ такъ ясно сознавалъ значеніе этого опыта и изслѣдованія, покойный съ такимъ жаромъ взялся за устройство при И. Т. Училищѣ лабораторіи для испытанія матеріаловъ и машинъ.

Когда послѣ долгихъ ожиданій явилась, наконецъ, возможность основать при Училищѣ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, механическія лабораторіи, то вести всѣ предварительныя работы по разработкѣ проектовъ этихъ учрежденій, выпискѣ машинъ и пр. изъявили полную готовность профессора Д. С. Зерновъ и А. П. Гавриленко. Но Д. С. Зерновъ вскорѣ перешелъ въ Харьковскій Технологическій Институтъ, и вся огромная организаціонная работа легла цѣликомъ на плечи одного А. П. — Со своей обычной энергіей А. П. вошелъ въ сношенія съ американскими заводами и весьма выгодно пріобрѣлъ двѣ крупныя машины, разрывную и паровую. Всю работу постройки лабораторій и первоначальнаго ихъ оборудованія выполнилъ одинъ А. П., и лишь потомъ, по мѣрѣ пополненія преподавательскаго персонала Училища молодыми силами, работа была снята съ могучихъ плечъ А. П. и устройство лабораторій закончено уже этими новыми работниками, достойно продолжающими дѣло, начатое Д. С. и А. П.

Литературная дѣятельность А. П. выразилась, кромѣ многочисленныхъ докладовъ и статей, составленіемъ и печатаніемъ курсовъ паровыхъ котловъ и технологіи металловъ. Курсы эти всѣмъ хорошо извѣстны и достаточно оцѣнены, такъ что я не буду разбирать ихъ достоинства.

Что сказать объ отношеніи покойнаго, какъ преподавателя, къ студентамъ? — много говорить не надо! студенты сами сказали это! Годъ тому назадъ Москва была поражена необычайнымъ зрѣлищемъ. Обыкновенное простое событіе — похороны директора высшаго учебнаго заведенія, превратилось благодаря, прежде всего, участію студентовъ не только этого заведенія, но и всей Москвы, въ грандіозное, хотя и печальное торжество, въ такое колоссальное, искреннее и тор-

жественно потрясающее выраженіе скорби, которое очень рѣдко видитъ даже и Москва, хоронившая на своемъ вѣку много великихъ людей, и въ которомъ приняли участіе всѣ товарищи, всѣ ученики покойнаго, и весь цвѣтъ интеллигенціи, представители почти всѣхъ московскихъ общественныхъ организацій. Этимъ отношеніе студенчества къ покойному было высказано. Впрочемъ, не мнѣ говорить объ отношеніи студенчества къ покойному. Объ этомъ скажутъ сейчасъ сами студенты.

А. П. ГАВРИЛЕНКО И СТУДЕНЧЕСТВО.

РѢЧЬ СТУДЕНТА И. П. ЗАХАРОВА.

Мы, студенты-техники, въ теченіе этого долгаго года не сумѣли сорганизовать ни одного засѣданія, посвященнаго памяти покойнаго А. П. Гавриленко. Мы не сумѣли этого сдѣлать, несмотря на то, что мы всѣ ясно сознавали всю цѣнность матеріала, который могъ бы быть полученъ на такихъ засѣданіяхъ для характеристики А. П. Мы не сумѣли этого сдѣлать не потому, что у насъ нѣтъ обще-студенческаго органа, не потому, что мы разъединены и остыли; при той напряженной любви, которую мы чувствуемъ къ А. П., и при тѣхъ многочисленныхъ организаціяхъ, которыя развились и укрѣпились при жизни А. П. въ нашемъ Училищѣ, мы сумѣли бы преодолѣть препятствія, которыя вытекали изъ отсутствія обще-студенческаго органа. Мы, студенты, всегда жертвовали своими интересами для интересовъ обще-человѣческихъ. И то время, которое мы переживаемъ, та трагедія, которую переживаетъ вмѣстѣ съ Россіей весь міръ, она захватила насъ, она поглотила всѣ наши силы, она многихъ изъ насъ поставила въ ряды защитниковъ родины, но въ еще большей степени эта трагедія помѣшала намъ выяснить всю ту роль, которую игралъ въ нашей жизни А. П. Это тѣ вопросы, которые поставила предъ нами настоящая война. Намъ казалось и, можетъ-быть, многимъ кажется и теперь, что эта война колеблетъ всѣ устои нашего міросозерцанія, что она ставитъ предъ нами такія альтернативы, изъ которыхъ нѣтъ исхода, которыя невозможно рѣшить, и вотъ это обстоятельство взяло всѣ наши душевныя силы, оно отняло у насъ всю энергію и мы здѣсь шли только по пути, по которому всегда шли до сихъ поръ и по которому шелъ и А. П. Вѣдь съ А. П. у насъ были наши обще-сту-

денческіе идеалы, наши обще-студенческіе принципы. На его знамени всегда были написаны — вѣра въ науку, довѣріе къ студенчеству, любовь къ свободѣ, въ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, нашей академической жизни, и эти начала были восприняты А. П. не только его умомъ и интеллектомъ, они слились въ одно гармоническое цѣлое, были восприняты его сердцемъ и волей, потому что иначе трудно объяснить, какъ при его необыкновенно напряженной дѣятельности, дѣятельности, развивавшейся въ то время, когда вся атмосфера была насыщена взаимнымъ недовѣріемъ, между нами и имъ никогда не возникало даже тѣни недовѣрія, не было никогда взаимнаго непониманія даже по частнымъ, отдѣльнымъ вопросамъ. Вѣдь А. П., борясь за нашу свободу, борясь за наше студенчество, вынужденъ былъ всегда отступать, сдавать одну позицію за другой, потому что борьба была невозможна, была обречена на пораженіе, не навсегда, конечно, а на пораженіе въ предѣлахъ времени. И А. П. все-таки не отступалъ отъ этой позиціи, считая ее нужной и, несмотря на это пораженіе, шелъ и боролся до конца, потому что онъ чувствовалъ за собой довѣріе всего студенчества, глубокое уваженіе и любовь со стороны насъ. Я, отъ лица всѣхъ студентовъ, долженъ заявить, что мы счастливы тѣмъ, что были учениками А. П., мы глубоко благодарны судьбѣ за то, что она позволила намъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ такимъ человѣкомъ, образъ котораго поможетъ намъ сохранить наши идеалы, образъ котораго поможетъ намъ держать знамя наше всегда развернутымъ, даже въ такое темное время, какое мы переживаемъ сейчасъ и котораго да не будетъ больше у насъ на Руси.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ГАВРИЛЕНКО И ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

РѢЧЬ А. Н. ДЕРЖАВИНА.

Жизнь покойнаго Александра Павловича оборвалась въ тотъ моментъ, когда на политическомъ горизонтѣ уже собирались тучи, а черезъ два съ небольшимъ мѣсяца разразилась небывалая гроза, которая разметала многія прекрасныя начинанія, разбросала въ разныя стороны ихъ авторовъ: однихъ поставила подъ вражескія пули, другихъ обратила въ работниковъ тыла. Міровая катастрофа заслонила надолго всѣ другія событія, хотя бы и крупнаго значенія, заслонила она собою и яркія переживанія неожиданной кончины и похоронъ Александра Павловича. Въ этомъ да будетъ оправданіе того, что сборникъ незабвенной памяти Александра Павловича и теперешнее торжественное собраніе, быть-можетъ, выйдутъ менѣе значительными, чѣмъ это слѣдовало бы по заслугамъ покойнаго предъ Политехническимъ Обществомъ.

Мы думаемъ, однако, что и наши отрывочныя воспоминанія затронутъ въ читателяхъ и слушателяхъ струны, которыя еще недавно звучали у насъ подъ вліяніемъ личнаго общенія съ покойнымъ; а разбуженныя воспоминанія перенесутъ насъ въ область переживаній прошлаго и возстановятъ предъ нами образъ этого благороднаго и въ высшей степени простого человѣка и выдающагося общественнаго дѣятеля.

Помянуть благороднымъ словомъ дѣятельность Александра Павловича является съ нашей стороны не только долгомъ предъ его свѣтлою памятью: всякія общественныя поминки служатъ также поводомъ къ самопровѣркѣ, къ сопоставленію того, чѣмъ мы были прежде и чѣмъ мы стали теперь.

И вотъ я позволю себѣ бѣглыми штрихами отмѣтить то положеніе, которое Политехническое Общество и питомцы Техническаго Училища занимали въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Техническое Училище совсѣмъ не занимало тогда того положенія въ промышленности, какъ въ настоящее время. Его лабораторіи были скудно обставлены даже для прямыхъ учебныхъ цѣлей и совершенно не подходили для техническихъ изслѣдованій, требуемыхъ нуждами промышленности, а механическихъ лабораторій и совсѣмъ не существовало. Съ другой стороны, за малымъ количествомъ интеллигентныхъ техниковъ, и самыя нужды промышленности въ этомъ отношеніи были еще плохо осознаны. Въ средѣ большинства русскихъ промышленниковъ не было живого сознанія необходимости научно-технической подготовки фабричныхъ и заводскихъ дѣятелей.

Въ тяжелое время около половины восьмидесятыхъ годовъ распространились даже слухи о предстоящемъ закрытіи Техническаго Училища за избыткомъ будто бы техническихъ силъ, не находящихъ себѣ приложенія и потому склонныхъ отрицательно относиться къ существующему порядку. Въ защиту существованія Техническаго Училища тогда поднялся голосъ не изъ среды промышленниковъ, а покойнаго нашего профессора А. К. Эшлимана, помѣстившаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, тогдашнемъ офиціозномъ органѣ, статью, въ которой ему приходилось доказывать необходимость для Россіи въ технически образованныхъ людяхъ.

Такая оторванность разсадника техническихъ знаній отъ промышленности отчасти пополнялась существованіямъ Политехническаго Общества, въ которое входили обязательными членами профессора, а обязательнымъ предсѣдателемъ директоръ Техническаго Училища. По мысли его основателей Политехническое Общество должно было сблизить дѣятелей науки и практики, знакомить первыхъ съ практическими задачами промышленности, въ работы практиковъ вдохнуть оживотворяющій духъ теоріи. На первыхъ порахъ, однако, такое сближеніе шло туго: принципъ обязательнаго предсѣдательства мало помогалъ дѣлу, налагая только лишнія обязанности на лицо, иногда постороннее Обществу; всю работу приходилось въ сущности вести выборному вице-предсѣдателю, опираясь на молодыхъ дѣятелей Техническаго Училища.

Что касается дѣйствительныхъ членовъ,—питомцевъ Техническаго Училища, то въ первое время за немногими исключеніями они имѣли

мало досуга и возможности участвовать въ Обществѣ; 30—35 лѣтъ тому назадъ молодые техники на фабрикахъ и заводахъ нерѣдко были необычнымъ явленіемъ среди практиковъ и мастеровъ, и на нихъ косо посматривали, какъ на опасныхъ конкурентовъ, ихъ сослуживцы. Нерѣдко имъ ставились всевозможныя затрудненія, и попавшему въ такія условія молодому человѣку много приходилось тратить энергіи на преодолѣніе лишнихъ препятствій и интригъ, на преодолѣніе своего рода соціальнаго тренія. Немногимъ поэтому оставался досугъ для спеціальныхъ работъ. Работа Политехническаго Общества въ то время велась молодыми преподавателями и профессорами преимущественно изъ питомцевъ самаго Техническаго Училища: они поддерживали личныя связи съ товарищами-практиками и бывшими своими учениками и привлекали ихъ къ общественной работѣ путемъ личнаго вліянія. Со временемъ изъ питомцевъ Техническаго Училища выработались выдающіеся практическіе дѣятели, которые работали и въ Политехническомъ Обществѣ. Въ самомъ Техническомъ Училищѣ появились молодые дѣятели съ практической подготовкой; въ числѣ ихъ былъ и покойный Александръ Павловичъ. Онъ появился въ Училищѣ въ 1888 году, черезъ 6 лѣтъ послѣ окончанія курса, уже съ нѣкоторымъ практическимъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ имъ работою на заводахъ Америки. Въ Техническомъ Училищѣ Александръ Павловичъ занялъ сначала скромную должность репетитора по каѳедрѣ построенія машинъ; постепенно онъ дѣлается дѣятельнымъ членомъ Политехническаго Общества. Покойный Александръ Павловичъ отличался цѣннымъ умѣніемъ учиться и всю жизнь совершенствовать свои познанія и расширять свой кругозоръ. Природный большой умъ помогалъ ему быстро оріентироваться, а замѣчательная трудоспособность давала возможность все большаго расширенія поля дѣятельности. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ Александръ Павловичъ не оставлялъ и практической дѣятельности: онъ занималъ должность завѣдующаго техническимъ хозяйствомъ клиникъ, былъ близокъ къ одному чугунно-литейному заводу. Усложнившіяся обязанности по Техническому Училищу заставили его оставить эту дѣятельность, но близость съ практическими задачами въ теченіе перваго періода его жизни положила свой отпечатокъ и на его дальнѣйшія работы. Онъ всегда интересовался задачами практики, что показываютъ его доклады въ Политехническомъ Обществѣ и разработанные имъ курсы паровыхъ котловъ и технологіи металловъ и дерева.

Годы шли, а вмѣстѣ съ ними шелъ и духовный ростъ покойнаго. Избранный въ 1897 году на должность предсѣдателя Инженерно-механическаго Отдѣла Политехническаго Общества онъ проявилъ способность превосходно руководить собраніями, быстро схватывать сущность мыслей докладчика и оппонентовъ и отчетливо резюмировать ихъ. Эти его качества, а также его выдержанность и самообладаніе обратили на себя общее вниманіе и сдѣлали его кандидатомъ на выборный постъ вице-предсѣдателя Политехническаго Общества, оказавшійся въ 1898 году, вслѣдствіе отказа Петра Кондратьевича Худякова, вакантнымъ.

Съ тѣхъ поръ начинается неутомимая дѣятельность покойнаго по руководительству Политехническимъ Обществомъ, продолжавшаяся до самой смерти. Въ качествѣ фактическаго предсѣдателя онъ стоялъ во главѣ Общества долѣе кого-либо изъ своихъ предшественниковъ. Ростъ Общества шелъ гигантскими шагами и не только въ смыслѣ расширенія числа членовъ, но и въ смыслѣ значительнаго усложненія дѣятельности. Прежде всего были расширены Бюллетени Общества, занявшіе видное мѣсто въ русской технической литературѣ. Періодъ жизни Политехническаго Общества, когда былъ предсѣдателемъ покойный Александръ Павловичъ, былъ періодомъ развитія коллективной работы. Политехническому Обществу съ самаго начала посчастливилось находить среди своихъ членовъ людей, которые жертвовали ему и своими средствами и своими трудами. Сперва это были единичныя лица, а впослѣдствіи кругъ активныхъ дѣятелей все болѣе расширялся. Покойный Александръ Павловичъ имѣлъ замѣчательное свойство собирать въ Обществѣ дѣятельныя силы, давая полный просторъ ихъ иниціативѣ. Въ то же время въ его головѣ всегда отчетливо складывались разныя детали задуманнаго дѣла, ясно представлялись тѣ практическія затрудненія, которыя нужно было преодолѣть. Въ этотъ періодъ было задумано и приведено къ окончанію обширное предпріятіе Политехническаго Общества — созданіе собственнаго дома. Выполненіе и организація этого предпріятія требовали огромнаго труда со стороны Общества и Строительной Комиссіи. Александръ Павловичъ неизмѣнно предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ и былъ дѣятельнымъ членомъ Строительной Комиссіи, а впослѣдствіи и Эксплуатаціонной. Складъ характера Александра Павловича былъ весьма приспособленъ для общественной работы.

Не всѣ раздѣляли его взгляды, но никто не могъ усомниться въ ихъ искренности: такъ чужды были характеру Александра Павловича

всякая фальшь и политиканство. Поэтому, какъ предсѣдатель, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и это помогало ему легко регулировать неизбѣжные въ общественномъ дѣлѣ коллизіи.

При Александрѣ Павловичѣ высоко поднялась и научно-техническая дѣятельность Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ воплотилась въ жизнь и завѣтная мечта основателей Политехническаго Общества, считавшихъ главной его задачей внесеніе научныхъ идеаловъ въ среду практическихъ дѣятелей. Необходимость систематическаго ознакомленія съ научными пріобрѣтеніями быстро прогрессирующей техники давно уже сознавалось въ Обществѣ. По счастливому почину Справочнаго Отдѣла была организована серія лекцій по электротехникѣ, имѣвшихъ большой успѣхъ. Послѣ этого два раза были организованы курсы по теплотехникѣ и паровому хозяйству, привлекавшіе большое количество слушателей изъ числа практическихъ дѣятелей. Такъ создавалось то сближеніе теоріи съ практикой, къ которому стремились основатели Политехническаго Общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это сближеніе подняло и престижъ Училища, его дѣятелей и питомцевъ въ промышленности. Расширившіяся лабораторіи Техническаго Училища начинаютъ, кромѣ непосредственныхъ учебныхъ цѣлей, отвѣчать и на нѣкоторые запросы практики; увеличивается спросъ на научныя экспертизы и техническія изслѣдованія. И это еще болѣе закрѣпляетъ связь профессоровъ Техническаго Училища съ промышленностью и требованіями жизни. И покойный Александръ Павловичъ значительную часть своего практическаго опыта начерпалъ изъ многочисленныхъ экспертизъ и изслѣдованій разныхъ вопросовъ практики.

Но Александръ Павловичъ не былъ всецѣло поглощенъ одними научно-техническими интересами. Какъ гражданинъ, онъ былъ любящимъ сыномъ своей родины:

„— Не можетъ сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,
— Не будетъ гражданинъ достойный
Къ отчизнѣ холоденъ душой“.

И когда въ прошломъ десятилѣтіи неслыханные удары посыпались на нашу родину, онъ не остался въ сторонѣ отъ общественнаго движенія, имѣвшаго цѣлью ея обновленіе. Онъ примкнулъ къ прогрессивной группѣ профессоровъ. Подъ его предсѣдательствомъ Политехническое Общество вынесло памятную резолюцію о необходимости организо-

ваннаго народнаго представительства, когда выраженіе такихъ пожеланій оставалось офиціально запретнымъ.

Не могу забыть разговора, который я имѣлъ съ нимъ у него на квартирѣ въ одномъ изъ переулковъ Арбата по поводу предстоявшаго моего доклада, вызвавшаго эту резолюцію. „Думаете ли Вы“,—говорилъ покойный, „что существующій строй совершенно отжилъ? Я этого не думаю, и чувствуется мнѣ, что онъ во многомъ еще покажетъ свою силу“. Послѣдовавшія обстоятельства показали правоту этихъ словъ. Эта трезвость взгляда и вообще близость къ жизни удерживали покойнаго отъ увлеченія крайностями въ ту эпоху общаго подъема, но разъ принятой позиціи онъ оставался вѣренъ до конца. Будучи первымъ избраннымъ директоромъ, Александръ Павловичъ въ управленіи Училищемъ до конца оставался вѣренъ тѣмъ началамъ, которыя были провозглашены 10 лѣтъ назадъ. Онъ оставался другомъ молодежи, умѣлъ понимать и цѣнить ея идеальныя стремленія, а какъ администраторъ, умѣлъ предотвращать жестокіе удары реакціи, наносившіеся молодежи другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но чего ему стоила такая борьба, показываетъ то, какъ быстро сгорѣлъ его, съ виду столь мощный, организмъ. За это отсутствіе гибкости и приспособляемости къ видамъ начальства онъ и не пользовался его расположеніемъ.

Смерть рано оборвала эту дѣятельную жизнь, которая только успѣла развернуться во всю ширь своихъ силъ и способностей. Когда онъ жилъ и дѣйствовалъ среди насъ, мы считали его работу чѣмъ-то должнымъ и нормальнымъ, и только когда его не стало, увидѣли около себя зіяющую пустоту. И тутъ мы почувствовали, что этотъ простой и невзыскательный человѣкъ былъ центромъ, собиравшимъ около себя другихъ во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ протекала его дѣятельность. Это всеобщее признаніе нашло себѣ яркое отраженіе въ той величественной картинѣ похоронъ Александра Павловича, которая никогда не забудется очевидцами.

Теперь, въ годовщину смерти Александра Павловича, отдѣленной отъ насъ страшными событіями міровой катастрофы, вспоминаются слова поэта: „Нарви цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ, и ими сердце обнови“. И дѣйствительно, духовное наслѣдіе такихъ дѣятелей — эти цвѣты на ихъ могилахъ обладаютъ живительнымъ ароматомъ: не о смерти говорятъ они, а о дѣятельной жизни, о неустанномъ движеніи впередъ черезъ всѣ ужасы настоящаго къ свѣтлому будущему человѣчества.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И ДОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

РѢЧЬ В. М. ЧАПЛИНА.

Прошло 10 лѣтъ со дня закладки нашего дома. За это время не стало Н. П. Зимина, вдохновителя нашего товарищескаго объединенія, сошелъ въ могилу и А. П., организаторъ и исполнитель нашихъ общественныхъ задачъ.

Но домъ стоитъ! Его двери широко раскрыты передъ жертвами великой освободительной войны, члены семьи А. П. отдаютъ имъ все, что въ ихъ силахъ, духъ А. П. еще живетъ въ нашемъ домѣ. Пожелаемъ же, господа, чтобы онъ и впредь оставался между нами, и чтобы двери нашего дома никогда не закрывались передъ проявленіями нашихъ лучшихъ общественныхъ начинаній...

Много разъ принимался я писать о роли Александра Павловича въ дѣлѣ организаціи, постройки и эксплуатаціи дома Политехническаго Общества.

Принимался, рвалъ написанное и откладывалъ перо до другого, болѣе спокойнаго времени, когда уляжется горечь утраты, когда можно писать о прошломъ не на манеръ надгробнаго слова и рѣчи на поминальномъ обѣдѣ. Личность Александра Павловича была такъ чужда всего искусственно приподнятаго, что и писать о немъ нужно успокоившись, отбросивши ходульность поминальныхъ рѣчей, что не такъ легко дается въ періодъ повышеннаго настроенія. Я сказалъ, что Александръ Павловичъ былъ чуждъ всего искусственно приподнятаго, а между тѣмъ, какъ опредѣлить иначе все дѣло созданія нашего дома, дома Политехническаго Общества. Развѣ не было это какимъ-то сверхъестественнымъ подъемомъ общественности среди насъ, подъемомъ, для созданія котораго нужны были совершенно особыя условія, нуженъ

былъ 1904 годъ со всѣми его переживаніями. Приподнятость общественнаго настроенія была совершенно необычная для нашего, вообще весьма апатичнаго и скептически настроеннаго Общества. Общество требовало какихъ-либо организацій, объединяющихъ отдѣльныхъ лицъ, и потому всѣ начинанія, имѣвшія цѣлью сплотить отдѣльныя единицы въ одно большое, сильное цѣлое, получали особое сочувствіе и имѣли всѣ шансы на крупный успѣхъ. Такимъ-то начинаніемъ была постройка дома Политехническаго Общества.

По мысли организаторовъ этого дѣла, во главѣ которыхъ стояли покойный Н. П. Зиминъ и П. К. Худяковъ, — нашъ домъ долженъ былъ являться тѣмъ мѣстомъ, гдѣ всѣ отдѣльные члены нашего Общества, нашей технической семьи, могли бы найти удовлетвореніе всему тому, что вызывалось въ нихъ пробудившимся общественнымъ чувствомъ.

Много надеждъ было заложено въ основаніе нашего дома. Наши товарищи, несмотря на всю прозаичность ихъ дѣятельности и всю неприглядность фабрично-заводской обстановки, оказались далеко не утратившими способности увлекаться тѣми идеями, которыя клались въ основаніе нашего дома. Время было благопріятное для подобныхъ увлеченій. Казалось, что передъ нами открылись неограниченныя возможности, что мы сдѣлались полноправными гражданами, для которыхъ являлось необходимымъ имѣть надлежащій декорумъ, создавшійся въ нашемъ домѣ. Трудно иначе объяснить успѣхъ привлеченія огромныхъ средствъ на его созданіе. Всякій отлично понималъ, что особыхъ выгодъ для помѣщенія своихъ сбереженій въ паи дома онъ не получитъ, а между тѣмъ приливъ средствъ явился совершенно неожиданный. Всѣмъ было понятно, что затрата средствъ на внѣшнюю и внутреннюю отдѣлку дома, выходящую изъ ряда обычныхъ, является не оправдываемой экономически, но огромное большинство находило, что такое убранство является чѣмъ-то необходимымъ для нашего дома, какъ признается оно необходимымъ въ храмѣ, во дворцѣ, въ парламентѣ.

Лихорадочная дѣятельность Политехническаго Общества по организаціи дома совпала съ тяжелыми условіями, въ которыхъ пришлось очутиться Александру Павловичу въ роли директора Училища, въ періодъ всеобщаго броженія. Нужно было обладать какой-то сверхъестественной силой, чтобы въ этотъ періодъ выполнять съ полной ясностью ума и спокойствіемъ, никогда его не покидавшимъ, всѣ обя-

занности, наложенныя на Александра Павловича Политехническимъ Обществомъ въ связи съ постройкой дома. Онъ не только не отказывался отъ этихъ обязанностей, но охотно принималъ ихъ на себя. Здѣсь было и нѣчто большее, чѣмъ исполненіе общественнаго долга; здѣсь была любовь къ принятому на себя дѣлу, — не увлеченіе, такъ какъ послѣднее обычно исключаетъ доминирующее вліяніе разсудка, между тѣмъ какъ во всей своей общественной дѣятельности Александръ Павловичъ руководствовался исключительно тѣмъ, что подсказывалъ ему его ясный и спокойный умъ.

Въ предыдущій періодъ, періодъ мечтаній, никто серьезно не думалъ о возможности собрать нужныя средства, чтобы выстроить хотя бы самый скромный домъ для нуждъ Политехническаго Общества. Попытка сбора денегъ на этотъ предметъ носила скорѣе характеръ товарищеской шутки и результаты такихъ сборовъ были тоже шуточными. Время еще не пришло, условія еще не создались для какого-либо крупнаго общественнаго дѣла. Обыватели еще не чувствовали себя гражданами. Зато, когда наступилъ переломъ въ общественной жизни, то начался приливъ средствъ на общее, казавшееся всѣмъ необходимымъ, товарищеское дѣло, и результаты поступленій далеко опередили прежнія мечты. Можно было говорить уже не о домѣ-пріютѣ, а о дворцѣ для „общественной“ жизни всѣхъ техническихъ организацій Москвы, объединенныхъ общими интересами и общими научными запросами.

Такая постановка вопроса, совершенно не обычная для насъ, переживавшихъ до этого періодъ полнаго разобщенія, привлекла особый интересъ къ дому, заставляла смотрѣть на его сооруженіе, какъ смотрятъ на постройку памятника во имя событія, особенно близкаго уму и сердцу его создателей.

Вся дѣятельность Строительной Комиссіи, избранной товарищами, пайщиками дома и Политехническимъ Обществомъ, проводилась въ такомъ именно настроеніи. Александръ Павловичъ являлся въ этой Комиссіи избраннымъ представителемъ Политехническаго Общества.

Для такого дома нельзя было мириться съ обычнымъ способомъ постройки, нужно было привлечь много лицъ, много талантовъ, чтобы съ возможнымъ искусствомъ воплотить идею нашего общетехническаго союза въ соотвѣтствующемъ зданіи. Конкурсъ, объявленный Политехническимъ Обществомъ, привлекъ неожиданно большое

количество проектовъ, несмотря на крайне скромныя преміи. Александръ Павловичъ, какъ членъ жюри, относился съ особымъ вниманіемъ къ представленнымъ проектамъ, входя во всѣ детали каждаго изъ нихъ. Но не въ этомъ заключалась главнѣйшая, незамѣнимая дѣятельность А. П. по постройкѣ дома.

Во всѣхъ, выходящихъ изъ ряда обыкновеннаго, общественныхъ начинаніяхъ всегда сталкиваются многіе личные взгляды, примѣшиваются различные интересы, симпатіи и обратныя чувства; все это вмѣстѣ создаетъ атмосферу крайне напряженную, легко создающую всевозможныя столкновенія, распри и подчасъ развалъ дѣла. Въ такихъ дѣлахъ для ихъ успѣха необходимы люди, умѣющіе своимъ спокойнымъ авторитетомъ и вѣскимъ словомъ, сказаннымъ во-время, остановить въ самомъ зародышѣ назрѣваемый расколъ и внести успокоеніе въ расходившіяся страсти. Никто не умѣлъ сдѣлать этого лучше Александра Павловича. Можно сказать съ полной увѣренностью, что безъ него можно было справиться съ техникой постройки дома, но врядъ ли безъ него возможно было провести эту самую технику черезъ всѣ тѣ затрудненія, которыя невольно создавались при веденіи такого крупнаго, новаго и отвѣтственнаго дѣла. Сколько разъ, бывало, считаешь создавшееся настроеніе настолько невыносимымъ, что рѣшаешься отойти отъ него, и такой выходъ признаешь, какъ нѣчто неизбѣжное и необходимое. А придетъ Александръ Павловичъ, освѣтитъ тотъ же самый вопросъ съ иной стороны и сдѣлаетъ это съ такой увѣренностью, съ такимъ спокойствіемъ, что все то, что подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія казалось тяжелымъ, безысходнымъ, и окажется простымъ и не стоющимъ особаго вниманія. Это свойство натуры Александра Павловича являлось неоцѣнимымъ для каждаго общественнаго дѣла, въ которомъ онъ принималъ участіе, и, мнѣ кажется, что главнѣйшее обаяніе его личности было связано именно съ этимъ его свойствомъ. За всѣ 10 лѣтъ моей совмѣстной съ Александромъ Павловичемъ дѣятельности по дому Политехническаго Общества я не имѣлъ случая ни разу видѣть его потерявшимъ свое философски спокойное отношеніе къ людямъ и событіямъ. Переживали мы тяжелыя времена, насъ захватилъ 1905 годъ въ разгаръ производства строительныхъ работъ. По ходу дѣла мы рѣшили продолжать работу зимой, удовлетворяя общему стремленію скорѣе видѣть домъ готовымъ и пользоваться имъ. И вотъ въ этотъ-то періодъ и застали

насъ всѣ затрудненія, связанныя съ этимъ годомъ. Забастовки, прекращеніе подвоза матеріаловъ, измѣнившіяся взаимоотношенія между подрядчиками и рабочими, паденіе курса бумагъ и проч. невзгоды посыпались на голову Строительной Комиссіи. Вотъ въ это-то боевое время Александръ Павловичъ, переживавшій самый тяжелый періодъ своего отвѣтственнаго положенія въ Училищѣ, умѣлъ найти въ себѣ столько моральныхъ силъ, что дѣлился съ нами своимъ спокойствіемъ и увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ и внушалъ ту бодрость духа, которая и привела къ благополучному окончанію всѣхъ тогдашнихъ затрудненій.

Наконецъ, тяжелый періодъ миновалъ, домъ былъ выстроенъ, несмотря на всѣ препятствія, и черезъ годъ послѣ этого, на Рождествѣ 1906 года, былъ освященъ и поступилъ въ эксплуатацію.

Александръ Павловичъ имѣлъ случай пережить счастливыя минуты осуществленія тѣхъ надеждъ, которыя еще недавно казались фантастичными. Политехническое Общество имѣло возможность получить пріютъ въ домѣ своего имени и сдѣлаться крупнымъ пайщикомъ этого предпріятія. Политехническое Общество избрало Александра Павловича своимъ представителемъ и въ Эксплуатаціонную Комиссію, которой поручалось вести всю хозяйственную и финансовую сторону дѣла. Въ первое время эта работа представляла изъ себя весьма хлопотливое дѣло и отнимала очень много времени, но это не остановило А. П. и онъ охотно отдавалъ его дому.

Участіе Александра Павловича въ Комиссіяхъ и Строительной и Эксплуатаціонной придавало всегда дѣйствіямъ и отношеніямъ этихъ Комиссій особенно серьезно-добродушный оттѣнокъ. Всѣ лица, имѣвшія объясненія съ этими Комиссіями, подчасъ для нихъ и непріятныя, связанныя съ неисполненіемъ ими своихъ обязательствъ, уходили изъ нихъ безъ тѣни непріязненнаго чувства, сознавая, что наложенное на нихъ взысканіе, если таковое бывало, является вполнѣ справедливымъ и ничуть не понижаетъ ихъ человѣческаго достоинства. Уваженіе къ личности, на какой бы ступени общественности человѣкъ ни стоялъ, являлось неизмѣннымъ отношеніемъ Александра Павловича къ людямъ. Всѣ случаи столкновеній со служащими, прислугой, рабочими и другими лицами, весьма частые за это время, всегда носили въ себѣ характеръ, чуждый какого-либо приниженія человѣческаго достоинства, при сохраненіи полной справедливости и ясности мотивовъ претензій.

Никто не умѣлъ такъ отнестись къ людямъ въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ, какъ Александръ Павловичъ, почему большей частью мы просили его быть выразителемъ мнѣнія или воли Комиссіи, и онъ никогда не отказывалъ брать на себя такія порученія и всегда съ твердостью и деликатностью ихъ исполнялъ.

Въ годъ своей смерти онъ вышелъ изъ состава Эксплуатаціонной Комиссіи, находя, что его взгляды, проводимые въ Комиссіи, не соотвѣтствуютъ взглядамъ того большинства, которое имѣло мѣсто на годичномъ собраніи Общества. Мнѣ не пришлось говорить съ нимъ откровенно по этому деликатному вопросу, я не рѣшался его касаться въ разговорѣ съ нимъ; но я увѣренъ, зная все то, что далъ Александръ Павловичъ дѣлу созданія нашего дома, что его уходъ долженъ былъ вызвать въ немъ чувство потери любимаго дѣтища.

А. П. ГАВРИЛЕНКО И ОБЩЕСТВО ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ СТУДЕНТАМЪ И. Т. У.

РѢЧЬ В. Ф. ЛИСТА.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Разрѣшите мнѣ очертить въ нижеслѣдующихъ словахъ личность Александра Павловича, какъ дѣятельнаго члена О-ва вспомоществованія нуждающимся студентамъ И. М. Т. У., предсѣдателемъ котораго я имѣю честь состоять. Александръ Павловичъ числился членомъ О-ва съ самаго его основанія въ 1889 году, т.-е. въ теченіе 25 лѣтъ; первые 19 лѣтъ онъ принималъ участіе въ О-вѣ въ качествѣ должностного лица, состоявъ за это время членомъ Ревизіонной Комиссіи, а затѣмъ въ теченіе 6 лѣтъ, какъ директоръ Училища, въ качествѣ непремѣннаго члена Комитета О-ва. Со свойственной его натурѣ основательностью, вами уже въ достаточной степени уясненной изъ всѣхъ рѣчей предыдущихъ ораторовъ, Александръ Павловичъ всегда живо интересовался дѣлами О-ва и его благомъ, принимая участіе въ его годичныхъ общихъ собраніяхъ и многочисленныхъ засѣданіяхъ Комитета О-ва и помогая ему своимъ совѣтомъ и непосредственной помощью. Невозможно, не утруждая вашего вниманія, съ достаточной полностью перечислить всѣ отдѣльные эпизоды изъ его дѣятельности на пользу О-ва, а поэтому приведу нѣсколько случаевъ, когда индивидуальность Александра Павловича проявлялась во всей красотѣ.

Болѣе всего врѣзалось мнѣ въ память засѣданіе Общаго Собранія О-ва, состоявшееся 4 сентября 1905 года, созванное Александромъ Павловичемъ, въ качествѣ только что избраннаго перваго директора автономнаго Училища, для спасенія Общества отъ, какъ казалось тогда, неминуемой гибели. Вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ причинъ дѣятельность О-ва съ 1901 года пошла на убыль, его финансо-

вое положеніе сдѣлалось критическимъ и оно влачило въ теченіе 1901-го, 2-го, 3-го и 4-го годовъ жалкое существованіе. Число членовъ О-ва за 3 года значительно сократилось: его покинуло 143 члена или 60 процентовъ всего наличнаго состава членовъ. О-во было безпомощно сдѣлать что-либо для поднятія интереса къ нему и возстановленію исчерпанныхъ матеріальныхъ средствъ его. Открытое 22 октября 1904 г., тогда только что законченное постройкой, зданіе общежитія для студентовъ И. М. Т. У. еще болѣе ухудшило тяжелое положеніе Общества, такъ какъ выработанный Комитетомъ О-ва и представленный имъ г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа Уставъ Общежитія не былъ удостоенъ утвержденія высшей администраціей; вслѣдствіе этого Общежитіе въ теченіе полутора года оставалось не занятымъ. Интересъ къ Обществу Вспомоществованія нуждающимся студентамъ И. М. Т. У. упалъ совсѣмъ. Въ то кипучее политическими страстями время семьѣ инженеровъ было не до Общества; интересы гражданъ были направлены тогда въ другую сторону — въ сторону помощи созданію обновленнаго строя нашего горячо любимаго отечества, и, потому, казалось, Обществу угрожала опасность совсѣмъ прекратить свое существованіе.

И вотъ, въ это критическое время Александръ Павловичъ со свойственной ему энергіей беретъ на себя трудъ созвать Общее Собраніе Общества. Я помню прекрасно, какъ онъ лично уговаривалъ лицъ, числившихся членами О-ва, пріѣхать на это собраніе и обсудить вопросъ о томъ, что предпринять, чтобы спасти Общество отъ полнаго развала. Только необыкновенной обаятельностью личности Александра Павловича можно объяснить то, что, несмотря на движеніе мысли интеллигентныхъ людей того времени въ совсѣмъ иной плоскости, онъ сумѣлъ 4 сентября 1905 года собрать въ актовомъ залѣ Училища довольно значительное число лицъ — членовъ или бывшихъ членовъ О-ва, которыя относились не безразлично къ судьбамъ Общества.

Въ этомъ собраніи Александръ Павловичъ, бывши предсѣдателемъ его, сумѣлъ вызвать большой подъемъ чувствъ всѣхъ присутствующихъ, хотя, не скрываю, были нѣкоторые голоса, совѣтовавшіе, въ виду безнадежности положенія въ финансовомъ отношеніи, ликвидировать дѣла О-ва. Благодаря настояніямъ Александра Павловича, здѣсь же былъ избранъ Комитетъ Общества изъ членовъ О-ва: И. И. Вет-

чинкина, И. Н. Тупицына и вашего покорнѣйшаго слуги; не доставало главнаго предсѣдателя Общества, который бы сумѣлъ излѣчить тяжело больное Общество и поставить его на ноги. Всѣми единогласно было высказано убѣжденіе, что лицомъ этимъ могъ быть только П. К. Худяковъ.

Къ сожалѣнію П. К. въ этомъ засѣданіи не было и Александръ Павловичъ посовѣтовалъ вновь избраннымъ членамъ Комитета поѣхать немедленно къ П. К. и уговорить его принять должность предсѣдателя О-ва. Если не ошибаюсь, Александръ Павловичъ участвовалъ въ этой депутаціи и, такимъ образомъ, лично способствовалъ возрожденію О-ва, ибо Петръ Кондратьевичъ согласился принять возложенное на него бремя, и какъ прекрасно онъ справился съ возложенной на него задачей—вдохнуть новую жизнь въ Общество, всѣмъ намъ хорошо памятно.

Неоднократно Александръ Павловичъ принималъ участіе въ О-вѣ при разбирательствахъ непріятныхъ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ некорректныхъ поступковъ нѣкоторыхъ студентовъ, жившихъ въ общежитіи О-ва, по отношенію ко всей массѣ товарищей или же въ смыслѣ игнорированія правилъ внутренняго распорядка общежитія. И вотъ въ эти моменты красота характера Александра Павловича выступала съ особенной, всѣхъ умилявшей, яркостью. Обыкновенно онъ приходилъ на разбирательство съ мыслью быть защитникомъ лица обвиняемаго, какъ бы считая долгомъ заступиться за, можетъ-быть, по его мнѣнію, невиннаго и, можетъ-быть, слишкомъ слабаго, чтобы бороться съ сильной массой обвинителей. Видно было, что онъ всѣми силами старался убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли виновенъ обвиняемый или ему угрожаетъ массовая несправедливость и напрасное обвиненіе; и только тогда, когда онъ окончательно убѣждался въ томъ, что обвиняемый студентъ дѣйствительно былъ виновенъ, онъ переходилъ на сторону обвинителя и дѣлалъ нарушителю порядка серьезное, отеческое внушеніе и выговоръ, одобряя тѣ мѣры, которыя Комитетъ О-ва принималъ по отношенію къ такому лицу. Всего драгоцѣннѣе намъ, членамъ О-ва вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ И. М. Т. У., было то обстоятельство, что Александръ Павловичъ, какъ человѣкъ съ американской закваской, въ дѣлѣ помощи студентамъ проводилъ такіе же взгляды, которыми руководствуется О-во, и которые, какъ мнѣ недавно пришлось убѣдиться въ дѣлѣ созданія одной стипендіи, къ сожалѣнію,

чужды многимъ добрымъ и отзывчивымъ на помощь членамъ нашей технической семьи. Именно: помощь студентамъ должна оказываться не въ видѣ безвозвратнаго подаянія, унижающаго личность будущаго гражданина великой и могущественной страны, а въ видѣ вспомоществованія въ долгъ, при чемъ долгъ этотъ долженъ быть возвращенъ О-ву лицомъ, получившимъ эту помощь (а не милостыню) тогда, когда оно достигнетъ такого общественнаго положенія и такого матеріальнаго благосостояніе, при которыхъ оно въ состояніи будетъ вернуть полученное въ дни студенчества; необходимо дать возможность возвращенными О-ву средствами оказать аналогичную помощь другому нуждающемуся студенту, претерпѣвающему во время ученія такую же, а можетъ-быть и горшую судьбу.

Молодежь должна въ тѣ годы, когда она стоитъ еще далеко отъ соблазновъ жизни, могущихъ развратить личность, вышколить въ себѣ силу воли и характера, чтобы впослѣдствіи въ практической дѣятельности на благо дорогой Россіи быть въ состояніи противиться всѣмъ этимъ соблазнамъ жизни. Вѣдь теперь, когда идетъ борьба на жизнь и на смерть за освобожденіе нашей родины отъ порабощенія торжествовавшимъ во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни германизмомъ, всего болѣе слѣдуетъ серьезно подумать о самоусовершенствованіи личности. Послѣ побѣды надъ дерзкимъ врагомъ, въ которую мы всѣ инстинктивно и свято вѣримъ, когда намъ придется строить новую, могущественную и счастливую Россію — государство лучшаго будущаго, намъ нужны хорошіе, дѣльные и честные строители, а потому однимъ изъ важныхъ средствъ воспитанія сильной личности слѣдуетъ считать пріученіе молодежи къ сознанію своего долга во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятельности. Какъ личный другъ покойнаго Александра Павловича, я знаю, что онъ былъ того же мнѣнія въ этомъ вопросѣ; онъ неоднократно въ бесѣдахъ со мной высказывался въ томъ смыслѣ, что ему ненавистна всякая безвозвратная помощь нуждающимся студентамъ.

Лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго можно считать то обстоятельство, что за послѣдніе два года своей жизни Александръ Павловичъ передавалъ О-ву вспомоществованія нуждающимся студентамъ И. М. Т. У. существующія при Училищѣ штатныя суммы, ассигнуемыя Учебнымъ Комитетомъ какъ пособія на взносъ платы за недостаточныхъ студентовъ съ тѣмъ, чтобъ О-во выдавало эти суммы нуждающимся студен-

тамъ на общемъ основаніи, т.-е. подъ долговыя обязательства этихъ лицъ. Въ этомъ вопросѣ Александръ Павловичъ шелъ еще дальше: онъ въ прошломъ году вмѣстѣ съ секретаремъ Общества Н. Н. Шварцманомъ и мной ѣздилъ къ г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа ходатайствовать о томъ, чтобы казенныя стипендіи, имѣющіяся при Училищѣ, передавались О-ву вспомоществованія нуждающимся студентамъ И. М. Т. У. съ тѣмъ, чтобы онѣ выдавались нуждающимся тоже на общемъ основаніи, т.-е. подъ долговыя обязательства.

Я бы могъ еще много разсказать Вамъ о той благотворной дѣятельности Александра Павловича, которую онъ несъ на пользу О-ва, но боюсь, что и такъ утомилъ Ваше вниманіе.

Неожиданно подкравшаяся и сразившая дорогого намъ человѣка смерть отняла и отъ О-ва многолѣтняго драгоцѣннаго дѣятеля. Любовь О-ва къ Александру Павловичу выразилась въ юбилейный день двадцатипятилѣтняго существованія О-ва 9-го апрѣля прошлаго года единогласнымъ избраніемъ его Почетнымъ Членомъ О-ва за его постоянное, съ основанія О-ва, сердечное отношеніе къ нуждамъ О-ва, за 19-лѣтніе труды въ качествѣ должностного лица и за активное содѣйствіе задачамъ О-ва въ качествѣ директора И. М. Т. У. и непремѣннаго члена Комитета О-ва.

Многіе изъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и я, видѣли въ этотъ торжественный день дорогого Александра Павловича въ послѣдній разъ. Кто тогда могъ думать, что черезъ мѣсяцъ послѣ этого навѣки уйдетъ отъ насъ этотъ человѣкъ, полный энергіи, силы и, въ то же время, необыкновенной душевной мягкости и доброты, дѣлавшими этого дивнаго человѣка всѣмъ намъ столь дорогимъ.

Миръ праху твоему, прекрасный, въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. П. ГАВРИЛЕНКО ВЪ ОБЩЕСТВѢ ИМЕНИ Х. С. ЛЕДЕНЦОВА.

РѢЧЬ Н. Ф. ЧАРНОВСКАГО.

Общество содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій имени Х. С. Леденцова поручило мнѣ передать Училищу чувство глубокаго соболѣзнованія по поводу постигшей насъ общей тяжелой утраты и въ краткомъ словѣ выразить тѣ чувства глубокаго почтенія, которыя Совѣтъ Общества хранитъ къ памяти почившаго.

Съ самаго основанія Общества Александръ Павловичъ Гавриленко былъ въ числѣ его членовъ-учредителей. Входя, какъ Почетный членъ въ составъ Совѣта Общества, онъ являлся однимъ изъ дѣятельныхъ организаторовъ всѣхъ его учрежденій, и въ дружной совмѣстной работѣ въ составѣ Совѣта перваго и второго трехлѣтій по первоначальной организаціи Общества не мало труда выпало и на долю Александра Павловича.

Наиболѣе видное участіе въ дѣятельности Совѣта Александръ Павловичъ проявилъ въ роли эксперта и предсѣдателя одного изъ отдѣловъ Экспертныхъ Комиссій, а также и при разсмотрѣніи въ Совѣтѣ всѣхъ индивидуальныхъ заявленій объ изобрѣтеніяхъ въ различныхъ областяхъ науки и техники, которыя проходили черезъ Совѣтъ, при чемъ Александръ Павловичъ являлся однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ засѣданій Совѣта.

Въ тѣхъ многочисленныхъ докладахъ, которые представлены Александромъ Павловичемъ въ Совѣтъ Общества и которые хранятся въ дѣлахъ въ качествѣ документовъ, а въ настоящее время представляются для насъ, его сотоварищей по работѣ, драгоцѣнными реликвіями, отражаются всѣмъ памятныя, дорогія всѣмъ знавшимъ его, черты характера и богато одаренной натуры.

Эти черты характера выступаютъ, между прочимъ, и въ самой редакціи и въ особомъ лаконическомъ стилѣ отзывовъ, идеальныхъ по краткости и опредѣленности, всегда идущихъ прямо къ цѣли и указывающихъ на самую суть вопроса; какъ этотъ стиль, манера выражать свою мысль, такъ и всѣмъ намъ знакомый отчетливый почеркъ живо напоминаютъ намъ привлекательный образъ талантливаго автора этихъ докладовъ; въ нихъ виденъ не только крупный техникъ, но и рѣдкаго ума человѣкъ съ чуткой, отзывчивой душой.

Позвольте припомнить нѣкоторые изъ его отзывовъ, въ которыхъ съ такой ясностью выступаетъ особый даръ ихъ автора — въ немногихъ словахъ сказать многое, совершенно достаточное для опредѣленнаго заключенія по данному вопросу.

I. Вопросъ объ устройствѣ самобалансирующаго разсѣва является въ настоящее время моднымъ. Почти всѣ фирмы, изготовляющія мельничныя машины, занимаются разработкой этого вопроса. Мысль изобрѣтателя оригинальна, выполненіе просто и заслуживаетъ вниманія.

II. Клапанъ представляетъ интересъ, и нужно полагать, что во многихъ случаяхъ можетъ найти себѣ примѣненіе.

III. Предлагаемый способъ представляется настолько труднымъ по выполненію и настолько малообѣщающимъ по сравненію съ существующими способами отливки, что едва ли представляется необходимость въ производствѣ опытовъ.

IV. Идея не нова; подобныя форсунки (Хелимскаго и друг.) были предложены, но распространенія не получили. Въ данномъ случаѣ изобрѣтеніе представляетъ лишь схему, очень сложную, безъ конструктивной разработки.

V. Сама топка не представляетъ новизны, но по своей конструкціи должна давать хорошіе результаты при сжиганіи топлива въ толстомъ слоѣ (напр., антрацитъ). Сдѣланныя улучшенія вносятъ нѣкоторое удобство въ обращеніи съ топкой по сравненію съ другими подобными топками.

VI. Проектъ конструктивно совершенно не разработанъ. На удаленіе золы и шлаковъ не обращено вниманія и для этого не предлагается никакихъ мѣръ. Газогенераторы съ вращающейся рѣшеткой уже существуютъ и хорошо работаютъ. Въ виду того, что изобрѣтателемъ не намѣчено ничего для удаленія золы и шлаковъ, а между тѣмъ очистка генератора отъ золы является условіемъ первостепенной

важности для его успѣшной работы, разсчитывать на успѣхъ предлагаемаго генератора, на ряду съ существующими системами Kerpely, Rehmann'a и Pietter'a (Hilger) едва ли возможно.

Александръ Павловичъ съ одинаковымъ вниманіемъ и бережнымъ уваженіемъ относился ко всякому проявленію мысли и иниціативы, невзирая ни на общественное положеніе, ни на отсутствіе дипломированной учености у изобрѣтателей.

Я лично никогда не забуду одного факта изъ дѣятельности Александра Павловича по Обществу: какой-то изъ обитателей Московской каторжной тюрьмы черезъ своихъ родныхъ добился того, чтобы его идея и модель машины были представлены на одобреніе Общества — въ лицѣ Александра Павловича.

Александръ Павловичъ принялъ живое участіе въ этомъ человѣкѣ, дошедшемъ, можно сказать, до послѣдняго предѣла человѣческаго униженія, но положеніе Александра Павловича, какъ директора Училища, не позволяло ему войти въ непосредственныя объясненія съ обитателемъ каторжной тюрьмы, и эта бесѣда была поручена мнѣ и Е. К. Мазингу. Я помню, съ какимъ интересомъ Александръ Павловичъ разспрашивалъ о предложеніяхъ этого узника и съ какимъ искреннимъ огорченіемъ отнесся онъ къ нашему сообщенію, что предлагаемый проектъ представлялъ ничто иное, какъ „перпетуумъ мобиле", въ одной изъ наиболѣе наивныхъ формъ. Вѣдь разочарованіе въ осуществимости своей идеи для узника было въ то же время крушеніемъ его надеждъ на улучшеніе своей участи въ возмѣщеніе тѣхъ необыкновенныхъ благъ, которыми онъ расчитывалъ наградить человѣчество, — и это разочарованіе было такъ понятно чуткой душѣ Александра Павловича.

Рѣдкая добросовѣстность въ отношеніи принятой на себя работы, чрезвычайная внимательность и живой интересъ къ существу предложенія, необыкновенное терпѣніе при разборѣ деталей не всегда понятныхъ чертежей и описаній и такое же терпѣніе и благожелательное отношеніе при личныхъ объясненіяхъ съ авторами изобрѣтеній, зачастую мало считающихся съ чужимъ временемъ и нерѣдко лишенныхъ необходимой подготовки для толковаго выраженія своихъ идей, всегда были присущи Александру Павловичу въ роли эксперта Общества.

Съ присущей ему чуткостью, деликатностью и рѣдкой отзывчивостью, Александръ Павловичъ разъяснялъ авторамъ многихъ скороспѣлыхъ предложеній ихъ неосновательность или непримѣнимость; въ

А. П. Гавриленко среди экспертовъ Сельскохозяйственной выставки
19 августа 1896 года.

случаѣ, если среди множества неудачныхъ идей встрѣчалась искра творческаго таланта, Александръ Павловичъ не щадилъ собственнаго времени и труда, чтобы эту слабую искру раздуть въ возможно яркое пламя, направить творческія способности изобрѣтателя по должному пути или хотя бы дать ему возможность путемъ правильно поставленнаго опыта оцѣнить и исправить свою ошибку.

Уваженіе къ чужой личности, какъ и необыкновенная терпимость къ чужому мнѣнію, являвшіяся отличительными чертами характера Александра Павловича, создавали необыкновенно благопріятныя условія для всякой совмѣстной работы съ нимъ, и уже всѣхъ указанныхъ качествъ ума и сердца Александра Павловича было бы достаточно, чтобы считать утрату такого сочлена большой потерей для всѣхъ его сотрудниковъ и сослуживцевъ. Но къ этому присоединялись глубокія познанія и пытливость ума, способнаго оцѣнить и съ интересомъ отнестись ко всякой идеѣ, научной или практической, даже не входящей въ сферу обычной научной дѣятельности покойнаго; его необыкновенная дѣловитость и практичность, находившая наилучшій выходъ во многихъ сложныхъ случаяхъ при разрѣшеніи поставленныхъ Обществу вопросовъ; наконецъ, его обширныя дѣловыя связи и отношенія съ множествомъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ науки и техники, которыхъ такимъ путемъ можно было привлечь къ сотрудничеству въ работѣ, — все это придавало особую цѣнность участію Александра Павловича въ дѣятельности Совѣта.

Со смертью А. П. Гавриленко, послѣдовавшей вскорѣ послѣ такой же безвременной смерти члена Совѣта П. Н. Лебедева, Совѣтъ Общества пережилъ такимъ образомъ вторую тяжелую утрату изъ состава первыхъ сочленовъ-учредителей... Но свѣтлая память о почившемъ будетъ вѣчно хранима въ стѣнахъ Общества и въ благодарномъ сознаніи членовъ Совѣта, для которыхъ плодотворная дѣятельность Александра Павловича Гавриленко навсегда останется образцомъ благороднаго служенія идеаламъ Общества и завѣтамъ его незабвеннаго основателя.

А. П. ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ТЕХНИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

РѢЧЬ Р. В. ПОЛЯКОВА.

„Огонь, вода, земля и воздухъ — четыре царственныя стихіи, съ которыми неизмѣнно живетъ моя душа въ радостномъ и тайномъ соприкосновеніи. Ни одного изъ ощущеній я не могу отдѣлить отъ нихъ, и помню объ ихъ четвероглаcіи всегда“... Я позволилъ себѣ взять въ качествѣ эпиграфа къ моей краткой рѣчи эти слова Бальмонта, потому что, на мой взглядъ, они въ нѣсколько перефразированной, можетъ-быть, формѣ выражаютъ размѣры всей многообразной, многогранной и многообъемлющей технической дѣятельности Александра Павловича. Въ самомъ дѣлѣ, если подъ техникой разумѣть, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ нашихъ товарищей-философовъ П. К. Энгельмейеръ, „искусство вызывать явленія природы планомѣрно и на основаніи познанныхъ естественныхъ взаимодѣйствій“, а подъ технической дѣятельностью и технической работой, — согласно Kraft'у, такую, выполненіе которой требуетъ сознательнаго волевого примѣненія, совмѣстно или порознь, физическихъ и химическихъ принциповъ, то, конечно, Александръ Павловичъ является такимъ дѣятелемъ въ самомъ полномъ и обширномъ значеніи этихъ словъ, и примѣняя къ нему въ качествѣ характеристики это опредѣленіе, нужно выяснить лишь тотъ мощный масштабъ, тѣ громадныя, я бы сказалъ, рамки, сложныя и многостворчатыя рамки, въ которыя эта дѣятельность укладывалась. Что Александръ Павловичъ былъ техническимъ дѣятелемъ — это для каждаго, кто когда-либо и сколько-нибудь имѣлъ возможность съ нимъ соприкасаться или соприкоснуться, совершенно ясно; техника била, можно сказать, изъ всѣхъ уголковъ его ясной и мощной фигуры, техника просачивалась сквозь всѣ поры его многогранной и чистой души.

Техника накапливалась въ Александрѣ Павловичѣ годами, начиная съ самаго окончанія имъ курса Техническаго Училища, когда онъ, юный, здоровый и улыбающійся открывшемуся предъ нимъ жизненному пути, вышелъ на широкую арену быстро развивавшагося тогда русскаго машиностроенія; техника накапливалась въ немъ, когда онъ, въ поискахъ прикладныхъ знаній, непосредственной практики и собственнаго, не съ чужихъ словъ заученнаго опыта, переходилъ съ одного американскаго завода на другой и жадной открытой грудью вдыхалъ въ себя воздухъ американскихъ методовъ, американскихъ привычекъ и американскаго размаха; техника накапливалась въ немъ, когда онъ, по возвращеніи на родину, жадно окунулся въ безбрежное и тогда море технической работы, широко разлившееся по лицу земли ея. Техника накапливалась въ Александрѣ Павловичѣ, накапливался запасъ потенціальной технической энергіи, которая, естественно, должна была найти себѣ и выходъ. И этотъ выходъ произошелъ и постепенно, и сразу въ одно и то же время, произошелъ въ различныхъ направленіяхъ. Родное ему Училище, alma mater, съ которымъ у каждаго изъ насъ связаны незабвенныя воспоминанія о лучшихъ и часто безвозвратныхъ моментахъ нашей жизни, пригласило его быть руководителемъ той студенческой среды, къ которой и онъ когда-то принадлежалъ, и вы видѣли уже изъ рѣчей предыдущихъ ораторовъ, въ особенности А. И. Сидорова и А. И. Астрова, что принесъ съ собой Александръ Павловичъ въ Училище и что онъ ему далъ. Съ Училищемъ связана, такимъ образомъ, одна изъ лучшихъ и почетнѣйшихъ страницъ дѣятельности Александра Павловича, дѣятельности, направленной на созданіе и воспитаніе техническихъ работниковъ Россіи.

Какъ ни почетна такая работа, какъ ни привлекательна она сама по себѣ, Александръ Павловичъ понятно не могъ ею одной удовлетвориться: слишкомъ для этого, какъ я уже сказалъ, было въ немъ много потенціальной технической энергіи, слишкомъ много онъ до этого погружался въ практику заводской и технической жизни, чтобы замкнуть себя въ рамки, тоже хотя и широкія сами по себѣ, но все же одностороннія, теоретической училищной работы; его душа жаждала единенія съ технической жизнью потусторонней — жажда нашедшая себѣ выходъ въ многочисленныхъ консультаціяхъ, преимущественно изъ области котельнаго и общаго заводскаго хозяйства. У

котла, при свѣтѣ пламени топочнаго огня, въ непосредственной близости котельной воды, въ жаркомъ воздухѣ котельной, прошли многіе дни жизни Александра Павловича, и мы знаемъ, что и смерть постигла его, можно сказать, на этомъ же посту, что эти стихіи, которыя столько разъ ласкали и убаюкивали его, какъ колыбельная пѣсня, въ концѣ концовъ свели его въ могилу.

Какъ другую сторону дѣятельности Александра Павловича, отличную отъ котельной, я имѣю въ виду работу его въ области технологической: Александръ Павловичъ былъ помощникомъ директора завода Московскаго Товарищества Механическихъ издѣлій, конструкторомъ механическаго завода Добровъ и Набгольцъ, завѣдующимъ городской сѣтью московскаго водопровода, совладѣльцемъ механическаго завода „Вулканъ". Я лично имѣлъ возможность слѣдить за дѣятельностью Александра Павловича именно въ этой послѣдней его роли, когда наружу проступала не только дѣловая техническая сторона его души, проникнутая чувствомъ строгой отвѣтственности — качествомъ, присущимъ всякому крупному дѣятелю—но преслѣдовалось также споспѣшествованіе довольству его окружающихъ. И если не всѣ, быть-можетъ, согласятся съ Декартомъ, что „чрезъ технологію, какъ великое приложеніе физики, будущее достигнетъ состоянія, при которомъ люди безъ труда, при здоровьѣ души и тѣла, будутъ наслаждаться плодами земли", то всѣ, за то, безъ сомнѣнія, признаютъ, что при такихъ людяхъ — техникахъ и технологахъ, какимъ былъ покойный Александръ Павловичъ, скорѣе и вѣрнѣе можно прійти къ этому идеалу Декарта.

А. П. ГАВРИЛЕНКО
И ИНЖЕНЕРЫ И. Т. У.

РѢЧЬ Ф. А. ДАНИЛОВА.

Небывалыя событія, переживаемыя нами, потрясаютъ наше сознаніе и напрягаютъ наши чувства до высокой степени, но мы живы и крѣпки и доведемъ эту борьбу несомнѣнно до конца, потому что у насъ есть идеалы и эти идеалы прочны въ насъ, потому что есть люди и были люди, въ которыхъ живы были эти идеалы. А. П. какъ разъ есть одинъ изъ тѣхъ образовъ, которыми мы живемъ и вдохновляемся въ наше время. Здѣсь мы слышали отъ студенчества, что А. П. былъ ихъ истиннымъ другомъ; мы, инженеры Техническаго Училища, можемъ сказать, что А. П. былъ также нашимъ другомъ, нашимъ старшимъ товарищемъ, онъ первый пытался сблизить инженеровъ Техническаго Училища съ ихъ alma mater. До него Техническое Училище для инженеровъ было неприступной крѣпостю: стоило только юношѣ оставить эти стѣны и онѣ почти всегда для него закрывались навсегда. Правда, что юноша, окончившій Училище, больше думаетъ о своей будущей творческой жизни, чѣмъ объ Училищѣ, гдѣ онъ получилъ образованіе, но проходитъ 2 — 3 года и мысли его возвращаются къ его школѣ и онъ видитъ, что она ему необходима, что научныя силы и богатыя коллекціи и лабораторіи необходимы ему, потому что знаній недостаточно и не можетъ высшая школа дать полный комплексъ знаній; она научаетъ человѣка пользоваться этими знаніями, даетъ матеріалъ и способы самостоятельно мыслить и работать. И вотъ А. П. первый созналъ, что инженерамъ, окончившимъ Техническое Училище, это Училище необходимо, и онъ первый, со свойственной ему чарующей улыбкой, позвалъ ихъ опять къ себѣ, и мы увѣрены, что послѣ него и при его многоуважаемомъ преемникѣ,

В. И. дѣло это не замретъ, а пойдетъ дальше и что инженеры Техническаго Училища несомнѣнно найдутъ себѣ пріютъ для полученія необходимыхъ знаній. Практика, конечно, необходима и является великимъ дѣломъ, но практика безъ науки не имѣетъ никакой цѣнности, ибо именно только наука можетъ довести практику до высшаго проявленія. А. П. и въ Политехническомъ О-вѣ, какъ было здѣсь указано, и въ непосредственномъ соприкосновеніи съ инженерами Техническаго Училища давалъ возможность сблизиться съ этой школой и при его содѣйствіи были устроены курсы по тепловой техникѣ. Мнѣ лично довелось здѣсь работать въ лабораторіи по тепловой техникѣ, здѣсь устраивались курсы по электротехникѣ. Политехническое О-во подъ его предсѣдательствомъ устроило курсы, привлекшіе массу людей. Вотъ это обстоятельство слѣдуетъ отмѣтить, потому что наша alma mater послѣ нѣсколькихъ лѣтъ для окончившихъ курсъ особенно настойчиво и ясно выступаетъ, какъ необходимая принадлежность нашей дальнѣйшей практической работы. Много въ этихъ стѣнахъ созрѣло талантовъ, много выдающихся лицъ жило и мыслило здѣсь; многіе изъ нихъ отошли въ иной міръ и среди нихъ особенно рельефно выступаютъ двѣ крупныя фигуры: одна изъ нихъ, многимъ изъ васъ, молодыхъ инженеровъ, можетъ быть, и неизвѣстная, — бывшій профессоръ Техническаго Училища, Ф. М. Дмитріевъ, истинный другъ народа. Поѣзжайте въ Раменское и вамъ рабочіе скажутъ, что, когда имъ трудно, когда имъ тяжело, они идутъ на могилу Дмитріева и тамъ, предъ прекрасной статуей Христа Спасителя служатъ панихиду и послѣ этого, по ихъ словамъ, имъ дѣлается легче. Другая крупная фигура,—это тотъ, чей образъ, господа, такъ живъ среди насъ. Мы видимъ чудный взглядъ его глазъ, его привѣтливую, ласковую улыбку, съ которой онъ встрѣчалъ насъ, когда былъ живъ, мы слышимъ его тихую поступь, его пріятный голосъ. Это другъ студенчества, это нашъ другъ — А. П. Господа молодые инженеры, когда вамъ будетъ трудно, когда Вамъ будетъ тяжело, вспомните образъ А. П., подумайте, какъ бы онъ поступилъ въ такомъ положеніи и, если вы сдѣлаете такъ же, вы не ошибетесь: вамъ будетъ легче. Будемъ же хранить въ нашихъ сердцахъ память объ этихъ свѣтлыхъ образахъ и намъ будетъ легче работать, наша мысль будетъ окрыляться, наша работа будетъ въ высшей степени производительной, а имъ, отошедшимъ въ могилу, вѣчная слава.

А. П. ГАВРИЛЕНКО ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ЭПИЗОДОВЪ ОБЪЕДИНЕНІЯ МОСКОВСКИХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ СИЛЪ.

РѢЧЬ С. И. КРИЧЕВСКАГО.

Объединеніе инженерныхъ и обще-техническихъ силъ является вопросомъ весьма большой важности, вопросомъ, о который много разъ разбивались усилія не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ обществъ. За послѣдніе годы мы въ Москвѣ достигли значительныхъ результатовъ, но еще недалеко то время, когда объединеніе инженеровъ даже въ Москвѣ представлялось чѣмъ-то недосягаемымъ, когда отдѣльныя общества и отдѣльные инженеры были разрознены, были далеки другъ отъ друга, даже рѣшая вопросы общей ихъ спеціальности. Но въ 1902 году все-таки возникла мысль о созданіи широкаго общества, въ которомъ могли бы объединиться лица, окончившія курсъ не въ опредѣленномъ учебномъ заведеніи и не по опредѣленной спеціальности, а всѣ лица, работающія на техническомъ поприщѣ и имѣющія опредѣленные интересы не только какъ техники, но и какъ люди. Работали надъ этимъ вопросомъ очень долго, но въ виду того момента, который мы тогда переживали, въ виду особенной строгости къ проявленію всякой общественной иниціативы, пришлось ограничиться не широкими начинаніями, а выработать уставъ, который давалъ бы возможность инженерамъ объединиться на почвѣ разумныхъ развлеченій. Такъ тянулось до 1904 года. Въ 1904 году всталъ вопросъ о томъ, подавать ли такой уставъ на утвержденіе, или, повинуясь вліянію времени, которое тогда настало, вложить въ уставъ другія начала. Вотъ въ рѣшеніи этого вопроса покойный А. П. и сыгралъ весьма значительную роль. Собранія, тогда устраивавшіяся для рѣшенія вопроса, по какому пути вести объединеніе инженеровъ въ Москвѣ, показали, что это объединеніе надо вести не только подъ

флагомъ развлеченій и разрѣшенія техническихъ вопросовъ, но и подъ флагомъ гражданственности. А. П., предсѣдательствуя на нѣсколькихъ собраніяхъ, вполнѣ реально выразилъ эту мысль и, если были еще люди, которые колебались пойти по этому пути, не привычному, но весьма важному, то мнѣніе А. П. всякія колебанія устраняло; его авторитетъ привелъ къ тому, что обсужденія окончились организаціей въ Москвѣ Союза Инженеровъ. Вы можете припомнить, что этотъ Союзъ вошелъ, какъ составная часть, въ Союзъ Инженеровъ и Техниковъ. Затѣмъ настали другія времена. Союзъ прекратилъ свое существованіе и нѣкоторыя другія организаціи получили жизнь, но нельзя забывать, что, благодаря А. П., въ техническія организаціи проникъ духъ объединенія и гражданственности. Все, что случилось впослѣдствіи, всѣ тѣ объединительныя тенденціи, которыя потомъ нарождались и давали зрѣлые плоды, въ родѣ Бюро Объединенныхъ Организацій, которое объединяетъ всѣхъ техниковъ Москвы въ дѣлѣ помощи жертвамъ войны, это имѣетъ своимъ началомъ тѣ времена, когда дѣлу объединенію техниковъ помогъ покойный А. П.

А. П. ГАВРИЛЕНКО, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

РѢЧЬ Д. И. ВИНОГРАДОВА.

Господа, Александръ Павловичъ охарактеризованъ предъ вами, и какъ профессоръ, и какъ директоръ, и какъ инженеръ, и какъ общественный дѣятель, и мнѣ остается напомнить обликъ прекраснаго человѣка, который былъ намъ близокъ и котораго мы любили, попробовать очертить его личность въ цѣломъ и посмотрѣть, какія условія способствовали ея формированію.

Я представляю себѣ человѣка, который пришелъ въ первый разъ по дѣлу къ Александру Павловичу; что въ характерѣ Александра Павловича сразу произвело бы свое впечатлѣніе? Прежде всего, ему кинулось бы въ глаза его спокойное расположеніе къ пришедшему, стало бы яснымъ, что все, что Александръ Павловичъ можетъ для него сдѣлать, онъ несомнѣнно сдѣлаетъ. И вотъ эти два свойства — его спокойствіе и его расположеніе къ людямъ — были очевидны съ перваго взгляда. Если дѣло шло дальше, то обнаруживался его ясный умъ. Онъ тотчасъ схватывалъ все дѣло. Затѣмъ—его рѣдкая правдивость и прямота. Онъ говорилъ то, что дѣйствительно думалъ сдѣлать, и никогда человѣка въ заблужденіе не вводилъ. Кто сталкивался съ нимъ ближе, видѣлъ простоту его обращенія и терпимость, а тотъ, кто работалъ съ нимъ, тотъ удивлялся его колоссальной работоспособности.

Вотъ основные элементы его личности; они и опредѣляли его дѣятельность. Мало сказать, что Александръ Павловичъ былъ добръ, любилъ людей; болѣе того, онъ любилъ общество, въ особенности общество молодежи. Чрезвычайно характерно, что Александръ Павловичъ любилъ дѣтей, умѣлъ съ ними возиться, и такое времяпрепровожденіе доставляло ему наслажденіе.

Подходя къ какому-нибудь новому человѣку, положимъ, въ Политехническомъ О-вѣ, Александръ Павловичъ искалъ въ немъ хорошія стороны; а если видѣлъ опредѣленныя отрицательныя черты, то надъ ними онъ добродушно смѣялся, никогда не осуждая: я никогда не слышалъ отъ него рѣзкихъ отзывовъ. Онъ не умѣлъ ненавидѣть, что, конечно, для политическаго дѣятеля, необходимо. Доброта Александра Павловича проявлялась главнымъ образомъ на мѣстѣ основной его дѣятельности — въ Моск. Технич. Училищѣ. Студенты много разъ повторяли, что въ немъ они потеряли даже не отца, а просто старшаго товарища, всегда готоваго помочь, дать совѣтъ, выручить. Но я знаю много случаевъ, неизвѣстныхъ широко студенчеству, когда Александръ Павловичъ доходилъ въ своихъ заботахъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ до мелочей; напримѣръ, по отношенію къ одному безнадежно больному студенту Александръ Павловичъ мелочно заботился о томъ, чтобы облегчить его участь. Эти случаи не были извѣстны широкимъ кругамъ. Здѣсь выступаетъ новая черта характера Александра Павловича: онъ популярности не искалъ и терпѣть не могъ параднаго ея проявленія; между тѣмъ онъ нашелъ эту популярность, какъ никто.

Я уже говорилъ, что Александръ Павловичъ былъ чрезвычайно прямъ и правдивъ. Онъ никогда не пряталъ своихъ настоящихъ мыслей и не облекалъ ихъ въ неподходящую форму; и конечно, эта прямота во многихъ случаяхъ жизни ему несомнѣнно вредила. Дипломатомъ онъ не могъ быть, и въ „сферахъ" его поэтому не понимали. Но самымъ характернымъ въ Александрѣ Павловичѣ все-таки было его чрезвычайное спокойствіе. Вмѣстѣ съ его яснымъ умомъ (Н. Е. прекрасно отмѣтилъ, что въ разныхъ сложныхъ теоретическихъ вопросахъ, совершенно не по спеціальности, Александръ Павловичъ сейчасъ же схватывалъ самую суть дѣла) это спокойствіе опредѣляло его обликъ. Онъ никогда не увлекался и ни передъ чѣмъ не терялся. Это сочетаніе было особенно цѣнно въ тяжелые годы нашего Училища — 1905—1906. Многіе, можетъ-быть, помнятъ, что въ помѣщеніяхъ Училища одно время расположилась посторонняя вооруженная компанія, и если бы не умъ и тактичность Александра Павловича, то дѣло не обошлось бы безъ серьезныхъ столкновеній.

Я припоминаю одинъ эпизодъ, который нѣкоторые изъ присутствующихъ тоже, вѣроятно, помнятъ. Я вспоминаю день похоронъ

Баумана. Группа преподавателей, въ томъ числѣ и я, смотрѣли вмѣстѣ съ Александромъ Павловичемъ изъ окна на дворъ. Дворъ былъ залитъ огромной толпою; гирлянды, флаги, плакаты... Всѣ были тревожны, только Александръ Павловичъ сохранялъ спокойствіе. И вотъ, — какъ сейчасъ я себѣ это представляю, — блѣдный и взволнованный подошелъ къ Александру Павловичу смотритель зданій и сказалъ, что „вывѣшиваютъ флаги неподходящаго, краснаго цвѣта. Что дѣлать? Снимали ихъ, опять вывѣшиваютъ, и ясно, что хотятъ ихъ защищать". Александръ Павловичъ совершенно невозмутимо отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Что же вы думаете, государственный строй Россіи измѣнится что ли отъ красной тряпки на нашемъ крыльцѣ»? Эти спокойныя, можетъ быть, рѣзкія слова сразу измѣнили настроеніе. Конечно, это пустякъ, но такіе пустяки иногда кончались кровью. По моему, въ этомъ эпизодѣ Александръ Павловичъ обрисовался весь, съ его яснымъ умомъ, расположеніемъ къ людямъ, готовностью взять на себя отвѣтственность, полнымъ пренебреженіемъ къ формѣ.

Его работоспособность была изумительна. Его рабочій день начинался раньше 9 ч. утра и съ перерывомъ отъ 4, рѣже 3 ч. до 7—7$^1/_2$, тянулся до глубокой ночи. Работоспособность его была паразительна и физическихъ силъ у него было больше, чѣмъ на двоихъ.

Въ часы досуга, въ обществѣ, А. П. былъ незамѣнимъ; онъ былъ прямо очарователенъ. Онъ и говорилъ немного, но такъ сердечно и весело, что сразу становился центромъ компаніи. Никто изъ насъ не забудетъ, конечно, его улыбку и его совершенно особенный, заразительный смѣхъ, который такъ много привлекалъ къ нему людей.

Я боюсь утомить васъ мелочами его характеристики и считаю, что основныя черты его облика достаточно ясны. Я хочу теперь коснуться того, какъ его характеръ сложился, коснуться нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ, не всѣмъ извѣстныхъ.

А. П. родился черезъ 10 дней послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ: 1 марта 1861 года. Онъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. У его отца было небольшое имѣніе въ Екатеринославской губ.; тамъ протекли первые годы его дѣтства. Потомъ семья переселилась на Кавказъ, и дѣла ея пошатнулись. Отецъ А. П. занялся на Кавказѣ овцеводствомъ, но дѣло не пошло, и черезъ нѣсколько лѣтъ семья переселилась въ Москву, оставшись почти безъ

средствъ. А. П. сначала былъ помѣщенъ въ реальное училище Воскресенскаго, но очень скоро, 12-и лѣтъ, перевелся въ приготовительный классъ нашего Техническаго Училища; оно въ то время было въ вѣдомствѣ Учрежденій Императрицы Маріи и имѣло три приготовительныхъ класса, три общихъ и три спеціальныхъ. Центромъ тяжести преподаванія была работа въ мастерскихъ. Воспитанники помѣщались въ интернатѣ, въ которомъ режимъ былъ весьма суровымъ. Конечно, инженерная подготовка, которую давало тогда Техническое Училище, была весьма слаба, но во всякомъ случаѣ школа того времени имѣла свои хорошія особенности. Во-первыхъ, школу кончали молодые люди, кончали, чтобы работать и развиваться дальше. А. П. кончилъ курсъ 21 года — 2-3 мѣсяца спустя послѣ совершеннолѣтія. Во-вторыхъ, школа пріучала болѣе, чѣмъ теперь, къ систематическому труду, и, въ-третьихъ, среди воспитанниковъ невольно развивалось чувство крѣпкаго товарищества и связи со школою. Я помню, что когда я, 20 лѣтъ тому назадъ, поступилъ въ Техническое Училище, уже реформированное, насъ было около 400 человѣкъ и мы знали не только всѣхъ студентовъ на своемъ курсѣ, но и многихъ другихъ, также и преподаватели — я увѣренъ, что, напримѣръ, Н. А. Шапошниковъ и П. К. Худяковъ знали всѣхъ студентовъ Училища. А если взять времена за 10-15 лѣтъ передъ тѣмъ, то, конечно, всѣ воспитанники знали другъ друга и преподавательскій персоналъ зналъ ихъ всѣхъ, т.-е. это была одна простая, рабочая семья. Эту-то школу прошелъ А. П. и, должно-быть, она была какъ разъ по немъ. Основы техническихъ наукъ въ ихъ тогдашнемъ состояніи она ему дала; а отпраздновать свое совершеннолѣтіе, получая дипломъ — развѣ это одно не можетъ искупить многихъ недостатковъ? Но что важнѣе всего — онъ вынесъ изъ школы любовь къ техникѣ. Эту любовь онъ доказалъ тѣмъ, что сейчасъ же послѣ окончанія поѣхалъ учиться дальше. Американскіе техническіе пріемы привлекли его интересъ, и онъ, съ тремя товарищами по выпуску, поѣхалъ въ Америку. Языка они не знали, но это ихъ мало смущало; у нихъ было мало денегъ, но зато было движимое имущество: у одного изъ нихъ были золотые часы; вотъ предметъ, который, по разсказамъ, очень рѣдко исполнялъ свое прямое назначеніе — показывать время; чаще они обходились безъ него. Очень скоро четверка раздѣлилась; А. П. остался работать вмѣстѣ съ А. Г. Розенблюмомъ. Они поступили простыми слесарями на заводъ бр. Бреннеръ, затѣмъ Бра-

унъ и Шарпъ, Вортингтонъ и др.; переходя съ одного завода на другой, они практически изучали всю обработку металловъ, въ томъ числѣ и литье. Въ теченіе трехъ лѣтъ А. П. велъ тогда жизнь американскаго рабочаго, и здѣсь, конечно, онъ изучилъ технологію, курсъ которой онъ потомъ читалъ. Кромѣ того, онъ полюбилъ эту жизнь, усвоилъ себѣ практичность американцевъ, ихъ терпимость и любовь къ свободѣ. И — что чрезвычайно интересно — когда нѣсколько лѣтъ спустя П. Н. Бочаровъ явился въ Америку съ письмомъ отъ А. П. къ одному изъ его пріятелей-рабочихъ, онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и услышалъ самые сердечные отзывы о „мистерѣ Гаври", какъ его тамъ называли. Его не только помнили, его любили. Возвратившись въ Москву, онъ поступилъ конструкторомъ на заводъ Доброва и Набгольцъ, потомъ строилъ клиники, затѣмъ завѣдывалъ городскимъ водопроводомъ, а затѣмъ сталъ на дорогу, съ которой потомъ уже не сошелъ — онъ былъ приглашенъ въ Техническое Училище, сначала репетиторомъ по машиностроенію, а потомъ сдѣлался преподавателемъ технологіи. Ему тогда минуло 32 года. Остальное вамъ изложено и освѣщено съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Просматривая эти біографическія данныя, невольно приходишь къ заключенію, что природныя дарованія и склонности А. П. получили развитіе, во-первыхъ, въ Имп. Техн. Училищѣ, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, въ Америкѣ: на всей его жизни остался отпечатокъ свободнаго американскаго рабочаго; онъ гораздо больше былъ „мистеромъ Гаври", чѣмъ русскимъ сановникомъ. И, само собою разумѣется, это дало ему въ жизни много шиповъ и терній. Я представляю себѣ, что онъ по всему своему облику, по жизни и укладу былъ столь чуждъ чиновничьей средѣ, что у него просто не было общаго языка, на которомъ онъ могъ бы сговориться.

Я, собственно, кончилъ. Но мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть еще разъ самое важное, что было въ судьбѣ А. П.: его хоронили и чествовали не Техническое Училище, не Политехническое О-во, его чествовала вся интеллигентная Москва. Въ чемъ же дѣло?

Конечно, онъ былъ талантливымъ профессоромъ, но ему не удалось сдѣлать въ наукѣ какого-нибудь открытія, чего-нибудь такого, что положило бы грань. Точно такъ же и какъ общественный дѣятель онъ не былъ творцомъ чего-нибудь новаго. Суть дѣла лежитъ во времени, въ которомъ онъ дѣйствовалъ и въ которомъ развернулись его

силы. Это были боевые годы высшей русской школы, и всю эту борьбу онъ вынесъ на своихъ плечахъ. Когда я думаю объ этой сторонѣ жизни А. П., мнѣ невольно приходитъ на умъ параллель съ характеристикой, недавно опубликованной, французскаго главнокомандующаго Жоффра, какъ это, можетъ быть, ни странно. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ничего особеннаго до войны доблестный теперь французскій главнокомандующій не сдѣлалъ. Онъ былъ прекраснымъ начальникомъ штаба и только, и другіе блистали, можетъ-быть, больше чѣмъ онъ. Но разражается катастрофа — и ясный, точный умъ, ничѣмъ не увлекающійся и ни предъ чѣмъ не теряющійся, совершенно спокойный и колоссально работоспособный — рѣшаетъ дѣло. Около него Галіени, котораго считаютъ геніальнымъ стратегомъ, безумно храбрый По, а главнокомандующій — онъ, онъ — краса и гордость націи, на немъ всѣ ея надежды.

Уменьшите масштабъ, и роль А. П. Гавриленко станетъ ясной. Онъ не былъ блестящъ въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, но сдѣлалъ чрезвычайно много: онъ былъ главнокомандующимъ въ борьбѣ высшей технической школы за автономію; эту борьбу онъ вынесъ на своихъ плечахъ и провелъ ее съ наименьшими потерями.

Я остановлюсь еще на одной чертѣ, о которой упомянулъ Василій Игнатьевичъ: А. П. не стремился быть учителемъ и никого никогда не убѣждалъ. Это глубоко справедливо. А. П. работалъ самъ, какъ первый косарь, который идетъ въ ряду другихъ косарей. Онъ никого не убѣждалъ — смотри и дѣлай. И, никого не желая учить, для студентовъ онъ сталъ учителемъ жизни, образцомъ, идеаломъ. На сходкѣ, собравшейся въ день его смерти, какъ извѣстно, студенты говорили о томъ, что въ своей будущей жизни они будутъ стремиться быть хоть сколько-нибудь похожими на А. П. Вотъ какъ высоко онъ стоялъ въ ихъ глазахъ, не желая быть учителемъ.

И вотъ, не прошло и года послѣ смерти его, и всякая борьба въ высшей технической школѣ прекратилась. Мы не знаемъ, что будетъ послѣ войны, но широкое обновленіе высшаго техническаго образованія въ Россіи признано государственной необходимостью. И несомнѣнно, что и вообще русская высшая школа находится на зарѣ широкихъ либеральныхъ преобразованій. Но, какъ бы ни говорили, что хорошо умереть въ расцвѣтѣ силъ, или что А. П. умеръ, сдѣлавъ свое дѣло, все-таки жаль, что ему не удалось вступить въ эту обѣтованную землю. Конечно, будетъ счастьемъ, если борьбы не будетъ въ высшей школѣ

и если главнокомандующаго болѣе не потребуется; но пусть бы остался просто любящій руководитель, родной всѣмъ; вѣдь, даже тѣ, кто съ нимъ не соглашался и спорилъ, даже тѣ уважали его и любили.

Предсѣдатель: Господа, прежде чѣмъ закрыть наше собраніе, посвященное дорогой намъ памяти А. П., я думаю, что настоящее собраніе приметъ два моихъ предложенія: первое относится къ выраженію чувства признательности представителямъ тѣхъ организацій и учрежденій, которыя помогли намъ болѣе широко освѣтить дорогую намъ память А. П.; второе: со смертью А. П. осиротѣло не только студенчество и тѣ учрежденія, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, но осиротѣла также и его семья,—онъ былъ и семьяниномъ и отцомъ. Я думаю, что то любовное отношеніе, которое сквозило въ рѣчахъ, то высокое почитаніе, которое у насъ есть къ покойному, послужатъ его семьѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ той скорби, которая ее постигла, и я предлагаю здѣсь выразить наше сочувствіе семьѣ А. П. въ лицѣ его супруги, Софіи Петровны Гавриленко.

(Собраніе вставаніемъ выражаетъ свое сочувствіе семьѣ А. П.)

Затѣмъ засѣданіе было закрыто предсѣдателемъ.

ВМѢСТО „ПОСЛѢСЛОВІЯ“.

Если кто-либо изъ читателей замѣтитъ, что „Сборникъ“ въ память А. П. Гавриленко могъ бы и долженъ быть „полнѣе“ и „ярче“, чѣмъ онъ есть теперь, то, вполнѣ соглашаясь съ желательностью „лучшаго“, можно, однако, сказать, что и въ настоящемъ своемъ видѣ эта книга является яркимъ доказательствомъ глубокой симпатіи членовъ Политехническаго О-ва къ А. П. Гавриленко и высоты духовнаго образа его, и вотъ почему: вся она почти цѣликомъ написана, средактирована и издана за время съ апрѣля по августъ 1915 года, — память А. П. Гавриленко была столь дорога для нихъ и дѣло увѣковѣченія ея представлялось имъ столь высокимъ, что и въ такое тяжелое время они не отложили этого дѣла, но начали и довели до конца.

А. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I.

ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Стр.

Копія одного изъ объявленій о кончинѣ А. П. Гавриленко 5
Біографическій очеркъ 7
А. П. Гавриленко, какъ директоръ И. Т. У. Н. Чарновскаго 13
А. П. Гавриленко, какъ преподаватель. А. Сидорова 22
А. П. Гавриленко, какъ членъ и дѣятель Политехнич. Общества. П. Розанова 31
А. П. Гавриленко въ Московск. Коммерческ. Институтѣ. Я. Никитинскаго . . 40
Памяти А. П. Гавриленко. А. Астрова 42
Тридцать два года подъ обаяніемъ личности А. П. Гавриленко. В. Листа . . . 44
Свѣтлой памяти А. П. Гавриленко. Б. Угрюмова 52
Памяти А. П. Гавриленко. Л. Я. Бершадскаго 58
Памяти А. П. Гавриленко. П. Бочарова 62
*** В. П. З. 67
А. П. Гавриленко и его отношеніе къ людямъ. А. Мастрюкова 72
Памяти учителя. К. С. Гордона 82
«Памяти человѣка» (стихотв.) С. С. 85
Мелочи директора. А. Ставровскаго. 86
Осмотръ петроградскихъ заводовъ. Инженера 89

Часть II.

КОНЧИНА и ПОХОРОНЫ.

Изъ газетной хроники 93
Четыре дня моей жизни. Д. И. Виноградова 103
Телеграммы 112
Письменныя выраженія соболѣзнованія 132
Надписи на вѣнкахъ 136
Рѣчи, произнесенныя на могилѣ 148
Статьи, посвященныя памяти А. П. Гавриленко 153
Изъ хроники И. Т. У. и Политехническаго Общества 167
Порядокъ похоронъ 175

Часть III.

ГОДОВЩИНА КОНЧИНЫ.

Стр.

Протоколъ торжественнаго засѣданія И. Т. У. и Политехническаго О-ва, посвященнаго памяти А. П. Гавриленко 181

РѢЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ:

А. П. Гавриленко, какъ директоръ И. Т. У. Проф. А. И. Астрова 193
А. П. Гарвиленко, какъ ученый инженеръ и конструк. Проф. Н. Е. Жуковскаго . 199
А. П. Гавриленко, какъ преподаватель. Проф. А. И. Сидорова 201
А. П. Гавриленко и студенчество. Студ. И. П. Захарова 207
А. П. Гавриленко и Политехническое О-во. А. Н. Державина 209
Александръ Павловичъ и домъ Политехническаго О-ва. В. М. Чаплина 215
А. П. Гавриленко и О-во вспомощ. нуждающ. студентамъ И. Т. У. В. Ф. Листа . 221
О дѣятельности А. П. Гавриленко въ Обществѣ имени Х. С. Леденцова. Проф. Н. Ф. Чарновскаго 226
А. П. Гавриленко, какъ техническій дѣятель. Р. В. Полякова 230
А. П. Гавриленко и инженеры И. Т. У. Ф. Н. Данилова 233
А. П. Гавриленко въ одномъ изъ эпизодовъ объединенія московскихъ техническихъ силъ. С. И. Кричевскаго 235
А. П. Гавриленко, какъ человѣкъ. Д. И. Виноградова 237

Вмѣсто „послѣсловія“ 245

Иллюстраціи, въ количествѣ 32-хъ вклеенныхъ листовъ, расположены, приблизительно, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ текста.

BOUND BY
HW

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
Q. B.G2832 C C001
Pamiaţti Aleksandra Pavlovicha Gavrilenk
3 0112 096143430